

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

**№ 1
2010**

Республика Узбекистан
Ташкент

И.о. Главного редактора

УЛУГБЕК ХАМДАМОВ

Общественный совет журнала

БАБУР АЛИМОВ

(председатель совета)

АБДУЛЛА АЗАМОВ

АБДУЛЛА АРИПОВ

БАХОДИР АХМЕДОВ

ХУРШИД ДОСТМУХАММАД

ТУЛЕПБЕРГЕН КАИПБЕРГЕНОВ

ИРОДА РАХИМОВА

РАЙХАТ САДЫКОВ

ЗОЯ ТУМАНОВА

ФАРХАД ХАМРАЕВ

МУХАББАТ ШАРАФУТДИНОВА

СВЕТЛАНА ГЕРАСИМОВА

НИКОЛАЙ ИЛЬИН

НАСРЕТДИН МУХАММАДИЕВ

КУВАНДИК САНАКУЛОВ

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

Ответственный секретарь

ЗИЁДБЕК УРИНОВ

верстка, оригинал-макет,

дизайн,

АКБАРАЛИ МАМАСОЛИЕВ,

АННА ЛАДИНА

Учредитель

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Абдулла Арипов. Путь к совершенству долг и тернист. Стихи. 4

ПРОЗА

Ольга Григорьева.

Синдром страха, или Закон матрешки. Роман. 7

ПОЭЗИЯ

Владимир Баграмов. Нельзя стихи писать случайно. Стихи. 79

ПРОЗА

Отаули (Рахимджан Атаев). Ночь на Родине. Рассказ. 85

ПОЭЗИЯ

Икбол Мирзо. Заветное желание в душе своей таю. Стихи. 94

ПРОЗА

Ариадна Васильева. Возвращение в эмиграцию Роман. 97

ПОЭЗИЯ

Алексей Кирдянов. Признание. Стихи. 131

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Насирулло Миркурбанов. Антон Павлович Чехов в контексте современного мирового литературного процесса. 136

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Николай Ильин. Поэзия Гузаль Бегим. «Тень порхающего листа» Стихи..... 141

Гуарик Багдасарова. Поэзия Баха (Баходыра Ахмедова)

«Моя поэзия – молчанье». 150

НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД

Кучкар Ханазаров. Глобализация и перспектива языков. 153

ПОЭЗИЯ

Абдулла АРИПОВ,
Герой Узбекистана,
Народный поэт

* * *

Путь к совершенству долг и тернист.
Мне в том пути помощник – мой калам
Дитя! Путь к совершенству свой найди -
Так Президент указывает нам.

САЙРАБСКАЯ ЧИНАРА

В благодатной тени, под чинарою древней
Собирал я круг близких, любимых друзей.
Здесь за чашей вина с пожеланьем везенья
Тост за тостом звучат голоса веселей.

Вот один, обративши свой взгляд на чинару,
Пожелал нам, чтоб каждый прожил её век.
И, воздав по заслугам оратору славу,
Веселились мы здесь, пока день не померк.

Может случай такой, неприметный и скромный,
Не пристало поэту в стихах воспевать.
Но, дав волю душе, в этом месте укромном,
В тихий час я хочу о былом помечтать...

И пригрезилось мне: целый мир покоривший,
Македонский в тоске под чинарой грустил.
А Великий Тимур, гнев на милость сменивший,
Здесь рабу своему прегрешенье простил.

Свой приют от невзгод и коварства людского
Находил под чинарой скиталец-поэт.
О, Машраб, ты искал себе счастья простого.
О, Машраб, ты познал много горя и бед.

Здесь беглец и гонитель в молитвах просили:
 «Дай спастись мне, о Боже!» - «Дай, Боже, догнать!»
 А столетний старик, от тоски обессилев,
 Чтоб еще век прожить рад чинарой сам стать.

Тленно все в этом мире и хрупком, и брэнном -
 Даже горы великие время крушит.
 Хоть в почете Добро, почему непременно
 Зло за ним по пятам неотвязно спешит?!

И когда Добродетель от муки чуть стонет,
 Зло стократ возопит, словно было больней.
 Как ни странно, но слух свой сочувственно склонит
 Небосвод ко второму гораздо скорей.

Много в мире еще остается вопросов.
 Много тех, кто пытался ответы найти
 Тайна мира – чинара – хранитель заветов
 Вечной мудрости знак на житейском пути.

Вновь по кругу мы пустим заздравную чашу.
 Веселятся друзья – плавно речи текут.
 А чинара? Молчит, внемлет пенням нашим,
 Слышит грезы людей, ... а века все идут.

БЛАГОДЕЯНЬЕ

Кого ни повидал наш старый свет?!
 Ученым и святым в нем счѐта нет!
 И кто б их ни спросил – В чем ваша цель?
 – Благodeянье! – он в ответ имел.

Наш старый мир за столько долгих лет
 Различных храбрецов являл на свет,
 И если б их спросить – В чем ваша цель?
 – Благodeянье! – отзыв был бы смел.

В полях истории, на скакунах войны
 Сшибались – с грудью грудь – вожди страны
 Когда бы их спросить – В чем ваша цель?
 – Благodeянье! – отклик прогремел.

* * *

Доброта к доброте подходит,
 То же с совестью происходит.
 Нет хозяев на этой земле:
 Гости сами, лишь в гости приходим.

* * *

«Одиночество добьет», – ты говоришь,
 «Где бы голову склонить, узнать бы лишь...»
 У тебя есть друг один? – Молчи тогда!
 Солнце тоже в небесах одно всегда.

ВЕСТИ

Ежедневно различные вести слышим:
Наводнение где-то, а где-то торнадо.
Весь мир – это вести, и мы ими дышим,
Они каждый миг с нами: надо - не надо.

Ветер шалый приносит добрую весть,
Голубь в небе расскажет о чистоте.
А телефонам не надо ни спать, ни есть -
Они сортируют вести на своей «частоте».

Приходят вести с континентов дальних,
В них голос боли, гнев в них и печаль.
Из космоса глубин, из бездн астральных
Летят они к земле - здесь их причал.

И медленно дни протекают за днями,
На сердце тревожно – вестям нет конца.
Хоть мы и живем в одном городе с вами -
Не слышу я вас и не вижу лица.

*Перевод Ибрагима Чориева и
Юлии Морозовой.*

ПРОЗА

Ольга ГРИГОРЬЕВА

СИНДРОМ СТРАХА, ИЛИ ЗАКОН МАТРЕШКИ

Роман

Посвящаю племяннику Игорю и своим детям, Ирине и Александру, – людям не только родным и горячо любимым, но творческим, близким мне по духу, вселившим в меня уверенность, что «все получится».

Спасибо вам за это!

«... человек, лишенный фантазии не сумеет последовать за мной по этим чертогам»

Герман Мелвилл

1

Сейчас два часа ночи. Я не могу спать. Я не сплю уже, какую ночь, я боюсь, боюсь так, что порой внутри меня все дрожит. Днем клюю носом, проваливаюсь в сон при малейшей возможности: в транспорте (за руль своего «Matiz» уже месяц как не сажусь), во время обеденного перерыва на работе. Вскрываю, ошалелая, ненормальная, в страхе, что проспала остановку (а такое уже было), что «переспала» положенное время перерыва (и такое было), что вновь увижу удивленные и заинтересованные взгляды своих коллег и услышу вопрос:

– Елена Михайловна, у вас все в порядке? Вы здоровы?

Да, я здорова, но у меня не все в порядке и самое страшное то, что я ни с кем не могу поделиться своим Великим Страхом. Ни с кем! Если я начну рассказывать своим друзьям (даже самым близким из них), что ко мне по ночам приходит покойный муж, они подумают, что я сошла с ума. Я бы и сама так подумала, если бы мне

поведали такую историю. Естественно, никогда бы не поверила в подобный бред, начала бы утешать, искренне переживать за психическое состояние доверившегося мне человека и попутно уговаривать показаться хорошему врачу. Это правильная реакция нормальных людей на всякие ненормальные бредни. Подобные действия логичны. Разве может покойник приходить в дом? Бред. Разве может живой человек не только видеть его, но даже пытаться разговаривать с ним? Бред, сплошной бред! Я ведь не героиня фантастического фильма или какого-нибудь примитивного «ужастика», в котором оживают покойники, а по улицам города шастают вампиры. Я нормальный, обыкновенный человек, проживающий в городе Ташкенте, на улице «Семи тополей», дом № 23, в тихом спокойном районе собственных домов. Я не люблю фантастику, я не смотрю фильмы ужасов. Я инженер-энергетик, здравомыслящий человек, для меня на первом месте всегда стоял точный расчет, логика, а не какие-нибудь бредовые измышления. Я житель двадцать первого века, не романтическая барышня и не истеричка. Я не могу видеть то, что я вижу, потому что это нереально, потому что так не бывает!!!

Но я это вижу. Вижу!!! И в этом весь Ужас.

А может быть я, действительно, сошла с ума? Может быть, именно так сходят с ума? Я ведь раньше никогда «не сходила» и ничего об этом не знаю. Может быть, это именно так страшно и начинается? Звонок в дверь, ты ее открываешь, думая, что к тебе пришла соседка, а там, за этой дверью... стоит и смотрит на тебя твой муж, которого ты похоронила больше года назад. Изо всех сил хлопаешь дверью, закрываешь ее на ключ, на все запоры, замки, цепочки. От дикого страха даже не можешь заорать, потому что внутри тебя все скрючилось, онемело, и только руки и ноги трясутся, как у больного падучей. Замираешь у этой двери, лихорадочно соображая, что делать? (Господи, что делать-то? Что это? Как это?) Потом поворачиваешься и... и снова видишь его, немного удивленного. В глазах непонимание и тревога, мол, ты что? Что случилось-то? И рубашка... рубашка на нем «Reebok» в крупную клетку, черно-красную, теплая рубашка, которую он очень любил, говорил, удобная. Какие-то секунды с нарастающей дикой паникой смотришь ему в глаза. А он ласково и осторожно тянет к тебе руку...

Больше я ничего не помнила. Очнулась около входной двери, на своей террасе. Еле-еле поднялась. Болела правая рука и голова. Видимо я хорошо грохнулась на правую сторону, рука даже немного припухла в кисти, как от растяжения. Сначала ничего не могла понять: где я, что со мной, почему все тело как чужое, не слушается, почему лежу на полу? Вроде бы выходила во двор, к воротам... В голове противный звон... Нет, не звон, а гулкая гнетущая пустота, и в ней, в этой пустоте, как обезумевшая птица в клетке, бьется, мечется какая-то мысль. Тебе хочется поймать эту «птицу-мысль», сжать в руке, заставить замереть, не трепыхаться, не дергаться, и затем, осторожно разжав пальцы, не торопясь рассмотреть ее и сразу же понять нечто очень нужное и важное, что ускользает, расплывается... Поймать, немедленно поймать эту долбаную птицу!.. Но... только пух и перья, а птица все бьется, бьется, бьется... Птичка-истеричка!

Включая везде свет, доплелась до своей комнаты, посмотрела на часы. Три часа утра. Господи, что же это я делала на террасе-то? Как я там оказалась? Отчего-то потеряла сознание что ли? Не легла же я спать в халате у двери, на зеленом коврикe, как домашняя собачонка? И вдруг «птица» перестала метаться в моей израненной, исклеванной голове и моментальной и четкой картинкой высветилась жуткая вчерашняя сцена. Я рухнула на кровать. Меня снова начал бить озноб. Боже мой! Такого не может быть! Со мной что-то неладно. Это просто какая-то галлюцинация.

Так это все началось. Я стала напрашиваться в гости с ночевкой к подругам или буквально заманивать их к себе. После той страшной ночи, когда я, клацая зубами от страха, ждала наступления утра, ждала первого солнечного луча так, как никогда никого и ничего не ждала в своей жизни, я стала дико бояться темноты. Вечер и ночь потеряли для меня свое волшебное очарование, они стали моими врагами – страшными, непонятными, необъяснимыми. Так я изворачивалась целый месяц – либо я к кому, либо ко мне кто, – прекрасно понимая, что все равно

наступит такой вечер и такая ночь, когда мне придется остаться в собственном доме одной (не на скамейке же в парке ночевать!). Инженер-бомж, начальник приличного отдела с приличной зарплатой – на газете под забором. Картинка что надо!

У меня нет детей, а из родных – только брат моего мужа (если его можно назвать родным!), с которым мы никогда не ладили. По сути дела, и не общались даже (если не считать некоторых малоприятных моментов, когда он вдруг решил, что может превратить меня в свою любовницу!), а так – он сам по себе, я сама по себе. Вот и получается, что одна я на этой земле. На всей огромной Земле – одна. До той Ночи Дикого Ужаса я никогда об этом не задумывалась, даже после смерти мужа, не задумывалась и не считала себя «абсолютно одинокой». В голову «такое» не приходило. А вот теперь пришло, вот теперь я поняла, что такое «одна» и как это потрясающе страшно.

И она наступила, эта ночь, когда мне пришлось ночевать одной в своем доме. Я закрылась, закурилась, зашторилась, и, положив около себя телефонную трубку и сотку, то тряслась, то проваливалась в дурной сон, то снова вскакивала с тяжело бьющимся сердцем, прислушиваясь к шорохам, которые казались мне осторожными подкрадывающимися шагами.

И так несколько ночей подряд.

Наутро вставала с большой головой. Лицу не помогала никакой макияж: затравленные глаза не сделаешь счастливыми с помощью туши и карандаша. Совершенно измотанная, ехала на работу, окуналась в нее с головой, пытаюсь таким образом вернуть себя в нормальную жизнь, стать такой, как все, с проблемами такими, как у всех, но это плохо получалось, потому что моя проблема была далеко не как у всех, потому что к вечеру меня снова ждал мой дом, моя комната и Мой Страх.

Так прошла еще неделя, но все было тихо. Я начала серьезно подумывать о том, что у меня действительно было головокружение, что я упала, ударились головой, а все остальное – покойный муж, его рубашка в яркую клетку, его протянутая ко мне рука – это больной бред упавшей и хорошенько стукнувшейся женщины. Я начала приходить в себя, даже как-то успокаиваться. Несколько раз на ночь приняла снотворное, выспалась и стала снова походить на человека, на симпатичную тридцатилетнюю женщину. Но мой хрупкий мир рухнул в один момент, рухнул, когда я, искупавшись в ванной, надев длинный банный халат и замотав голову полотенцем, вошла на кухню, чтобы включить электрочайник. После горячего душа захотелось горячего чаю...

Меня ждала «горячая встреча». Виктор сидел у стола и смотрел в окно. Все в той же клетчатой рубашке, положив руки на стол и немного сутулясь. Он всегда так сидел, когда приходил домой уставший после работы. Я превратилась в соляной столп. Я стояла у двери и смотрела на него, а он смотрел в окно, как будто разглядывал там что-то в этой чернильной жиже, залившей мой двор, и мою улицу, и, наверное, весь мир. В этот момент я буквально физически ощутила, что нахожусь на грани сумасшествия, ясно и четко представив себе, что если сейчас он повернет голову и посмотрит на меня своими мертвыми белесыми глазами (да, да, именно мертвыми и белесыми, и голову повернет, как в замедленной кино съемке), то чернильная жижа зальет и мою голову, поглотит мой мозг.

Закрыв глаза, я спряталась за своими веками – вся, от макушки до пят, отсекала, отгородила себя от своей кухни с покойником за столом и со зловещей тьмой за окнами. Мелькнула идиотская мысль: сейчас я напоминаю страуса, который спрятал голову в песок. Мудро, очень мудро. Голову в песок – и ничего не вижу! и значит никаких проблем! С трудом разлепила веки: кухня была пуста. За столом никого. Неужели я действительно больна! Но ведь говорят, что если человек понимает, что он болен, то он не псих. Псих не понимает. А может быть у меня какая-то особая форма психоза?

Надо взять себя в руки. Все хорошо. На кухне никого нет, и не было. И стулья вокруг стола расставлены точно так, как я их расставила, когда мыла пол. Все нормально. Сейчас поужинаю, попью чай с лимоном и с сахаром, проглочу таблетку и спокойно буду спать до утра, а завтра отпрошусь с работы и схожу к врачу. Позвоно своей подруге Сабине, у нее много знакомых медиков, и она поможет мне найти

хорошего специалиста. Скажу, что сильно переутомилась, что нужен невропатолог, что сказывается потрясение после смерти мужа. Надо подлечить нервы – и все, все, все!.. С этой галиматьей будет покончено! Все встанет на свои места!

Я глубоко вздохнула, мне показалось, что я и не дышала вовсе. Стояла у двери и не дышала. Тогда я с каким-то противным всхлипом вздохнула еще раз и вдруг... ощутила его запах. Он любил «Kiton Black». Мне тоже очень нравился аромат этого парфюма. Я любила понюхать щеку мужа, его шею, коснуться их губами. Я этот запах не спутаю ни с чем. Но откуда он здесь? Здесь не может пахнуть «Kiton Black»! Я ежедневно проветриваю все комнаты, распахивая окна. Я люблю свежий воздух. Натянуло с улицы? Но ведь это не дым от горящих листьев. Я метнулась в ванную. Туалетная вода, которой когда-то пользовался муж, должна была стоять в шкафчике, на второй полке, в самом углу, потому что теперь в ней не было надобности. Должна была стоять там, но стояла рядом с умывальником. Пять минут назад я вышла из ванной и никакого флакона нигде не было. И быть не могло! А теперь он стоял.

Я всегда ругала Виктора за то, что он забывает закрывать зубную пасту, поставить на место свои бритвенные принадлежности, туалетную воду. Его забывчивость раздражала. И когда я каждый раз закрывала за ним злосчастный тюбик, или возмущалась на положенное место флакон, мне невольно вспоминалась строка из выступления какого-то артиста-юмориста (какого, сейчас не вспомню, не могу!), который читал монолог жены, посвященный «прекрасному мужу». «Прекрасному» во всем, кроме одного – он не закрывал тюбик зубной пасты. Вот так, всем хорош, «а тюбик, блин, не закрывает!» Из-за этого тюбика (или флакона с туалетной водой) у нас не раз по утрам случались маленькие скандалчики, которые иногда перерастали в большие и серьезные выяснения отношений. Да, иногда было и так, причем последнее время, точнее последний год, все чаще, все раздраженней, почти с ненавистью. Последний год мы жили плохо, очень плохо.

Зажав в руках «Kiton Black» я вернулась на кухню и села за стол. Надо во всем разобраться, самой. Надо суметь перешагнуть какую-то черту и во всем разобраться. Самой! Если я расскажу обо всем умной здравомыслящей Сабине, она сделает единственно возможный правильный вывод: у подруги плохо с головой и нервами. Она найдет для меня самого лучшего врача и уговорит лечь в клинику. Она сделает для меня все, что может сделать лучшая подруга и добрый хороший человек, но мне это не поможет. Я окажусь в психушке, и в результате всяких уколов, таблеток, профессиональных бесед, копания врачей в моей душе и голове я действительно сделаюсь психом и, что самое страшное, я сама поверю в то, что я псих. И в глазах всех знакомых я тоже стану, мягко скажем, «странной женщиной». К любым моим словам и действиям будут относиться неадекватно, помня, где я лечилась и от чего. Это будет конец. Мне конец, как женщине и как человеку. Я должна все решить сама. Я должна сама выкрутиться из этой ситуации. По крайней мере, попытаться.

Да, в моем доме происходят страшные вещи. Я вижу покойного мужа, вижу ясно и четко. Я отдаю себе отчет в том, что я нормальный человек, потому что все остальное в окружающем меня мире воспринимаю правильно. Если бы это было не так, моя чокнутость была бы, прежде всего, замечена сослуживцами, она отразилась бы на качестве моей работы. Этого, слава богу, нет. Видят, правда, что я измотана, устала, что я тяжело переносу свое раннее вдовство... Сочувствуют мне, помогают, но при этом никакого намека на то, что считают меня «не в себе». Не вижу я подобных намеков и со стороны друзей, соседей. Значит, я нормальный человек. Если бы была психом, то была бы им в течение всего дня, а не в какие-то определенные ночные или вечерние часы, проводимые дома. Тогда в чем дело? Можно ли как-то научно объяснить мои страшные видения?

Сейчас много пишут о параллельных мирах, о странной «игре» времени и пространства, о призраках, домовых и еще бог знает о чем. Пишут серьезно, потому что имеются непроверяемые факты существования всего этого бреда, факты, которые никто не может объяснить, применимо к которым современное слово науки оказывается пустым словом. Может быть, и я столкнулась с одним из таких потрясающих фактов? Может быть, мой дом находится в какой-то такой точке, где

периодически происходит, на какие-то считанные минуты, сдвиг во времени, и я на несколько мгновений оказываюсь в прошлом, точнее, в каком-то кусочке прошлого. Тогда почему все эти «кусочки» связаны с моим мужем? Ведь могла бы «высветиться» какая-нибудь другая «картинка», например, как я перед зеркалом меряю свою новую норковую шубу и чуть не прыгаю от счастья. Почему бы не возникнуть такому видению? Стоп! «Картинка», может быть, и могла бы «высветиться», но не запах «Kiton Black » и не флакон, который вдруг оказался на столике, рядом с раковиной, в ванной, и который я сейчас держу в руках. Господи! Я сойду с ума. Я ничего не понимаю. Я не умею объяснить того, что со мной происходит!

Спокойно, только без паники, иначе я пропала. Буду думать. Возьму себя в руки. Буду смелой. Если такое случится еще раз, я не грохнусь в обморок и не «спрячусь» за своими веками. Я заговорю с ним. Да, я с ним заговорю, как бы дико и нелепо все это ни звучало. Я спрошу, зачем он так меня мучает? Зачем? Зачем? Зачем?! Какого черта ему от меня надо?! Что вообще все это значит?!

Господи, да я уже разговариваю вслух, и даже не разговариваю, а ору. Это у меня называется «взять себя в руки». Неплохо получается.

Я встала, отнесла флакон в ванную комнату и поставила его на место, в шкафчик, на вторую полку, в самый угол, и плотно закрыла дверцу. Посмотрела на себя в зеркало. Бледное лицо, крепко сжатые губы, в глазах и напряжении, и тревога, и страх... и накапливающие слезы... Сейчас умоюсь холодной водой, смую свой страх и свою тревогу, приму таблетку и лягу спать... и будь что будет... не могу больше... просто не могу... сейчас умоюсь и лягу...

Вода приятно холодит кожу. Я набираю ее в сомкнутые ковшиком ладони и осторожно окунаю в этот «ковшик» свое лицо. Повторяю эту процедуру раз, другой, третий... Вода – это чудо. Вода лечит. Вода мой друг. Мне становится легче. Исчезает напряжение, которое звенело во мне, как струна, натянутая от макушки до пяток. Минуту назад казалось, тронь эту струну, и она разорвется со страшной все уничтожающей силой, разлетится в разные стороны и разорвет меня, разрежет на тысячу кусочков. А сейчас ничего, легче, напряжение ослабло. Струна уже просто тихо гудит, тихо, она уже не натянута, она уже меня не разрежет, не убьет... Стягиваю с головы полотенце, накрученное в виде чалмы, и утыкаюсь в мягкую приятную ткань. Будь, что будет... Я не могу прыгнуть выше себя... Я не владею этой ситуацией... Я просто постараюсь как-то справиться с ней... постараюсь...

Я снова уставилась в зеркало. Оттуда на меня смотрела испуганная и усталая женщина с мокрыми русыми волосами, рассыпавшимися по плечам слипшимися волнистыми прядями, с серыми глазами, иной раз меняющимися, как хамелеон, в зависимости и от настроения, и от цвета платья, с бровями темно-пшеничного цвета, которые ей иногда приходится подкрашивать, чтобы они выглядели потемнее, немного крупноватым ртом чаще с ярко-розовыми, а теперь бледными губами, небольшой родинкой около левого уха, высоким лбом и прямым с небольшой горбинкой носом. Такое до мелочей знакомое лицо... и такое незнакомое... как будто впервые его видишь...

Я повесила полотенце на сушилку, еще раз мельком взглянула в зеркало и направилась к выходу из ванной. Автоматически протянула руку к выключателю и вдруг... вдруг всем телом, кожей почувствовала, что кто-то смотрит мне в спину. И этот «кто-то» смотрит из зеркала, смотрит пристально, впившись взглядом в мои длинные мокрые волосы... Опять натянулась и зазвенела струна – струна моего Великого Страх. Сердце подпрыгнуло и заколотилось где-то в горле. Я резко обернулась. Мне показалось, что в зеркале что-то метнулось и погасло. Или это мое разыгравшееся воображение шутит со мной такие злые шутки? Зеркало как зеркало, а в нем застывшая «Я» с напряженным лицом и затравленным взглядом неврастенички. Так... начинаю сама сводить себя с ума. Резко развернувшись, я решительно выключила свет и вышла из ванной. Все... таблетку... и спать, спать, спать... немедленно спать...

Елена закрыла дверь ванной и решительно направилась в спальню.

Погруженная во мрак комната осветилась странным голубоватым светом. В зеркале медленно проявилось женское лицо. Очень красивое лицо. Золотые, как и

у Елены, волосы, только не мокрые, и не распущенные, а собранные на затылке в тяжелый «хвост», перехваченный золотым обручем, и глаза не серые и меняющиеся, как у хамелеона, а зеленые с веселыми золотыми искрами, вспыхивающими порой. Прекрасные глаза, завораживающие, затягивающие в глубину своего зеленого омота, огромные, немного миндалевидной формы, опущенные длинными густыми ресницами. Широкие, темные «соболиные» брови вразлет. Вылепленный талантливым скульптором нос и удивительного рисунка губы – полные, яркие и, как сказал бы поэт Востока, свежие, «как лепестки роз в саду Эдема». Нежный продолговатый овал лица, находящий свое естественное завершение в маленьком аккуратном подбородке. Чистая и гладкая кожа, которая, казалось, светится изнутри мягким и теплым светом.

Удивительный зеркальный портрет ожил. Затрепетали ресницы, глаза внимательно осмотрели ванную комнату, капризно надулись губки, а затем сложились в иронической усмешке. Незнакомка покачала головой, пожала плечами, отвернулась... Появилась ее рука с тонкими нежными пальцами и... «стерла» свое собственное изображение. Зеркало снова стало зеркалом, ничем не примечательным, отражающим только часть занавески с красивыми разноцветными рыбками, рассыпанными по голубому полю, и противоположную стену, выложенную бирюзовым кафелем. Затем и это изображение исчезло, потому что погас странный мерцающий свет, и ванная снова погрузилась в темноту.

2

– Повтори мне, что ты сейчас сказал?

– Я сказал, что надо проведать Ленку, все-таки она жена моего брата.

Я после его похорон видел ее раза два-три... надо съездить, посмотреть, как она там. Ее недавно видел Умид, говорит, что очень похудела и вообще выглядит не того.

– Ну да, а ты поедешь утешать бедную вдову, чтобы она выглядела «того»?

– Слушай, Ритка, не заводись а, ты достала меня со своей ревностью!

– А кто тебе сказал, что я ревную? Если тебя ревновать ко всем твоим шлюхам, никаких нервов не хватит!

Девушка резко поднялась с кровати и начала натягивать джинсы. Ее темные с сиреневатым оттенком волосы растрепались, рассыпались по плечам, закрыли глаза. Раздраженным жестом она смахнула их со лба и, не глядя на Олега, наблюдавшего за ней, схватила со стула кофточку, но от злости никак не могла попасть в белый кружевной рукав.

– Ты уже и Ленку записала в шлюхи?

– Да пошел ты!

– Что ты взъелась! Я что уже родственницу проведать не могу?! По любому поводу базары устраиваешь! Представляю, что будет, если мы поженимся! Сейчас истерики закатываешь, а что будет потом? Сковородками швыряться начнешь? Что я такого ужасного собираюсь сделать, скажи, пожалуйста? Или ты считаешь, что как только я войду к ней, мы сразу накинемся друг на друга и в исступлении займемся сексом? Так что ли? Ведь у тебя ведь все мысли обо мне однолинейные!

Олег тоже встал с кровати и подошел к окну. Распахнув створку, взглянул на высокое голубое небо, по которому уже весело рассыпались первые солнечные лучи, румяня края легких белых облаков. Он закурил и, жадно затянувшись, выдохнул струю пахучего дыма в открытое окно. Лениво повернув голову, с откровенной неприязнью посмотрел на Ритку, которая никак не могла разобраться со своей кофтой, и добавил злым, напряженным голосом:

– Ты прекрасно знаешь, что я всегда терпеть ее не мог, кстати, так же, как и она меня. Так в чем проблема? Что ты истерику закатываешь? Я хочу просто ее проведать! И все! Просто проведать, потому что она жена моего брата! Это понятно? Нравится она мне или нет, есть определенные правила приличия, которые соблюдают все цивилизованные люди! Понятно!

– Не дави на меня и не повторяй, как попугай, «понятно, понятно!» – Ритка с ненавистью посмотрела Олегу в глаза. – И не делай из меня дуру! Понял! Терпеть он ее не мог! А, по-моему, ты просто дико ревновал ее к Виктору, вот и все! Тебе самому хотелось в кочку к этой золотоволосой красавице, а она от тебя нос воротила, вот ты и бесился, и ей хамил. А теперь что... теперь все о'кей... теперь она вдова, причем, богатая вдова... дом, денежки, золотишко... в гараже пылится машина... Как такую вдовушку не проведать! Все, все ей осталось и досталось... вот ты губу и раскатал... А я... что я... я теперь как бы лишняя оказалась... Только, когда будешь ее обхаживать, не забывай, что она на три года тебя старше... староватенькая для тебя будет, ты ведь больше специалист по молоденьким...

Ритка, наконец, влезла в рукава своей модной кофты и начала ее застегивать.

– О, подружка, куда тебя понесло! – Олег швырнул окурки в окно, сдернул с кресла свои джинсы и стал натягивать их на свои крепкие длинные ноги. – Да у тебя большое воображение, дорогая моя, ты знаешь об этом!

– У меня? – Ритка аж задохнулась от возмущения. – У меня большое воображение? А может быть, у тебя? Я хорошо помню, как ты с пеной у рта уверял меня, что эта сука (помнишь, ты называл ее сукой? С ненавистью называл, со смаком словечко это проговаривал), так вот, что эта сука отравила твоего брата, отравила, чтобы все прибраться к рукам, потому что Виктор собирался с ней разводится? Помнишь? Или забыл уже! Ты ведь даже предполагал, каким ядом она свела его в могилку... книжки какие-то доставал, где про яды написано... даже название отравы мне читал, уверял, что именно этим она его и пичкала. Целую теорию вывел, что травил медленно, но верно, и добила своего... Ухлопала братца и осталась чистенькой, и никто ничего не сможет доказать, а уж теперь и подавно... Помнишь как работало твое воображение? Значит оно у тебя здоровое, да? А у меня большое! Да? Класс!

– Да ты что городишь-то! – Рука Олега, потянувшаяся за рубашкой, застыла в воздухе, и он уставился на Ритку. – Что ты городишь?

Ритка, наконец, застегнула свою кофту, но получилось криво, потому что, нервничая, пропустила одну пуговицу и теперь, нервничая еще больше, расстегивалась и застегивалась заново.

– Городят огород, а я напоминаю тебе твои собственные слова, ясно? Или, может быть, скажешь, что я вру, а? Вру?

– Ну, ты и язва! Я тогда просто дико злой был на Ленку, задушил бы ее собственными руками. Ты же помнишь, какая она была на похоронах? Стояла, как истукан, слезинки одной не проронила, как будто все происходящее и не касается ее вовсе. Разве может жена так хоронить мужа? Разве может так вести себя женщина, прожившая в браке девять лет? Я ее ненавижу в тот момент! Я тогда еще Умиду об этом сказал, а он стал ее защищать, говорил, это она в шоке, что она в настоящий момент невменяемая. А я спорил с ним. Что, не помнишь что ли? Ты ведь рядом стояла и все слышала. Ты ведь всегда все слышишь, правда? – Язвительно спросил Олег. Затем уже ровным голосом и как бы немного задумчиво продолжил: и умер Виктор как-то странно, как бы задохнулся... Здоровый, крепкий мужик и вдруг ни с того ни с сего стал загибаться... Мне после его похорон и стало казаться черт те что, вплоть до того, что она его траванула. Да мало ли что человек может наговорить, когда он злой, когда он потерял единственного любимого брата...

– А ты, ты любил своего единственного брата?

– Что за идиотский вопрос!

– Почему идиотский? Ты его любил или его деньги? Ты ведь только последние два года около Виктора кругами ходить начал, когда у него эти денежки завелись, а до этого, насколько я помню, не очень то родственные отношения поддерживал, верно? А может быть это не Ленка, а ты его на том свете прописал, а? Талантливо применил в жизни шекспировский сценарий: неугодного мужа в могилку, а сам на его место: и жена красавица под боком и наследство в кармашек... Блеск! К тому же по сравнению с Клавдием ты в выигрышном положении – никакого Гамлета в твоей семейке нет, мстить тебе будет некому. Как тебе сейчас мое воображение? Что ты зелененький стал, прямо в цвет рубашечки, или я ненароком в точку попала?

– Послушай, что с тобой сегодня? С утра встала и завелась с ни фигу! То Ленка у тебя шлюхой стала, то я превращаюсь в последнего подонка... Что еще скажешь? У тебя сегодня хорошо получается, ты в ударе, давай, валяй дальше! А я пошел на кухню, пить кофе, а то с такой милой подружкой, как ты, и без завтрака останешься, а мне на работу, вкалывать весь день... Настроение для творческой деятельности ты уже создала...

Олег подошел к зеркалу, заправил рубашку в джинсы, быстро пригладил щеткой темно-русую гриву модно остриженных волос, потрогал рукой квадратный, немного тяжеловатый подбородок с пробивающейся темной щетиной и вышел из спальни.

Ритка села в кресло и устала на мозаичный паркетный пол. Внутри нее все клокотало... Сколько раз давала себе слово сдерживать свой идиотский взрывной характер, так нет: чуть что – эмоции начинают хлестать через край, а за эмоциями, отбросив всякий здравый смысл, старательно работает язык... Результаты иногда бывают плачевными. Вот куда ее сейчас понесло, что она Олегу нагородила! Ритка вцепилась кончиками пальцев в свои виски, начиналась головная боль, к горлу подкатывала тошнота. Действительно, что она с утра завелась? Далась ей эта Ленка! Собственно, и видела то ее всего раза два-три... Строгая, холодная, высокомерная... Красивая... Противная... Ритке она не понравилась. Однако Виктор любил ее до безумия. Виктор был хорошим. Его Ритка видела чаще: он последний год стал время от времени приходить к Олегу. После ссор со своей Еленой Прекрасной тоже приходил и тогда сидел, молчаливый, больше слушал, чем говорил. Но даже когда слушал и говорил, ощущалось его отсутствие, потому что и мыслями и душой он был там, с ней, со своей Ленкой. Ритка это чувствовала, буквально физически ощущая его боль. Ей самой было хорошо знакомо это состояние, когда она ссорилась с Олегом: вроде бы чем-то занималась, куда-то ходила, с кем-то разговаривала, а на самом деле вся была там, с ним, и в сердце сидела заноза... и ныла, ныла, ныла... Такие ощущения испытывают только те, кто по-настоящему любит... Как она Олега, как Виктор свою Ленку. Иной раз к этой Ленке в ее душе поднималось чувство зависти. Опять-таки на каком-то особом уровне своих чувств она ощущала, что Олег к ней относится иначе, что, если они ссорятся, то он не страдает, как Виктор. Олег сильный, волевой, он умеет задвигать свои неприятности в темный угол, отстраняться от них, переключаться на серьезные насущные проблемы. К таковым у него, прежде всего, относятся дела сугубо материальные, те, которые можно оценить в купюрах, желательнее, в зеленых. Их отношения в купюрах не оценивались и по этой причине к «серьезным» и «насущным» для Олега, по всей видимости, не относились. Подспудно Ритка это чувствовала всегда, но в последнее время – острее.

Может быть, это ее зависть к Ленке сыграла сегодня роль ключа в замке зажигания? Повернул ее милый этот ключ, и она сразу же завелась с пол-оборота, как дура... Да плевать на эту Ленку! Господи, что ее на ней заклинило! И дело вовсе не в ней, а в бесконечных романах Олега, мини-романах, которые создаются в его жизни так, промежду прочим. Он свои походы налево и за грех то не считает. Уверяет, что любит только ее, Ритку, а все остальное чепуха, да, в общем-то, и нет этого «остального», а есть только богатая Риткина фантазия на почве дикой ревности. Девушка вздохнула и потеряла виски. Фантазия... Нет никакой фантазии, а есть двуликий Янус... Всегда себе на уме... Сложный и непростой человек, с двойным дном. В этом плане он и Виктор – небо и земля. Виктор был спокойным, сдержанным, тактичным, твердым по характеру, но добрым, с удивительным чувством юмора и потрясающим умением внимательно слушать своего собеседника. Рядом с ним было легко и как-то спокойно и еще... (Ритка подумала, подбирая слово), и еще очень надежно. Олег другой – напористый, жесткий. Иной раз Ритке кажется, что он может быть даже жестоким. Бывают моменты, когда она вдруг начинает его бояться: появляется ощущение, что в нем есть что-то от пантеры – опасного стремительного убийцы: в том, как он ходит, как поворачивает голову, делает какой-то жест. В такие секунды она четко понимает, что это зверь дикий и неуправляемый, что он никогда не будет ручным. Откуда рождались в ее голове такие мысли, и

возникал страх, она не знала, ведь Олег никогда не причинял ей физической боли, никогда. А они встречаются уже второй год. Иной раз кажется, что он для нее – открытая книга, весь, как на ладони – свой, понятный, родной, единственный. В такие минуты будущее рисуется простым и ясным: они любят друг друга, у них серьезные отношения (иначе бы эти отношения не тянулись целых два года!) и, как только нормализуется материальное положение, они поженятся, создадут хорошую, дружную семью и... Ритка родит малыша. А потом внезапно возникает страх и глубинное понимание того, что этого человека она не знает, что он совсем не то, чем кажется, что он выдуман ей, как в той песенке: «Я тебя слепила из того, что было, а потом, что было, то и полюбила». Интересно, из какого материала она его слепила, точнее, какой материал ей для этой цели подсунул Олег?

Последнее время в их отношениях появилась трещинка, пока она маленькая, но уже разрастается. Ритка это чувствует. Они стали часто ссориться. Ритке надоело его бесконечное вранье. Ведь все время талантливо и виртуозно врет, и за хвост не поймаешь, выскальзывает, как рыба. Плюх... и снова он в своей мутной водичке, а она, как дура, с носом. Не пойман – не вор! Вчера, например, пришел домой в час ночи, а до этого, когда она, переживая, искала его, он по сотовому скучным голосом ответил, что занят и задерживается. Она его ждала, приготовила вкусный ужин. А он пришел сытый, от ужина отказался, сказал, что очень устал, принял душ и завалился спать. Целуя его в прихожей, Ритка почувствовала тонкий, едва ощутимый запах дорогих духов, чужих духов. С кем же ты веселился и ужинал, любимый?! Кто же тебя побаловал и деликатесами и постелькой? Потом «милый» спал сном младенца, а она прокрутилась всю ночь с боку на бок. А спроси его, где был и намеки на духи, так сделает удивленно насмешливое лицо и скажет: «Ну, звони Умиду, он тебе подробно расскажет, где и как мы работали, с какими поставщиками общались... Кстати, поставщики – все мужчины, люди деловые, от них вроде бы духами не пахнет. Вот жена Умида не задает тупых вопросов, не закатывает истерик по любому поводу, она у него, в отличие от тебя, женщина умная и уравновешенная и понимает, что бизнес есть бизнес».

Звони Умиду! Да Умид никогда не «сдаст» своего друга! Нашел свидетеля! Да и вообще, Олег и Умид – два сапога – пара. Такие разные внешне, но в то же время чем-то так необъяснимо похожие друг на друга, что иной раз Ритке казалось, что они близнецы.

Бросить бы этого Олега к чертовой матери! Ритка закрыла глаза... Но она любит этого красивого мерзавца. Господи, как она его любит! Да, природа не поскупилась, когда творила этого представителя homo sapiens... Рослый, сильный, мужественный, когда захочет – обалденно обаятельный! Виктор тоже был хорош, но Олег! Именно по таким, как он, и сходят с ума... Крутой герой из романтических вестернов. И он знает это и пользуется этим на всю катушку. Ну и черт с ним и с его красотой, и с его обаянием! Сейчас она встанет и уйдет. Спокойно скажет – «до свидания!» – тихо закроет дверь и уйдет. И все, и поставит точку в их отношениях. Она тоже не уродина, Боженька ничем не обидел. Сколько ребят по ней сохло, а она прикипела к этому Олегу! Он это и чувствует, потому и ведет себя так... и хамит периодически... А она... – Ритка тряхнула головой и встала – а она, гордость свою потеряла где-то... найти бы ее теперь!

Голова разболелась по-настоящему. В висках застучали маленькие противные молоточки – тук-тук-тук-тук... Черт, до чего на душе погано! Так скоро инвалидкой станешь: последнее время то сердце покалывает, то голова болит... Лекарство в сумке таскать начала, как загибающаяся пенсионерка. Сможет она порвать с ним или нет? Сможет ли она действительно сказать «до свидания» и закрыть за собой дверь? Хватит ли на это ее силы воли? Без Олега жизнь станет пустой и никчемной. Она не виновата, что так его любит, что он стал частью ее существа (в этот момент Ритка еще не знала, до какой степени он стал «частью ее существа», еще не знала, что беременна).

Девушка шагнула к зеркалу. Надо привести себя в порядок и принять какое-то решение... принять, прямо сейчас, потому что все пошло наперекосяк, все неправильно. А как сделать так, чтобы было правильно? Как?

Ритка протянула руку, взяла щетку для волос, внимательно взглянула на себя в зеркало и...

Олег вышел из спальни и быстро прошел в ванную комнату. Он был в шоке. Ничего себе, Ритуля! Какие мысли-то посещают ее голову, какие выводы она умеет делать! Ах, ты Рита-Рита-Маргарита! А он-то считал ее пустышкой и глупенькой. Хорошенькой, страстной, преданной, горячей и несколько необузданной в своей ревности, как героини из бразильских сериалов, но не слишком умной. Она его именно такая и устраивала: чистоплотная хозяйка и отменная девочка в постели. А ее мозги ему ни к чему, у него своих на десятерых хватит. Да и вообще, умная женщина – большие проблемы, хотя вот не очень умная – тоже проблемы, да еще какие. Вывод: женщина – это проблема.

Олег старательно почистил зубы, умылся. Бриться не стал. Не заходя в спальню, пошел на кухню варить кофе. Сейчас надо было успокоиться, собраться с мыслями и принять правильное решение. Нет, не просто правильное, а единственно верное. Он слишком долго ждал свою Золотую Удачу, свой Выигрышный Шанс. Он продумал свой план до мелочей и сумел осуществить первую часть этого плана – самую тяжелую часть, самую грязную. И сейчас, когда финиш уже замаячил на горизонте, когда он уверен, что обязательно добежит до него, долезет, доползет, он никому не позволит сыграть роль рокового случая. И этой липучке тоже. Надо было расстаться с ней год назад, сразу после похорон Виктора, а он все тянул. Уж очень с ней удобно: придешь – и в квартире чисто, и ужин готов, а уж какие бывают ночи! Олег предпочитал жесткий секс, и Ритка в этом плане удовлетворяла его полностью. Вот из-за этих ночек и расставание затянул. И помимо Ритки у него есть девочки, но, погуляв направо и налево, он все равно снова тянулся к ней, к ее необузданным и жарким ласкам. Но теперь все, точка, не хватало еще, чтобы из-за постельных игрушек он завалил дело. Эта дурочка только что все очень точно расставила по местам, действительно попала в точку. Да, ему теперь нужна Елена – правильная, серьезная, умная, строго придерживающаяся определенных правил в жизни, имеющая свой взгляд на то, что допустимо и недопустимо, приемлемо и неприемлемо, честно и нечестно... Именно таких баб Олег терпеть не мог. С такой вряд ли проведешь жаркую ночь, это не Ритка, эта, небось, и с мужем занималась сексом, выключив свет и не снимая ночной рубашки. Но она ему нужна, она трамп-лин к следующему витку его карьеры. Не ново? Да, не ново. А что в этой жизни ново? В ней все старо, в ней уже тысячи, миллионы раз прокручивались одни и те же варианты. Жизнь дает Шанс всем, но далеко не все умеют поймать за хвост эту чудесную жар-птицу. Раскольников в своей теории был прав: надо уметь «переступить», уметь «схватить за хвост» и отшвырнуть в сторону все, что мешает. Он ведь тоже подготовил план, и сумел, и решился, и совершил... Только потом скис и оказался истеричным слюнтяем. Идеально провернул всю операцию и вместо того, чтобы довести ее до логического конца, превратился в тряпку, распустил сопли в нравственном самобичевании и все – сгорел! Вывод: не стоит повторять его ошибки. Интересного героя создал Федор Михайлович, хорошую информацию дал к размышлению и анализу. Идею дал! Это стоит денег. Молодец Достоевский! Уж кто-кто, а он хорошо знал «подвалы» человеческих душ, умел показать всю их темную, грязноватенькую и неприглядную сторону. И нет такого человека на земле, у которого бы не было этого «подвала». У каждого есть, у каждого! Свой, потаенный, заветный, о котором никому не расскажешь – ни маме, ни папе, ни брату, ни другу... никому! Иной раз человек и сам до конца своего «подвала» не знает, даже и не предполагает иной раз, на что он способен, какие дьяволы спят в его «тайном погребе».

Олег налил себе горячий вкусный удивительно ароматный кофе. Он умел его готовить. Именно из зерен, никаких заменителей, никакого суррогата. Хотел позвать Ритку, но передумал. Не хотелось разговаривать, хотелось додумать свои мысли до конца. А мысли наплывали, теснились – жесткие, откровенные, циничные. Олег любил сам себе говорить правду, хотя в само понятие, обозначенное словом «правда», не верил, потому что считал, что весь мир – это Ложь. Люди заквашены на Лжи. Лгут все, несмотря на то, что говорят правильные, до слез

трогательные и искренние слова. Правда – это та же ложь в различных ее ипостасях. То, что для одного чистая правда, для другого поганая ложь. Каждый занят только собой и, по сути дела, любит только себя, пытается обустроить именно свой мирок, перетянуть одеялко на свои ножки, чтобы не мерзли. Это единое правило игры для всех людей, во всем мире. Кто-то играет лучше, кто-то хуже, кто-то уже вне игры. Вот и все. Все старо, все было. Ритка весьма удачно ввернула фразочку про Клавдия. Древняя легенда, талантливо воспроизведенная Шекспиром и в различных вариантах миллионы раз проигранная человечеством. Олег «проиграет» ее в миллион первый раз. Почему бы и нет? И постарается сделать это с блеском, на бис.

Так, это все пустой треп, надо заняться делом, надо обмозговать сложившуюся ситуацию. Первое, что сейчас стоит на повестке дня – это красиво и навсегда расстаться с Риткой, поставить точку в их отношениях так, чтобы она исчезла из его жизни. Не дай бог, если со своими бредовыми идеями про отравление она явится к Елене и, руководствуясь только своими эмоциями, приправленными дикой ревностью, выскажет ей все свои «умные» мысли! Это будет конец. Тогда ему Елены не видать, как своих ушей без зеркала. Елена – натура собранная и цельная. Одно время Олегу казалось, что она не любит Виктора, просто, видя, как он ее любит, не решилась отказать парню и стала его женой. Исходя из этого, он, действительно, пытался поддаться к ней и уложить в кровать жену братца, чтобы, так сказать, на собственном опыте, во-первых, убедиться в ее нелюбви к мужу, во-вторых, провести тест на ее сексуальность (отчего то ведь его братец сходит по ней с ума, верно, не только от ее красоты!). Попытка была (и неплохая попытка), но закончилась она полным провалом. Причем, Олег видел, что возмущение Елены искреннее, а не наигранное, что она потрясена и оскорблена его поведением, его намеками, его весьма страстным и вольным объяснением в любви. Вот здесь она ему и сказала, что любит только Виктора и никогда ни с кем не изменит своему мужу. Сказана эта трафаретная фраза была так, что перестала быть трафаретной. Олег понял: это не кокетство и не поза, она действительно любит своего мужа, но, будучи натурой сдержанной и холодноватой, не выказывает этого, не выплескивает свои чувства наружу. У него тогда хватило ума извиниться перед ней, извиниться серьезно, искренне (когда надо, Олег умел сыграть и такую роль), объяснив свое поведение тем, что его тоже, как и брата, сразила ее красота, что он, как в затмении, не понимал, что делает, потому и решился на столь смелое и откровенное ухаживание. Вроде бы она поверила, однако как-то вся отстранилась, в их редких беседах при редких встречах появилась официальность. Сказала ли она об этом Виктору или нет (скорее всего, нет), но и с братом одно время отношения оказались внатяжку. Видимо, он просто что-то почувствовал. В дальнейшем Олег никогда больше не проявлял особого интереса к Елене, да и вообще встречался с братом, в основном, в городе, по делам. Это, видимо, успокоило Виктора, и их отношения выровнялись и даже стали доверительными. Олег нутром почувствовал, что Виктор не просто пошел в гору, открыв совместное узбекско-российское предприятие по поставке цветных металлов, но, что у него назревает нечто большее. Об этом «нечто» Виктор ему и рассказал, причем, только ему, как брату, обещав в дальнейшем, если все выгорит так, как надо, серьезную помощь и поддержку в жизни. «Нечто» было удачным капиталовложением, удачным настолько, что его братец становился миллионером. Этим признанием Виктор и подписал себе смертный приговор. Олега никак не устраивала второстепенная роль, никак не устраивало выглядывать из рук братца, получая иногда какие-то жалкие подачки. Он о нем позаботится! Трогательно! Очень трогательно! Но будет лучше, если Олег позаботится о себе сам. Именно он посоветовал Виктору (на всякий случай, мало ли чего!) составить завещание на Елену, и брат с этим согласился. В завещании был упомянут и он, Олег, и неплохо упомянут, но основной капитал отходил Елене. Виктор и текст завещания показал брату.

После смерти Виктора появилась мысль очернить Елену, потребовать даже эксгумации и серьезной медицинской экспертизы. Обвиненный в убийстве не может наследовать никакого состояния. После ареста и осуждения Елены, все

отошло бы ему, как ближайшему и единственному родственнику. Неплохой вариант. Олег стал уже было проводить его в жизнь, даже Ритке с волнением и надрывом в голосе рассказал о предполагаемом коварстве белобрысой поганки и суки. Но, обдумав ситуацию, в корне изменил свои действия: решил ни под каким видом не привлекать внимания органов к их семье. Вцепятся – не отцепятся, еще бог знает, что они там накопают и к каким выводам придут, как бы самому не загреметь на скамью подсудимых. Начнутся допросы, распросы: почему настаиваете на эксгумации? Что вам дало повод подозревать, будто ваш брат был убит, причем, убит каким-то особым способом? И так далее и тому подобное. Да мало ли какие коварные вопросы можно задать, а отвечая на них спалиться! Нет, этот вариант отпадал. Все следовало обыграть по-другому: надо окружить Елену таким вниманием и такой заботой, стать таким нужным и незаменимым, чтобы она без него шагу ступить не могла. При этом следует быть вежливым, ненавязчивым, но в то же время безнадежно влюбленным, причем влюбленным так, чтобы его интеллигентность, корректность эта женщина (с ее непростым характером и дурацкими правилами норм поведения) почувствовала сама. Почувствовала и оценила по достоинству. В данной ситуации на руку играло и то, что когда-то он страстно объяснялся ей в любви, но, поняв, что она гневается на него за это, скромно и смиренно отошел в сторону. Все это говорило о том, что он влюблен в нее не вчера, что это произошло давно, но, уважая ее чувства к брату и чувства брата к ней, остался в стороне. И после смерти брата не бросился сразу в атаку, а тактично ждал больше года. Вот такое благородство! Не мужчина, а идеал для подражания! Некий эталон поведения для современной молодежи! Именно так ему и следует себя вести. Вот тогда все будет так, как надо!

Женщине сложно одной. Елена не исключение. Нужен уход за домом, за машиной, нужен человек, с которым надежно и безопасно. В конце концов, просто нужен мужчина – ласковый, внимательный, заботливый, и неплохой в постели (не из дерева же сделана эта красавица! ночами небось тоже бывает «и скучно, и грустно»!). Именно таким человеком он для нее и станет. Затем только останется расписаться в ЗАГСе. И сделать все это надо до того, как она станет миллионершей. Пока что она не знает ни об акциях мужа, ни о том, что через несколько месяцев они принесут ей огромный куш. Адвокат Виктора, с которым у Олега сложились хорошие отношения (Виктор представил его не просто, как брата, а как человека, которому во всем доверяют), ей об этом еще ничего не говорил. Это Олег знает точно, потому что в меру своих сил и возможностей контролирует ситуацию. Сейчас она сможет поверить в его любовь и соединить с ним свою судьбу. Став сильно богатенькой – вряд ли. Миллионы способствуют появлению в голове нехороших мыслей о том, что любят именно их, а не их владельцев.

Так (Олег взглянул на часы и налил себе еще чашечку кофе), следует продумать детали... и вообще, собраться и действовать побыстрее – время поджимает. Прежде всего...

Тишину квартиры разорвал дикий вопль! От неожиданности Олег подскочил на стуле и пролил кофе прямо на свои джинсы. Поставив чашку, он влетел в спальню и увидел Ритку, которая продолжала дико орать и показывать пальцем на зеркало. Ничего интересного в зеркале, кроме отражения орущей Ритки, он не увидел, но девушка находилась в состоянии, близком к самой настоящей истерике. Олег обнял ее, прижал к себе, оттащил от зеркала и посадил на кровать.

– Рита, замолчи и успокойся, слышишь меня, немедленно перестань кричать, соседи подумают, что я тебя убиваю... Рита, ты слышишь меня? Все, замолчи! Успокойся! Ну, перестань... тише, тише, тише... все нормально, все хорошо...

Олег сел рядом и крепко обнял Ритку за плечи. Первой его мыслью было то, что она решила разыграть эту истерику, чтобы Олег осознал, до какой степени он ее довел, чтобы пристыдить его, а заодно и помириться, но, взглянув в перекошенное от страха лицо девушки, понял, что так не притворяются. Чтобы сыграть состояние такого ужаса, надо быть не просто талантливой – гениальной актрисой! Все женщины талантливые актрисы, но не гениальные же! Ритка не играла, она действительно

безумно чего-то испугалась. Вопрос – чего? Взглянув на побелевшую подружку, которая теперь сидела молча и, бессмысленно глядя в пол, прерывисто с придыханием всхлипывала, Олег тихо, спокойно, с заботой и лаской в голосе спросил:

– Рита, что случилось-то, а? Что произошло? Ты можешь мне объяснить? Ты чего-то испугалась? Ну, малыш, успокойся и все мне расскажи. Я ничего не понял. Ты закричала так, что у меня волосы на голове дыбом встали. Вот, видишь, кофе пролил на джинсы... Ты мне их постираешь? Хорошо? Ну, посмотри на меня... Все нормально, кроме того, что ты сейчас на совесть поработала будильником для всех соседей. Молодец, устроила всем веселую побудочку! Они, небось, с кровати, как ошпаренные, слетели. Я тоже немножечко в шоке – сила твоих голосовых связок просто потрясающая! Ну, (Олег развернул Ритку лицом к себе и чмокнул ее в нос), давай, улыбнись, приди в себя, а то тебе еще джинсы мои стирать... Может быть принести воды? Выпьешь водички?

Олег поднялся, чтобы сходить на кухню, но Ритка судорожно вцепившись в него, поднялась вместе с ним.

– Нет, я не останусь в этой комнате, я пойду с тобой, – губы не слушались ее, она еле-еле выговорила эту фразу.

– Хорошо! О чем разговор, пошли вместе. Будешь себя хорошо вести, я налью тебе не водички, а кофе. Пошли...

Ритка покосилась на зеркало, и, вцепившись в руку Олега, вышла вместе с ним из комнаты.

Зеркало затуманилось, и вдруг его поверхность, преобразовавшись в подвижную ртутную массу, закрутилась в спираль и буквально через несколько секунд превратилась в странный «световой проход», из которого в комнату шагнула необыкновенной красоты молодая женщина, высокая и стройная. Она внимательно оглядела спальню, будто что-то искала. На прикроватной тумбочке лежали часы Олега и его кольцо. Подойдя к кровати, прекрасная незнакомка втянула в себя воздух так, как это делают дикие хищные звери, выслеживая свою жертву. Ее тонкие ноздри затрепетали: кровать еще хранила запах человеческих тел, соблазнительный запах плоти. Взяв кольцо, она метнулась к «проходу» и в один миг исчезла. Зеркало снова стало зеркалом.

– Рита, тебе лучше, ты успокоилась? – Олег налил ей в чашку кофе. – Может быть, все-таки скажешь мне, что случилось, почему ты так закричала?

Держа в трясущихся руках чашку с дымящимся кофе, Рита пила его маленькими глотками. Что сказать Олегу? Что когда она подошла к зеркалу, чтобы подкраситься и причесаться, то увидела вместо своего отражения совершенно другое? У женщины необыкновенной красоты были зеленые и жадные глаза, которыми она в упор смотрела на Ритку. В какую-то секунду Ритке показалось, что прекрасно-жуткое зеркальное отражение сейчас кинется на нее и... Ритка не знала, что будет за этим «и», но явно что-то страшное, что-то угрожающее ее жизни. В этот момент она и закричала совершенно диким голосом. Страх затопил ее, заставив волосы, в буквальном смысле слова, встать дыбом. Раньше Ритка думала, что это просто расхожая литературная фраза: «от страха у такого-то героя волосы встали дыбом», но сегодня на собственной шкуре убедилась в жуткой реальности этого выражения. А сейчас она пила кофе и думала, что сказать Олегу? Скажи про незнакомку в зеркале и про полное отсутствие собственного отражения, и Олег с его жестким, рациональным умом тут же придет к однозначному выводу: его милая сошла с ума, по ней психушка плачет. Сначала утром базар устроила, потом в зеркале «незнакомок» видеть начала. Это уже диагноз. Да сейчас Ритка и сама себе не верила. Может быть, у нее действительно крыша поехала? На почве всех ее переживаний, вследствие ее ревности – уже прекрасные незнакомки с хищными глазами в зеркале мерещатся! Ведь этого не может быть! Нет, она ничего не скажет Олегу, ничего.

– Олег, я не знаю... У меня просто очень сильно болит голова... Я встала, чтобы причесаться, боль резко усилилась, и я так закричала... Извини меня... Я не знаю, почему я так закричала... Правда... Не сердись, хорошо! Я не знаю, что на меня

нашло... просто очень болит голова... Мне, наверное, и кофе не надо было пить... может быть, это давление, а я кофе пью...

Олег слушал ее лепет и понимал: Ритка врет, а поскольку она врать не умеет, то у нее это весьма плохо получается. Он решил не давить на нее сейчас и сделал вид, что поверил. Когда она успокоится и придет в себя, он все равно узнает, что ее так испугало. Такой внезапный дикий крик не может сопутствовать головной боли. Что-то тут не так! Ну, ладно, пока это отставим.

– Тебе надо принять успокоительное и немного поспать. Валерьянки выпей что ли! Ты у меня останешься или поедешь домой?

– Нет, у тебя я не останусь! – в голосе Ритки снова прозвучал неподдельный испуг, и Олег почувствовал это. – Я поеду домой, ты отвезешь меня?

– Конечно! Сейчас переодену штаны и поедем, а то я тоже уже опаздываю. Днем выберу минутку и позвоню тебе, хорошо!

– Хорошо. – Ритка посмотрела на Олега, и ее почему-то опять обуял страх. В его глазах проглядывала настороженность, светилось явное любопытство, но не было ни искреннего участия, ни любви. Ритка почувствовала, как закипают слезы, но постаралась сдержаться. – Да... ты переоденься, и поедем. Я, по всей видимости, просто заболела, мне надо лечь... Переодевайся, Олег, я жду тебя.

– Ты что, так и будешь сидеть на кухне? Пойди, причешись, приведи себя в порядок, пока я буду переодеваться.

– Нет, нет... я посижу, ничего... (по крайней мере, здесь нет зеркала, подумала Ритка, и вновь ее сердце сжалось от только что пережитого ужаса). Я не буду причешиваться, голова болит...

– Хорошо, я по-быстрому. Полежишь дома, поспишь, примешь сто грамм валерианочки, и все будет о'кей!

Олег вернулся в спальню, еще раз внимательно ее оглядел, подошел к зеркалу, осмотрел его, даже потрогал гладкую волшебную поверхность и не увидел ничего такого, от чего можно было бы так дико заорать. Но ведь что-то же случилось! При этом Ритка глаз не могла оторвать от зеркала и, в буквальном смысле слова, была совершенно невменяема. Так, оставим пока это, но позже обязательно разберемся. Переодевшись, он застегнул на руке браслет часов, автоматически протянул руку за кольцом, но не обнаружил такого на тумбочке. Наверное, упало и закатилось под кровать. Ладно, сейчас уже нет времени искать его, надо отвезти Риту и срочно лететь на работу. Умид уже час как ждет его и, по всей видимости, говорит о нем неласково, может быть, даже с использованием нецензурной лексики.

В этот момент зазвонил его сотовый телефон и в трубке зазвучал недовольный голос Умида: «Какого черта! Где тебя носит! Договорились же...». «Бегу, бегу! Через полчаса буду, как штык. Ритка заболела, сейчас отвезу ее и считай я на работе».

По дороге к дому Ритка не сказала ни слова. Сидела молча, закрыв глаза. Олег не приставал с расспросами. Открыв свою квартиру, девушка вымученно улыбнулась ему, сказала – «пока» – и исчезла за дверью. Все это было очень не похоже на нее. Она никогда в жизни так себя не вела. Добежав до машины и плюхнувшись за руль, Олег снова подумал о том, что в данной странной ситуации ему надо обязательно разобраться, потому что ни черта не понятно. А Олег очень не любил, когда «не понятно»

3

Сейчас она решила называть себя Ло. Человеческие особи, с которыми волей-неволей ей приходилось поддерживать отношения, притворяясь одной из них, при знакомстве с ней всегда удивленно гримасничали своими лицами, приподнимая брови, округляя глаза, и обязательно переспрашивая: «Ло? Это, видимо, сокращенный вариант от имени...» И тут начинала работать человеческая фантазия, и назывались самые разные имена, в зависимости от того, в какой стране происходило данное действие, – Лора? Лоран? Лолита? Элона? Флора? Элоиза? В Узбекистане, где она находилась сейчас, ей чаще всего давали имя Лола. Ло не возражала. Ей было все равно. Ее настоящее имя все равно нельзя было произнести ни на одном языке Земли. В человеческой речи просто не было таких звуков, она была

грубой и неуклюжей по сравнению с языком ее древних предков – алантов, когда-то в достаточно большом количестве населявших эту планету и, по сути дела, правивших ею. Внешне аланты были похожи на людей, но на этом их сходство с гуманоидной расой кончалось. Мозг человека по сравнению с мозгом аланта представлял собой жалкое зрелище: громадный небоскреб, в котором освещены комнаты только одного этажа, и то не полностью. Остальные комнаты многочисленных этажей погружены во мрак. Мозг аланта был картинкой «наоборот»: только несколько этажей могло быть погружено во мрак, остальные залиты ярким светом. Аланты могли «переговариваться» друг с другом телепатически, даже находясь на достаточно большом расстоянии. Они владели даром гипноза. Они обладали феноменальной памятью. Ло помнила абсолютно все, что было в ее жизни, а ее жизнь насчитывала уже не один век. В этом заключалось еще одно, и весьма существенное, отличие ее расы от человеческой: совершенно иной состав крови, иное состояние мышечных тканей и кожного покрова, постоянное обновление клеток, быстрая регенерация и, как результат, вечная молодость, вечная жизнь. Желудок аланта так же отличался от желудка человека: он не принимал грубой пищи, поэтому аланты питались кровью. Человеческой кровью, получая энергию жизни в чистом виде.

Были тысячелетия, когда аланты воспринимали людей только как животных, за которыми стоит ухаживать и которых стоит разводить, потому что это еда. Все было закономерно: люди поедали мясо и кровь более низших тварей – оленей, быков, козлов, баранов... А аланты питались людьми, точнее, их кровью. Но у представителей гуманоидной расы было и огромное преимущество: они плодились с невероятной скоростью. Жили мало, медленно развивался их мозг, но плодились и плодились, заполняя собой все земное пространство. У алантов рождение детей было чудом, если при этом не умирала мать – чудом вдвойне.

Мать Ло умерла при родах. Она решила, что у Ло обязательно должны быть сестренка или братик. Однако вторая попытка произвести на свет маленького аланта оказалась роковой: Ло не получила ни братика, ни сестренки и лишилась матери. Долгие, долгие годы она жила под опекой отца, которого боготворила. Умный, добрый, высокий, сильный, красивый – таким был ее отец. Он бы и сейчас находился рядом, помогая и оберегая, но в XVI веке его сожгли на костре. С тех пор она ненавидит Париж. Блуждая по земле в своих бесконечных странствиях, она иногда волей судьбы попадает в этот город – древний и современный, удивительно прекрасный и потрясающе страшный, потому что в ее памяти сразу же всплывают события, происшедшие 12 ноября 1576 года, когда на грязной, запруженной людьми площади взметнулись в небо четыре костра. На трех в страшных муках кончали свое земное существование ее сородичи. На четвертом церковники сжигали женщину, которая под пытками призналась, что она ведьма, хотя на деле вовсе не являлась таковой. Прикрученный веревками к высокому столбу умирал ее отец, умирал мужественно, не проронив ни звука, и желтое жаркое пламя жадно пожирало его прекрасное тело. Стоя на площади, в толпе, задыхаясь от запаха плоти, и сладковато-горькой гари костров, Ло до последней минуты «переговаривалась» с ним. Он утешал и успокаивал ее, а она исходила одним мысленным криком: «Отец! Я люблю тебя, отец!» А он, уже расставаясь с жизнью, отдал последний приказ: «Уходи, немедленно! Выбирайся из толпы и уезжай из Парижа. Немедленно. Не возвращайся туда, где мы жили!» В тот раз он спас ее, мысленно предупредив об облаве, которую устроили эти мерзкие, злобные люди. Против разъяренной толпы гипноз бессилён, так же как и недюжинная сила алантов. Ее родных выследили. С диким ревом толпа ворвалась к ним в дом, накинула на сопротивлявшихся алантов сети и потащила на площадь, где уже были готовы помосты для страшной казни. Все случилось быстро и внезапно. Оказать помощь было совершенно невозможно.

Аланты живут вечно, но есть способы прервать их жизнь. К XVI веку люди достаточно хорошо овладели искусством убивать ее сородичей. Много веков потребовалось им на то, чтобы узнать, как это можно сделать, но, узнав, они совершенствовались из века в век. Правда, эти жестокие животные не знают истинного названия представителей ее прекрасной богоподобной расы и поэтому называют их своими мерзкими и грубыми словами: вампиры, упыри, вурдалаки. Относятся к

ним, как к нечистой силе, и уничтожают с помощью огня, заостренного дерева, отсечения головы. Страшна и серебряная пуля, но только, если направлена рукой мастера, потому что попасть она должна в сердце. Не попал – не убил. Еще и чеснок сюда приписывают зачем-то. Это, конечно, чушь. Чесноком аланта не убьешь, но запах мерзкий, отталкивающий.

Есть и еще один способ уничтожить аланта, но его может применить только человек, владеющий особыми знаниями, только ведун. И не просто ведун, а Посвященный, Белый Маг, который может вызвать смертоносного Филина.

Ло боязливо передернула плечами. Встала с уютного дивана и подошла к окну. С высоты восьмого этажа открывалась великолепная панорама города: широкие улицы, по которым, как гигантская фантастическая змея, тянулся, извиваясь и сверкая, поток автомобилей, высотные дома в зеркалах окон, с прыгающим по ним веселым солнечным «зайчиком», темная с примесью желтовато-красных мазков зелень старинного парка, видневшегося вдаль, справа. И везде люди, люди, люди...

Уж если кого и называть вампирами и упырями, так вот этих самых людей, которые сейчас, с высоты восьмого этажа, казались Ло маленькими заводными игрушками. На протяжении всего своего существования они только тем и были заняты, что уничтожали друг друга, причем делали это старательно, целеустремленно, фанатично, искренне считая, что выполняют какой-то святой долг и творят добро. Сколько в них злобы, ненависти, замешанных на хитрости, подлости, предательстве, зависти. Все это совершенно не свойственно ее расе. Никогда алант не убьет аланта, никогда один не оскорбит другого, никогда не предаст! Представители ее расы любят и берегут друг друга, и эта любовь – искренняя, огромная, чистая, светлая – наполняет душу каждого из них, согревая, успокаивая, поддерживая. Все аланты удивительно красивы и вечно молоды, люди же, подключив свою извращенную и грязную фантазию, превратили ее сородичей в жутких монстров, спящих в гробах. Ло смотрела фильмы и читала книги про вампиров, каждый раз удивляясь воображению режиссера или писателя. Что-то в создаваемых ими сценах было истиной, но только что-то... Все же остальное являлось продукцией их буйной фантазии, которую породил великий человеческий страх.

Ло не раз видела этот страх в глазах своих жертв. Несмотря на то, что аланты были гуманны и старались не причинять животным, именуемым себя людьми, лишней боли, они все равно вызывали в намеченной жертве страх, и ничего не могли поделать с этим. Даже будучи загипнотизированной, не чувствуя никакой боли при прокусе вены, жертва внутренне вся содрогалась от этого дикого страха и частенько умирала не от потери крови, а от ужаса, сдавившего ее сердце. Ло знала об этом, и это наполняло ее сердце горечью и жалостью, как и сердца всех алантов. Они не раз думали над тем, как избежать при контакте с жертвой возникновения столь отрицательных и нежелательных эмоций, но пока не пришли к какому-либо решению. Им не хотелось в этом плане уподобляться людям. Только люди не испытывают жалости к животным, которых они зверски забивают, удовлетворяя свои потребности хищников, свою жажду мяса и крови. И при этом они не считают себя кровожадными убийцами, не придумывают себе никаких мерзких прозвищ.

Ло открыла окно, и в комнату ворвался шум города. Она вновь стала рассматривать поток светлых, вечно куда-то спешащих людей. Люди... интересные создания! С одной стороны, глупые, никчемные, болтливые, транжирящие дни своей короткой жизни так, как будто они живут вечно. С другой стороны, они умны и талантливы, Ло признавала это. Перед некоторыми из них она бы даже с почтением склонила свою красивую головку и, пожалуй, не смогла бы убить их. Она выделяла такие человеческие особи, которые уже не ассоциировались в ее сознании с едой. Например, Брюллов. Ей очень нравятся полотна этого художника. Память Ло услужливо выдала четкую картину зала Брюллова в Третьяковской галерее. Интересный и забавный факт: на одном из полотен изображена ее родственница со стороны матери. Ло может бесконечно долго смотреть на этот портрет. Собственно, ради него и появляется иногда в Третьяковке. Необыкновенной красоты лицо, запечатленное рукой талантливого художника, до сих пор очаровывает публику. При этом воспоминании Ло улыбнулась: интересно, знал ли Брюллов, кого он рисует и

как при этом рискует? Пожалуй, нет. Для него она была просто очаровательной девушкой, великолепной натурщицей. Среди алантов ее звали земным именем Милена. В светском обществе Петербурга ее чаще называли Милочка или Мими. Видимо, она, так же, как и Ло, умела ценить талант, и подарила художнику и жизнь, и свою красоту. Давно уже нет в живых Брюллова (век человека краток), так же как и нет Милены. Она умерла при родах. Их нет, но осталась бесподобная картина, на которой, благодаря таланту художника, Милена живет вечно.

Есть и еще один человек, который произвел на Ло огромное впечатление – известный русский писатель Михаил Булгаков, с которым она познакомилась совершенно случайно, в Москве, в зеленом парке, на Патриарших прудах. Ло была сыта, а когда аланты сыты, они никого не трогают, не убивают без надобности – они ведь не люди, которые могут просто так, ради охотничьего азарта истребить кого угодно. Ло была сыта, и она с удовольствием поддержала разговор, который начал с ней этот совершенно незнакомый ей тогда, измотанный больной человек. Разговор начался с пустяков и незаметно перешел на то, что, видимо, страшно томило и жгло душу ее собеседника: он рассказал ей, что сжег свой роман о дьяволе. И этот разговор увлек обоих. Он, по сути дела, пересказывал ей свой роман, пересказывал с такой любовью, с таким жаром и страстью, что Ло забыла обо всем на свете. По ходу Его рассказа она высказывала свои мысли, комментировала, даже спорила... Они долго просидели в парке на скамье, увлеченные и разгоряченные своей необычной беседой. Она помнит, как Булгаков вдруг замолчал и, внимательно посмотрев ей в глаза, неожиданно сказал: «А ведь вы тоже из того, потустороннего мира, верно? Я чувствую это. Вы – древняя богиня земли, вы – красота и ужас. Я рад нашей встрече, прекрасная незнакомка». Ло поднялась, прощаясь, и, шагнув в сторону, оглянулась на человека, сумевшего так потрясти ее душу. В вечернем свете умирающего заката ее огромные глаза горели странным мерцающим зеленым огнем, и Булгаков пристально смотрел на нее, как бы запоминая чудесные черты ее лица. «Вы правы. Я древняя богиня и как богиня предсказываю вам: вы восстановите свой роман, Мастер. Прощайте! Я Вас никогда не забуду!» Она резко повернулась и мгновенно растворилась в наступающей темноте, растворилась так, как это умеют делать только аланты. А Он действительно восстановил свой роман, и много лет спустя, когда уже и самого писателя-то давно не было в живых, Ло читала его роман «Мастер и Маргарита», читала с удивлением и благодарностью, находя в строках отголоски их странной беседы, там, в Москве, на Патриарших прудах.

Еще Ло любила слушать серьезную классическую музыку, особенно Чайковского, Моцарта и Шопена; любила смотреть балет и фигурное катание, но только по телевизору. Она не ходила ни в театры, ни на спортивные стадионы, потому что присутствие рядом такого количества людей создавало для нее определенные трудности: мог сработать инстинкт, она могла сорваться, но именно этого следовало во что бы то ни стало избегать. Времена дикого средневековья, благодарение Богам Алантов, миновали, но это не значило, что в цивилизованном мире двадцать первого века можно было безнаказанно убивать. Попадаться нельзя было и сейчас. Конечно, ей не отсекут голову и не сожгут на костре, но могут придумать что-нибудь и пострашнее этого. Например, превратить ее в подопытную крысу. Люди любопытны и безжалостны. Их надо остерегаться. Всегда!

Ло потянулась с кошачьей грацией и повернулась к большому овальному зеркалу, вмонтированному в ее комнате прямо в стену. Зеркало услужливо отразило высокую стройную золотоволосую девушку с тонкой и гибкой талией, покатыми бедрами и длинными точеными ножками, обтянутыми эластичной тканью модных брюк, переливающийся черный цвет которых красиво гармонировал с коротенькой ярко-сиреневой кофточкой – легкомысленной и соблазнительной. Ло улыбнулась своему отражению, которое при необходимости она могла стереть, с которым при необходимости она могла слиться. Это требовалось ей тогда, когда она бродила по зазеркалью, появляясь, по своему желанию и капризу, в любом доме. Она любила наблюдать за жизнью людей, оставаясь при этом невидимой, любила таким образом высматривать свои жертвы. Это был изящный способ охоты, не требующий особого риска.

Намечался определенный человек, прекрасно, если одинокий; несколько дней она периодически посещала его зеркала и вела за ним наблюдение, выясняя состояние его здоровья и наблюдая за его поведением, его привычками. Все это необходимо было потому, что хронические алкоголики и наркоманы не входили в рацион ее питания. Не боялась она воздействовать и на двух человек, но в целях безопасности все-таки предпочитала иметь дело с одиночками. Когда Ло внезапно появлялась перед своими жертвами, они, как правило, не имели от неожиданности, теряли на какое-то мгновение дар речи, уставившись ничего не понимающими глазами на прекрасную незнакомку. Этих мгновений было достаточно, чтобы ввести их в состояние гипноза и спокойно утолить голод. При этом не обязательно было прокусывать шейную артерию (хотя и такой способ, бесспорно, хорош). Можно уложить жертву в ванну, просечь бритвой вену на запястье руки и бросить эту бритву тут же, на пол, потом, насытившись, открыть воду, имитируя картину того, как хлещущая из крана вода уносит в небытие канализационных труб кровь из развороченной на руке раны. Тоже прекрасный способ поужинать. А врач констатирует самоубийство.

Иногда Ло отправлялась на настоящую охоту, связанную с определенным риском. Это возбуждало, дарило радость жизни. Местом такой охоты становились улицы городов, на которых без труда можно было найти нужную пищу, но, в то же время, можно было и столкнуться с непредвиденными трудностями. В практике прекрасной алантки иной раз возникали достаточно щекотливые ситуации (люди непредсказуемы и агрессивны!), из которых надо было выпутаться. Ло не боялась физической расправы: во-первых, она была очень сильна, во-вторых, будучи весьма осторожной, к шумным и большим молодежным компаниям не подходила вообще, высматривая одиноких мужчин, женщин или влюбленные парочки.

Темные, плохо освещенные улицы, таинственные ночные скверы опасны, особенно, если нечаянно встретишь высокую золотоволосую девушку, нежную, очаровательную и беззащитную.

Ло усмехнулась. Ей вспомнились два подвыпивших молодчика, которые очень обрадовались тому, что встреченная ими красивая девчонка, загулявшая до поздней ночи, не стала ломаться и набивать себе цену, а сразу же поняла, что от нее требуется, и без долгих уговоров пошла в отдаленный и глухой уголок тенистого парка, расположенного неподалеку. Разыгравшееся воображение ребятшек уже рисовало им весьма соблазнительные картинки предстоящего блаженства, и они спешили побыстрее добраться до уединенного уголка. Крепко держа Ло за руки, они даже не разговаривали, а только тяжело сопели, временами поглядывая на тонкий изящный профиль и высокую крепкую грудь совершенно обалденной телки.

Найдя укромный уголок, любители секса жарко и возбужденно заспорили – кто первый снимет с нее трусишки – и чуть не подрались, решая вопрос очередности, но Ло не допустила такого безобразия. Разгоряченные ребятки вдруг почувствовали, как по их спинам пробежал неприятный холодок, а руки и ноги стали ватными и уже не слушались своих хозяев. Еще плохо соображая в чем дело, один из несостоявшихся насильников с нарастающим страхом и удивлением увидел, как очаровательное создание ласково погладило его товарища по ночным играм по щеке и страстно прильнула к его горлу... Надолго...

Мгновенно протрезвевший парень с нарастающим ужасом наблюдал, как из его веселого дружка уходит жизнь, как он бледнеет и буквально на глазах превращается в старика и покойника, но при этом не делает никаких попыток избавиться от впившейся в него девицы. «Как выжатый лимон», – подумал он и вдруг осознал, что сейчас и он станет таким же «лимоном». Все его существо буквально затряслось от страха и от дикого желания немедленно рвануть отсюда! Испариться!! Немедленно!!! Пока не поздно! К чертовой матери, к чертовой бабушке, только подальше от этого дикого кошмара, от этого фильма ужасов наяву! Но ноги как будто приросли к земле, а руки налились такой пудовой тяжестью, что он и пальцем пошевелить не мог, и только сердце колотилось в грудной клетке, как отбойный молоток.

Когда товарищ мягко осел в траву, не поддерживаемый больше тонкими и изящными руками незнакомки, парализованный и превратившийся в застывшую статую парень увидел прямо перед собой красивые зеленые глаза – ласковые и печальные, и полуоткрытые губки за которыми ослепительной белизной посверкивали острые ровные зубы. Очаровательную картину портила кровь, застывшая вокруг рта, измазавшая нежную кожу щек и подбородка.

Ло в общем то уже была сыта, но она не могла отпустить этого совершенно ошалевшего от страха человека. Ей было немного жаль его, но по законам детективного жанра он – свидетель. Свидетели Ло были ни к чему, а разыгравшийся в ночном парке сюжет был как раз из серии детективов: по меркам людей, сейчас здесь произошло убийство. Вдохнув, она коснулась своими губами его губ – хотела немного приласкать, успокоить, но он сразу же, как подкошенный, упал и замер с искаженным от страха лицом и остекленевшими от ужаса глазами: не выдержало сердце. Ну что же, жаль, что пропало такое симпатичное дополнение к ее вкусному ужину, но сворачивающейся кровью покойников Ло не питалась. Этим парнем можно было больше не заниматься, врачи констатируют остановку сердца, а вот первым следовало заняться, чтобы замести следы, потому что труп, в котором нет ни капли крови наводит на странные размышления. Вот это уже лишнее! Ло было совершенно ни к чему будоражить и настораживать население города, а заодно активизировать определенные органы, занимающиеся особо опасным криминалом. Сняв с шеи маленькую амфору, она осторожно открыла ее и капнула две капли на сморщенную, страшную, как будто тряпичную куклу, бывшую минут десять назад молодым и сильным парнем. Послышалось тихое шипение, и капля, разрастаясь и отсвечивая странным металлическим блеском, стала быстро опутывать ниточкой-паутиной жалкие останки, пожирая их. Через несколько минут от «куклы-кокона» не осталось и следа, только серебристо-черная проплешина в траве еще некоторое время странно светилась и угрожающе шипела. Вскоре и она потухнет и замолчит, останется только темное пятно, но оно не выдаст тайну Ло.

Вдруг Ло насторожилась, мгновенно прервав поток своих воспоминаний, и настроилась на определенную волну. Радостная улыбка осветила ее красивое лицо: она «услышала» в своей голове ласковый голос Джастина, который предупредил ее, что буквально через несколько минут они с Клэр будут у нее.

Боги Алантов! Сама Клэр! Одна из Посвященных! Одна из самых старейших! Интересно, кто-нибудь из живущих ныне алантов помнит ее ребенком? Может быть, только еще двое Посвященных, о существовании которых Ло знала, но с которыми никогда не встречалась.

Клэр вместе с Джестином прилетела из Лондона. Она терпеть не могла самолеты, но ради того великого дела, которое они задумали, решила. Ло подошла к двери и открыла ее. За дверью стоял высокий стройный мужчина лет тридцати. Блеснув белозубой улыбкой, он нежно и ласково обнял кинувшуюся к нему Ло. Рядом с ним с таким же радостным и приветливым выражением лица стояла удивительной красоты женщина. Отступив от Джастина, Ло поклонилась и с почтением и трепетом прижала к своему лбу протянутые к ней прекрасные и холодные, как мрамор, руки Клэр.

4

Закрыв за Олегом дверь, Ритка прислонилась к ней и некоторое время так и стояла, прикрыв глаза, обессиленная, опустошенная. Ей не хотелось ни шевелиться, ни осмысливать свое положение, ни ужасаться тому, что привиделось в зеркале. Не хотелось ничего! Наверное, если бы сейчас ей сказали – «через несколько минут умрешь» – она бы и это приняла молча и покорно. Пусть... Может быть, так и лучше... В голове тонкий противный звон... Пустота... Вот, оказывается, что такое пустота... это когда ты стоишь, прилипнув спиной к двери и чувствуешь, что ты ничто... тебя нет... и никому ты на фиг не нужна в этом холодном, огромном и чужом мире! И все твои фантазии о великой и прекрасной любви до гроба, о счастливой семейной жизни, о чудесном толстом и крикливом малыше чушь и ерунда... ерунда

и чушь... Не будет у вас всего этого, Маргарита Маратовна, ни шиша у вас ничего этого не будет...

В кармане куртки резко зазвонила сотка. Ритка разлепила веки, отодралась от двери и достала телефон. Посмотрев на номер, соединилась и сказала бесцветным голосом:

– Да.

– Ритка, привет! Ты чо не в институте? Прогуливаешь, подруга! – звенел в трубке беспечный и веселый голос Ксюхи. – Чо молчишь-то? Ты меня слышишь?

– Да... слышу. Ксюх, я сегодня не приеду. Скажи, если будут проверять, что я заболела, ладно?

– Действительно заболела что ли или придураешься?

– Действительно... плоховатенько мне что-то... я сегодня полежу... нет у меня сил ни в институт пилить, ни на парах сидеть.

– Температура что ли? Заехать к тебе? Может привести что?

– Да не знаю я, есть температура или нет... Просто погано и все. Ладно, Ксюш, я пойду лягу.

– Ну, давай. Отмажу тебя на сегодня, но ты, если что – звони. Ладно? Ну, пока!

– Пока Ксюш, спасибо тебе!

Короткий телефонный разговор немного привел ее в чувство. Она скинула куртку и красивые легкие полусапожки и через небольшую гостиную прошла в свою спальню. Швырнув на кровать сумочку, начала стягивать джинсы и тут же замерла, увидев себя в огромном трюмо, расположенном в правом углу комнаты. Боже мой! Зеркало! Три зеркала! Она не может быть с этими зеркалами наедине! Просто не может и все тут! Вероятно, у Олега с ней действительно случился какой-то приступ шизофрении, и ей все примерещилось, но страх остался. Страх – вполне ощутимый, материальный, липкий, холодный... Он впился в нее, как пиявка, и постепенно набухал, раздувался, и все больше и больше заглатывал ее; заглатывал всю, целиком, как гигантский удав свою добычу.

Ритка почувствовала холодную испарину на висках и мелкую противную дрожь в руках, судорожно вцепившихся в расстегнутые джинсы. Развернувшись, она пулей вылетела из спальни и закрыла дверь. Буду спать здесь, в гостиной, на диване. Нет, не буду спать здесь, уеду к бабушке. Сейчас же!

Ритка заметалась по комнате, застегивая джинсы, остановилась... А может быть взять простыню и закрыть это чертово зеркало. Господи, но ведь так делают только тогда, когда в доме покойник. Да и не спасет простыня от того, что там, еще страшнее будет. Откуда-то из-под сознания моментально выплыла жутковатая сцена из гоголевского «Портрета»: ночь, портрет, завешенный белой простыней... И вот эта простыня начинает шевелиться, раздуваться и опадать, а сквозь нее непостижимым образом проглядывают страшные глаза страшного старца.

И тут Ритке показалось, что в спальне... (она замерла и прислушалась, аж уши торчком встали!) – что в спальне раздался подозрительный шорох и послышался чей-то тяжелый вздох. Испуганно ойкнув, она вылетела в коридор так, как будто за ней гналась стая голодных волков, лихорадочно втиснула ноги в сапоги, схватила куртку и выскочила на площадку. Клацая зубами, закрыла дверь и понеслась вниз по лестнице, на улицу... к людям... к шуму и гаму огромного города... подальше от зеркал!

Добежав до остановки, поняла, что поехать никуда не сможет – нет денег. Ни копейки нет! Деньги остались в кошельке, а кошелек в сумочке, а сумочка на кровати, а кровать в спальне с огромным зеркалом, и Ритка ни за что не пойдет туда! ни за что! даже под угрозой расстрела!

Ошарашенная этим мало приятным открытием, она тоскливо огляделась и поймала на себе заинтересованно ироничный взгляд проходящих мимо девиц. Ну да, чему удивляться, видок у нее, наверное, сейчас еще тот! Она ведь так и не причесалась с утра, и теперь ее темная густая грива, с сиреневым отливом явно косит под прическу «не одна я с милым кувыркалась». Еще бы солому в волосы для завершения картины и все – хоть на выставку! Да и глаза, как у сумасшедшей!

Так, все, спокойно, надо взять себя в руки и что-то придумать. Бабушка живет не рядом, пешком идти – к вечеру как раз добредешь. Что делать-то? Ритка сунула

руки в карманы куртки в надежде, что там завалаялась хоть какая-нибудь денежная купюра, и наткнулась на телефон. Вот, надо позвонить Оксанке, она выручит. Руки были как чужие, и пальцы на этих руках тоже были как чужие, и Ритка никак не могла проделать простую операцию – соединиться по телефону со своей подругой. Наконец, это удалось, и в трубке раздался шепот Ксюхи:

– Ты чо звонишь сейчас, я ведь на паре, Шапокляк меня съест!

– Срочно выйди в коридор и перезвони мне, слышишь, срочно!

Через несколько минут телефон начал вызванивать симпатичную мелодию, и Ритка приложила трубку к уху:

– Ксюша, слушай меня внимательно, я очень-очень прошу тебя приехать ко мне, к моему дому. Я буду ждать тебя на улице. У тебя деньги есть?

– Ну, есть? А что, что случилось-то?

– Я не могу тебе это по телефону объяснить. Я тебя просто прошу приехать, сейчас же, слышишь, и, если можешь, – на такси, я тебе потом отдам за такси, ладно?

– Да как же я сейчас приеду, что я Шапокляк-то скажу! Она и так сегодня не в духе... Пришла, губки свои тонкие поджала и начала прожигать всех своими змеиными глазками сквозь очки... как я ей сейчас скажу, что с пары ухожу, ты что! Легче с третьего этажа сигануть! У тебя чо там, пожар что ли? Потерпи немного, до конца пары осталось ... – Оксана замолчала, видимо добираясь до своих маленьких часиков, – осталось 25 минут. Ну, минут через сорок буду у тебя. Идет?

– Ладно, давай, я тебя жду!

Ритка прошла в небольшой сквер, расположенный недалеко от ее дома, и усе-лась на скамейку. В голове была полная каша. Что делать? Действительно ехать к бабушке? Но разве это решит ее проблему? Зеркала есть и у бабули... они есть в каждом нормальном доме. А если дело совсем не в зеркале, а в том, что она, Ритка, просто-напросто сошла с ума?! Посмотреть в зеркало и увидеть вместо своего отражения совершенно чужое лицо – это как? Это однозначно пахнет психушкой! Неужели Олег до такой степени прав, и она действительно психованная ревнивая дура! Но ведь не до такой же степени, чтобы не видеть в зеркале себя, а видеть... И Ритка снова ясно и четко вспомнила очень-очень красивое лицо, какое-то даже нереально красивое и в то же время страшное, чужое и страшное... особенно глаза... огромные, опущенные длинными и густыми ресницами, горящие холодным зеленым огнем... Ужас таился именно в них. Ритка помнит, как на несколько секунд она замерла, буквально замороженная этим жутким взглядом – обволакивающим и жадным, но потом в них что-то дрогнуло, и тут Ритка заорала... Так она не орала никогда в жизни! Потом, уже видя в зеркале себя, орущую, с перекошенным лицом, понимала, что надо остановиться и закрыть рот, но не могла. Кажется, орала и тогда, когда Олег отодрал ее от этого зеркала и усадил на кровать. Дальше какие-то моменты она помнила смутно... Осталась только память о Жутком Великом Страхе, и сейчас этот Страх представлялся ей в образе громадного паука с мерзкими мохнатыми лапами, в которых она, Ритка, болтается, как сломанная кукла, в то время как холодный и жесткий хобот убийцы, вонзившись в ее шею, высасывает кровь. Ритка застонала и тряхнула головой. Господи, да она и впрямь сходит с ума! Из какого жутика ее память откопала этого паука? А может, и не откапывала? Может быть, и на самом деле она находилась в чьих-то страшных липких лапах, и это ощущение паука – не выдумка, а то, что почувствовало ее внутреннее «Я»?

Ритка потеряла виски и посмотрела на часы. Скоро приедет Ксюха, и что она ей скажет? Почему сидит на скамейке и не заходит в дом? Потому что в зеркале увидела вместо себя красавицу с «мохнатыми» глазами мохнатого паука-убийцы и испугалась до смерти? Да Ксюха точно решит, что Ритка спятила. Да и кто бы не решил? Расскажи мне Ксюха такое, я бы тоже сделала вывод, что у нее крыша поехала. Нет... – Ритка снова трянула головой – никому об этом говорить нельзя! Хорошо, что Олегу не сказала. Этот киношный красавец с его холодным умом тут же бы вынес ей свой приговор, тут же бы поставил диагноз.

Ритка вдруг удивилась, что она так отстраненно и холодно может думать об Олеге. В этот момент зазвонила сотка.

– Рита, как ты? – вопрос прозвучал заботливо, только в самом голосе этой заботы не было. Любопытство и соблюдение правил приличия – да, но не больше. И Ритка вновь почувствовала, как больно зануло ее сердце. «Отстраненно и холодно»..., шиш тебе «отстраненно», только голос услышала и тут же напряглась, как охотничья собака, при звуках хозяйского голоса: ушки кверху, хвост струной...

– Ничего, нормально, спасибо Олег.

– За что спасибо-то?

– За то, что позвонил, вспомнил обо мне...

– Не ехидничай, ладно! Что у тебя за манера все передергивать? Я действительно волнуюсь. Утром ты была просто не в себе... Да и сейчас голос какой-то потухший... Может, стоит вызвать врача?

– Не стоит. Не надо, Олег, никакого врача. Мне, действительно, уже лучше. Это все нервы и переутомление. Я полежу, отдохну и все будет о'кей. Ты... ты приедешь вечером?

– Не знаю... Правда, Рит, не знаю... не могу сейчас точно сказать... работы много... Извини, Умид зовет. Ладно, я еще позвоню тебе... отдохай... Пока! Целую.

– Пока...

Ритка еще некоторое время держала трубку около уха, потом ее рука безвольно опустилась на колени. На глазах вдруг стали капать слезы.

– Господи, что же со мной происходит, а? Что же я так запуталась-то в своей жизни! Неужели у меня действительно нет никакой гордости и никакой силы воли? Тряпка, натуральная тряпка! Об тебя, дорогая моя подруга Рита, – обратилась она к самой себе – Олежек скоро не только ручки – ножки вытирать начнет! А тут еще эти шизоидные видения... Что это? Что со мной? А если я действительно начала сходить с ума? – Ритка прикрыла глаза и потерла виски руками. – Так, все... надо собраться... никакой истерики. Сейчас я дождусь Ксюху и вместе с ней войду в свою квартиру. Ни к какой бабушке не поеду. Если со мной действительно что-то не то, то оно и у бабушки будет «не то». Нечего старушку пугать, она сердечница, еще (не дай Бог!) на нервной почве ее прихватит. Хорошо, а что Ксюхе скажу, зачем ее вызывала так срочно? Черт... уже в башке все путается, уже не соображаю ничего... и еще эта тошнота... Ну все мерзости разом на мою голову! Ну да, я ведь сегодня ничего не ела, вот желудок и бастует...

Трель звонка прозвучала так неожиданно, что Ритка вздрогнула. Быстро поднесла трубу к уху в надежде снова услышать голос Олега, но услышала Ксюшу:

– Подруга, ты где? На остановке тебя нет, около дома нет, где шастаешь? Мы тут с Кимулей с ног сбились, волнуемся уже, между прочим...

– Ой, девчонки, бегу, бегу, я здесь, в сквере, на скамеечке... сейчас... через три минуты буду...

– В сквере она, на скамеечке пригrelась, а подруги тут мечутся, как угорелые, ищут ее. Давай, «скверная» девочка, одна нога здесь – другая там, шустро!

– Бегу, бегу...

Ритка поднялась и быстро зашагала в сторону своего дома. А мысли все метались в голове, и все она пыталась разложить их по полочкам, хоть как-то классифицировать, но ничего не получалось.

– Хорошо, что приехали девчонки... с ними все проще, с ними хорошо, с ними не страшно... Сейчас поговорю со своими подружками, и все определится, все встанет на свои места... Господи, о чем поговорю-то, что скажу-то им... Ума не приложу! Но хорошо, что они приехали, хоть не одна буду... Ксюха – молодец, всегда веселая, оптимистка, а Катюша Ким, или просто Кимуля, спокойная, рассудительная... Все, все у меня будет хорошо!

Ритке очень хотелось в это верить. Очень! Она все убистряла и убистряла шаг, торопясь поскорее подойти к своему дому. Обгоняла впереди идущих, старалась не столкнуться с теми, кто шел навстречу, лавировала в негустом потоке людей, спешащих по своим делам, и все-таки чуть не налетела на девушку с чудесным букетом алых роз.

Именно букет, как красный сигнал светофора, спас ее от прямого столкновения. Решив извиниться, Ритка оторвала глаза от цветов, пробормотала – «извини-

те» – и... и остановилась, как вкопанная: на нее, обнажив в улыбке ослепительно белые зубы и чуть прищулив изумрудные в мохнатых ресницах глаза, смотрела... незнакомка «из зеркала». Ритка отшатнулась так, что чуть не грохнулась на тротуар. Да и грохнулась бы, если бы ее не поддержал шедший мимо парень. Незнакомка же, сверкнув насмешливой улыбкой, быстро прошла мимо. Побелевшая от страха Ритка замерла, ничего не соображая, затем резко обернулась, но ... не увидела никакой красавицы с алым букетом, никого, кроме сгорбленной спины седенькой старушки с авоськой, в которой болталась буханка хлеба, двух молодых мамочек, гуляющих со своими чадами, да трех девчонок, выстукивающих по асфальту дробь высоченными каблуками.

– Красавица, ты чо ж это прям под ноги бросаешься, как Анна Каренина под паровоз?

– Что, извините? Что вы сказали? – Ритка тупо посмотрела на парня, который довольно крепко держал ее за локоть и нагло ухмылялся.

– Чо, говорю, прям под ноги бросаешься? Или после вчерашнего еще не отошла? Так могу помочь... Не проблема... Тем более такой лапулечке...

– Да пошел ты! – Ритка резко отдернула руку и, задышав от обуревающих ее чувств, не оглядываясь и, практически, не разбирая дороги, понеслась к своему дому

5

Осень – самое чудесное время года в Узбекистане! Стоят теплые ясные дни, им на смену приходят прохладные ночи. В высоком бездонном небе, как в бескрайнем синем море, купается ласковое солнышко, иногда накрываясь накатившей на него «волной» белоснежно-пенных облаков. Еще цветут бархатные розы и красная сальвия, разноцветная герань и желтовато-оранжевая гвоздика-шафран. Деревья и кусты постепенно меняют свой летний зеленый наряд на осенний, цыганский – яркий и цветной – как бы готовясь в преддверии зимних холодов к веселому праздничному карнавалу. Прошумит этот «карнавал», откружатся в паре с ветром в вихре причудливого танца разноцветные листья и, превратившись в золото, укроют землю драгоценным покрывалом, защищая ее от морозной поступи холодной и неласковой красавицы зимы.

Стоял октябрь. В три часа дня в тенистом парке было тихо и уютно. Шумные малыши с мамами и бабушками уже отправились домой – обедать и спать, а шумная молодежь еще не высыпала веселыми, говорливыми стайками, затопляя парк смехом и звенящим тембром задорных голосов.

Сидевшая на скамейке Елена издали увидела стройную худощавую фигуру Сабины и помахала ей рукой. Та, взмахнув в ответ, прибавила шаг. Елена поднялась и пошла навстречу. Обнявшись, молодые женщины нежно коснулись друг друга щекой.

– Здравствуй, Сабиночка! Что-то мы с тобой давно не виделись...

– Привет, подружка! И не говори, действительно, сто лет не виделись! Дом – работа, работа – дом, в голове все кувирком! Знаешь, у меня иногда такое ощущение, что я – лошадь, которая ходит по какому-то наезженному кругу и не имеет ни сил, ни возможности с него сойти, – тяжело вздохнув, заговорила Сабина, поглядывая на Елену немного раскосыми, иссиня-черными, как маслины, глазами. – А тут еще Рустамчик заболел...

– Что с ним? – с тревогой в голосе спросила Елена. – Опять простудился?

– Ну да! Ему деньги дашь, чтобы он в школьном буфете перекусил что-нибудь, а он обязательно купит мороженое, да еще и не одно. Такой сладкоежка! Итак кругленький, как колобок, так еще и норovit именно сладенькое что-нибудь на язычок положить. Ну а мороженое – это мой бич! Как он его накушается от души, так мы ночь не спим, ангину лечим...

– А сейчас он как? Температура?

– Температуры уже нет, но горло еще побаливает. Его ведь и в постели долго удержать нельзя, юла, а не пацан. Чуть легче – и он уже на ногах. Нет, старший у меня гораздо серьезней, спокойней, а этот всем в доме райскую жизнь устроить

может! То болеет, то какими-нибудь экспериментами занимается. Недавно, забыв покой и сон, превратился в химика и занялся созданием нового клея, который будет без проблем, мгновенно склеивать то, что он умудряется периодически бить – чашки, тарелки, вазы... Ох, и пострадали мы все: куда ни сядешь, за что ни возьмешься – так в его «новый клей» и вляпаешься. Бабушка ворчит, отец ругается, я читаю нотации – у него в одно ухо влетает, в другое вылетает. Эксперименты прекратил только после того, как Анвар, испачкав новые джинсы, пообещал, что прибьет этого паршивого доморощенного Менделеева. Видимо, серьезно пообещал, а может, еще и по шее дал для убедительности, но клей он больше не варит. Он теперь в дрессировщика превратился. У нас дома, к ужасу нашей жутко чистоплотной бабушки, поселились попугай, хомяк, кот и еще какая-то приبلудная собака. Собака, правда, очень красивая, пудель, кажется. Я в породах не очень разбираюсь. Видно, потерялся, ну а Рустам его нашел. Так вот, еле-еле всей семьей уговорили Рустама оставить только кота и собаку. Попугая и хомяка подарили знакомым. Одним словом, дурдом, а не дом!

– Боже мой, Сабинка, какая ты счастливая! Я все на свете отдала бы за то, чтобы иметь малыша! Пусть ест мороженое, пусть варит клей, таскает домой собак, кошек, хомяков... Самое чудесное, что есть на земле – это дети! Господи, если бы у меня был ребенок, я бы сейчас не сходила с ума... Смерть Виктора как будто убила во мне что-то. Был рядом человек – родной, любимый – и вдруг раз – и пустота... И только бесконечное, терзающее чувство вины... Был бы малыш, было бы все иначе...

– Лена, ты как зацикленная, все время съезжаешь на одну и ту же тему разговора. Прекрати себя истязать! То, что ты перенесла – это страшно, не дай Бог потерять мужа, да еще такого, как Виктор. Он ведь безумно любил тебя! Да и вообще, редкий по нашим сегодняшним временам был человек! Но что случилось, то случилось. Это не в твоей власти. Это судьба, и ничего уже нельзя изменить. Понимаешь ты это или нет? Надо взять себя в руки! Посмотри, как ты за последнее время похудела и осунулась, а в глазах у тебя все время живет какой-то страх. Так нельзя, подружка! Жизнь – сложная штука, иногда жестокая штука, но отмеренный тебе Богом срок ты должна жить, понимаешь – жить! А ты не то что не живешь, ты даже не существуешь, ты гаснешь, таешь... Я думаю, что душе Виктора от этих твоих страданий и на том свете покоя нет! Ты же его душу мучаешь этим...

При этих словах Сабина Елена вдруг резко остановилась и побледнела.

Сабина, не ожидавшая подобной реакции на свои слова, спросила с тревогой в голосе:

– Что? Что с тобой, Лена? С сердцем плохо? Давай сядем, посидим на скамейке... Сейчас я валидол достану...

– Нет, нет, Сабин, ничего... У меня так иногда бывает... Сейчас пройдет... и... да... давай посидим немного...

Женщины сели на скамейку и немного помолчали. Сабина выдавила из упаковки таблетку валидола, и Елена положила ее под язык. Мятный привкус лекарства успокаивал, возвращая сбившийся ритм сердца на нужную волну колебаний. Кровь прилила к щекам, и Сабина, державшая подругу за руку, с облегчением вздохнула:

– Ну, вот... на человека стала похожа, а то прямо позеленела вся. Сердце надо проверить, Леночка, это не игрушки.

– Да, Сабинша, надо... Ты извини, что я тебя напугала... Сама не знаю, что на меня накатило... Сейчас еще немного посижу и пойдем с тобой в кафе, мороженое поедим... Зря мы что ли с тобой с работы сегодня сбежали... хоть погуляем в такой чудесный день...

Елена старалась говорить спокойно, но внутри у нее все дрожало, потому что Сабина невольно затронула очень больную для нее тему. Как она сказала? – Елена напряглась, и в ее голове снова прозвучал голос подруги: «... душе Виктора и на том свете нет покоя, ты же его душу мучаешь...». Господи Сабинка, если бы ты только знала, как я мучаюсь, с каким страхом и ужасом в сердце я живу...

Сабина молчала, тревожно глядя на Лену и давая ей возможность «прийти в себя». Вдруг она почувствовала, что на них кто-то внимательно смотрит, смотрит так, что даже по спине – мурашки. Сабина оглянулась: метрах в десяти-пятнадцати

от их скамейки, около могучего ствола старого разлапистого клена, прислонившись к нему плечом, стояла потрясающе красивая девушка – просто сказочная принцесса в современном варианте. Сабина отвернулась. Разглядывать красавицу было неловко (но так хотелось!), запомнилось только золото рассыпанных по плечам волос... Красивая, но что-то в ней было такое... странное, настораживающее... И еще: показалось, что она очень похожа на Елену!

Сабина вновь резко обернулась, подчиняясь желанию повнимательнее разглядеть «странную» девушку, но... парковая зона сквера, насколько хватало глаз, была пуста. Деревья, деревья, утопающие в шелестящих волнах красновато-золотой листвы, и никого...

– Куда она делась-то? – искренне удивилась про себя Сабина. – Как можно вот так быстро куда-то испариться? Не привиделась же она мне?! – Сабина еще раз внимательно огляделась – никого. Точнее, люди-то шли по дорожкам сквера, но среди них не было девушки с водопадом золотых волос. Бред какой-то! Сабина отмахнулась от своих странных видений и переключилась на Елену, которая тихо и молча сидела, задумчиво уставившись отсутствующим, пустым взглядом в какую-то видимую только ей точку.

– Ну, и о чем задумалась?

– Осень у нас такая красивая, правда? Я очень люблю нашу узбекскую осень...

– Да не об осени ты сейчас думаешь, – перебила ее Сабина. – Лен, послушай: у меня такое ощущение, что последнее время ты что-то от меня скрываешь. Верно? У тебя что-то случилось, но ты не хочешь об этом рассказать? Мы с тобой никогда ничего не таили друг от друга. Слава богу, и дружим с пяти лет: детский сад – одна группа, школа – одна парта. Институты разные выбрали, но подругами быть не перестали, а самое главное – всегда во всем друг другу доверяли и все друг другу поверяли. А сейчас я чувствую, что тебя что-то страшно мучает, но ты мне об этом не говоришь... Почему?

– Потому что, Сабина, я не знаю, как этим поделиться... Я не хочу, чтобы ты обо мне плохо подумала...

– Боже мой, Ленка, ну о чем ты говоришь! Как я могу плохо о тебе думать! Ты ведь мне не просто подруга, ты мне как сестра! И ты прекрасно об этом знаешь! Тебя что-то мучает, тревожит, а ты замкнулась и молчишь, в одиночку переживаешь свою боль, – с возмущением произнесла Сабина. – А помнишь, когда мне было плохо, нет, не просто плохо, а так поганно, что я жить не хотела... Помнишь? Когда Гафур встретил эту свою одноклассницу, эту паршивую Зару (у меня до сих пор это имя тошноту вызывает!). Что я тогда пережила!.. Какие потерянно-одиночкие горькие дни, какие бесконечно жуткие бессонные ночи! Ужас, вспоминать не хочу! А кто мне помог тогда? Ты и Виктор. Ты всегда была рядом, а Виктор – что говорить! – именно он вернул мне мужа, а ведь я уже была готова к разводу. Виктор не позволил, сказал, что все будет хорошо, что в жизни всякое бывает, что Гафур любит только меня...

Я знаю, он говорил с Гафуром, и не раз... Он вернул мне мужа... Вернул не потому, что уговорил жить со мной из-за сына, а потому, что каким-то образом открыл ему глаза, сбросил с него наваждение красивой и развратной бабенки. Гафур после этого... ну, после всей этой гадости... – Сабина брезгливо поморщилась и передернула плечами – как-то сказал мне такую фразу: «Я как бы очнулся...». Я тогда тоже очнулась, как от дурного сна. Никому не пожелаю пережить такое!

Вздохнув, Сабина продолжала более спокойным тоном:

– Гафур любит меня. Я это чувствую, иначе не жила бы с ним... ни за что бы не жила! И страх остаться матерью-одиночкой не остановил бы! Слава богу, все прошло, но вину свою за тот поганый год он до сих пор несет в себе, в своей душе, хотя мы никогда не говорим с ним об этом. Никогда! Мы вычеркнули этот год из нашей жизни. Главное, семью я сохранила! И сохранила ее только благодаря тебе и Виктору.

Так что не замыкайся в себе, подружка, потому что поддержка в беде – это очень важно! Очень! Особенно, когда мерзко, когда и жизнь уже не в радость... А тебе сейчас плохо. Я это чувствую, а ты обижает меня своим недоверием...

– Сабинка, милая, если бы ты только знала, как мне все-все хочется рассказать тебе...

– Ну, так расскажи, в чем дело-то! Уж, наверное, за столько лет нашей дружбы знаешь, что нигде и ни с кем языком трепать не буду, что чем смогу – помогу!

– Да я не об этом, Сабина! Я не тебе не доверяю, бог с тобой, как ты могла такое подумать! Я себе не доверяю. Дай мне еще немного времени, я все-все тебе расскажу, ладно... Не обижайся, просто не могу сейчас... Язык не поворачивается...

– Лен, да что случилось то? Ты не пугай меня! Слушай, хочешь, поживи с нами... Может так будет лучше?

– Может и лучше, не знаю... Просто это не решение моей проблемы...

– Лен, может быть, ты в Олега влюбилась и из-за этого так мучаешься?

Сабина ласково заглянула в глаза Елены и снова погладила ее холодную вялую руку.

Елена с нескрываемым и искренним удивлением посмотрела на подругу:

– В Олега? Почему ты так решила?

– Потому что я знаю, что он тебя любит. Они недавно с Гафуром встречались по каким-то там своим делам, не знаю по каким, не важно... Но в разговоре с Гафуром он сказал, что все на свете отдал бы за то, чтобы ты стала его женой. Покаялся мужу, что одно время даже хотел тебя у брата отбить, но потом понял, что это низко, поэтому тут же отошел в сторону. Даже в гости к вам, практически, не ходил... из-за тебя. Гафур говорит, что парень искренне влюблен и очень страдает от твоего невнимания. Вот такой разговор у него был с моим мужем.

Сабина нагнулась, подняла с дорожки красивый кленовый лист – красный с желтыми подпалинами – и стала вертеть его в руках.

– Честно тебе скажу, мы вчера с Гафуром весь вечер о тебе говорили. И Виктора вспомнили добрым словом, но в основном говорили о тебе, о том, что ты молодая и красивая женщина, что жизнь надо устраивать, Лена, и это не предательство по отношению к Виктору, это... это просто жизнь, вот и все. Рядом с женщиной должен быть мужчина – ее поддержка и опора, хозяин дома. И потом, как знать, может быть, ты станешь матерью. Ведь ты так мечтаешь об этом, верно? Ты ведь проверялась, когда вы жили с Виктором, и врачи сказали тебе, что все нормально, что ты абсолютно здорова. А вот Виктор так и не пошел к врачам...

– Да, так и не пошел... Из-за этого и ссоры у нас с ним были весь последний год... Господи, и еще какие ссоры!

Елена закрыла глаза и замолчала. Ее лицо выражало муку.

– Я не рассказывала тебе подробно. Мне было стыдно... и потом... мне неприятны эти воспоминания. Они – моя боль и моя вина! – Елена тяжело вздохнула. – Я ведь одно время стала ненавидеть его, Сабина... Я так страстно хотела ребенка, а он... все работой заслонялся, и я никак не могла заставить его пойти к врачу. И тогда я стала выплескивать ему в лицо свое недовольство, свою боль... Все в нем вдруг стало раздражать меня, все: рубашку не там повесит, тюбик зубной пасты не закроет, обувь на пороге оставит... – и я тут же со злобой ударялась в нотации. Господи, вела себя как последняя стерва! И Виктор вдруг стал чахнуть, ты знаешь, именно так – чахнуть – стареть и меняться на глазах. Я прикусила язык, я поняла, что что-то не так, я постаралась все вернуть в прежнее, старое русло. Мы больше не ссорились, но, видимо, уже было поздно. Теперь я снова умоляла его обратиться к врачу, но уже для того, чтобы выяснить причину нездоровья. Страшно испугалась за него, ненавидела себя за свою стервозность. Выбрав день, мы прошли с ним по врачам, проверили сердце, легкие, почки... Все вроде бы в норме. Врачи сказали, что это нервный срыв и переутомление. Было похоже на правду, ведь он, действительно, работал, как вол... Выписали лекарство, витамины... Сначала ему стало хорошо, пошел на поправку, а потом – резкое ухудшение... И вновь я молила его немедленно обследоваться. Он искренне обещал мне, что сходит к врачам... и не шел... обманывал меня... говорил: «на следующей неделе лечу по делам в Москву, там и обследуюсь». Никуда не улетел... Враз слег и все, и врачи уже были не нужны...

Елена резко повернулась и схватила Сабину за руку. В этот момент ее глаза горели большим лихорадочным огнем:

– Сабинка! Меня мучает одна мысль: мне кажется, что Виктор проверился, и ему сказали, что по какой-то причине он не может иметь детей! И он страшно страдал от этого... страшно!... и боялся сказать мне, потому что очень-очень любил меня... боялся потерять. – Елена потерла виски и вновь каким-то затравленным взглядом посмотрела на свою подругу. – Никто и никогда не будет любить меня так, как он, никто... И я никого и никогда не буду любить так, как Виктора... Но именно я убила его! Я! Своими упреками, придирками... Слепая, тупая, эгоистичная дура! И когда он заболел, то, видимо, знал, что болен серьезно, очень и очень серьезно... и не пошел лечиться, специально не пошел, понимаешь?! Он дал болезни убить себя! Понимаешь?! Он сам себя убил, чтобы освободить меня! Видя, как я страстно желаю ребенка, нашел такой ужасный выход – решил умереть, чтобы я стала свободна, могла выйти замуж и родить. Просто развода со мной он бы не перенес... Может быть, даже сам себя чем-то травил... Вот так. А я... я последнее время вела себя как... – Елена сжала кулаки – так себя вела, что он, видимо, решил – не люблю я его больше, даже ненавижу... Я ведь один раз в глаза ему крикнула – «Ненавижу!»... Так и крикнула, понимаешь? Убила бы сейчас себя за это!

Елена снова прикрыла глаза и замолчала. Сабина тоже молчала, потрясенная и выплеском горя и страшными предположениями своей подруги.

– Лена, ты ничего не выдумываешь, а? Мне кажется, что...

– Нет, ничего я не выдумываю. Я виновата в смерти мужа, только я. Вот так, Сабиночка... Вот к такому однозначному выводу я пришла долгими бессонными ночами... А ты говоришь Олег... Какой Олег! Не хочу я никого и ничего...

Елена провела ладонями по щекам, как бы стирая невидимые слезы, и произнесла уже другим, присущим ей спокойным и сдержанным тоном:

– Послушай, прости меня! Собирались весело поболтать, хорошо провести время, мороженым побаловаться, а я тебе все настроение испортила... Извини... Просто так наболело в душе!...

– И ты весь год с этим жила и ни разу не обмолвилась о своих переживаниях и страхах! Ты вообще что делаешь? Ты в психушку угодить хочешь?!

Елена вздрогнула и снова как-то странно и затравленно посмотрела на Сабину.

– Ну что ты так на меня смотришь? – продолжала выговаривать подруге Сабина. – Прекрати выдумывать всякую ерунду! Ты же занимаешься самоистязанием! Копаешься в ваших с Виктором ссорах, вспоминаешь всякую дрянь, всякую мелочь и во всем, во всем обвиняешь себя! Нет такой семьи, Лена, где бы не ссорились муж и жена. Нет! Но ты сейчас из ваших ссор создала космическую трагедию, все гиперболизировала и теперь каждую ночь занимаешься самоедством. Ей богу, по-другому и сказать нельзя! Да, Виктор знал, что ты хочешь ребенка, знал. Еще бы он этого не знал, когда сам так хотел малыша! Не отрицаю и того, что он, может быть, действительно, проверился и узнал о том, что не может иметь детей. Но чтобы он сам себя травил или еще там что-то в этом роде, так это полная чушь, бредятина какая-то! Виктор не был ни неврастеником, ни слюнтяем, а был человеком серьезным, умным, логически рассуждающим. Оставить тебя он мог бы и по-другому: обеспечил бы деньгами, развелся бы с тобой в две секунды (при его солидных связях это не проблема!) и уехал бы куда-нибудь, затерялся бы в этом огромном мире. Ты бы подумала, что он тебя просто бросил, посиховала бы какое-то время, повозмущалась, поплакала, а потом снова пошла бы по жизни с гордо поднятой головой: бросил, ну и хорошо, ну и ладно, я и сама проживу... Верно? И замуж бы вышла с легким сердцем, ни перед кем не считая себя виноватой. Вот так бы сделал Виктор! Но разыгрывать древнегреческую трагедию, травиться, специально терзать твое сердце своим угасающим видом он бы не стал, понимаешь ты это или нет! Ни за что не стал бы! Это точно. Поэтому не придумывай никакой ерунды!

– Не знаю, Сабин, может быть, я действительно умом тронулась...

– По крайней мере, сейчас явно на умалишенную похожа...

– Сабиш, а если я действительно сошла с ума и у меня... у меня галлюцинации всякие... ну, если предположить, что...

– Так, все. Прекратили всякие дурацкие разговоры. Вставай и пошли в кафе. Обещала мороженым накормить – корми. Я теперь поняла – в кого у меня Рустам: он весь в меня. Я тоже очень люблю сладкое, а мороженое особенно!

Расставшись с Еленой, Сабина приехала домой и, скинув в прихожей модные осенние туфли на тонкой шпильке, сразу же прошла в гостиную. Ей хотелось немного посидеть на диване и спокойно поразмышлять. Разговор с подружкой оставил в душе тяжелый осадок. Что-то было не так, а что – непонятно. Сидя в кафе, они болтали о всякой-всячине, и Елена изо всех сил старалась быть веселой, но это ее «старание» ощущалось Сабиной мучительно. Не подавая виду, она в свою очередь тоже старалась «поддержать компанию». Расстались, нежно расцеловав друг друга и договорившись снова встретиться на днях: Елена уговаривала подружку приехать вместе с сыновьями к ней в гости. Вроде бы все нормально, все как всегда... И в то же время Сабина чувствовала, что совсем не «все как всегда», а напротив, все, в общем-то, плохо. И эти ее идиотские навязчивые мысли, что она убийца собственного мужа... просто бред какой-то, болезненные, нездоровые симптомы... Надо что-то делать, надо как-то «выбить» ее из этого состояния, иначе действительно придется обращаться к врачам...

Сабина так ушла в свои тревожные мысли, что когда в комнату ворвался Рустам вместе со своим неугомонным пуделем Шарло, она вздрогнула и немного испуганно взглянула на сына, а тот с обидой и возмущением в голосе тут же закричал:

– Мам, мам, скажите этому противному Анвару, чтобы он не обзывался и не щелбанил меня по лбу!

– Что он делает с твоим лбом? – не поняла Сабина.

– Он мне два щелбана дал, а я до него дотянуться не могу! А еще он обзывается по-всячески и на меня и на Шарло!

– Да кто на тебя обзывается-то! – в дверях показался Анвар и с презрением уставился на младшего брата. – Что ты ябедничаешь, как девчонка!

– Я не ябедничаю, я с тобой справиться не могу! А ты обзываешься, обзываешься! Он, мам, знает, что говорит, что я Рустяк – жирный толстяк, а на Шарло говорит, что он – крысиное мурло! Мам, а что такое «мурло»?

– Ан-вар! – укоризненно и нараспев произнесла Сабина, – ну когда это прекратиться, ведь ты все-таки старший брат! Тебе одиннадцать лет, а ты все как маленький с Рустамом препираешься! Да еще всякие слова говоришь! Ну, чему ты его учишь?

– Он, мам, обзывать меня учит, только я это и сам умею, я про него тоже ругательный стих сочинил: Анвар – тощий, противный, вредный комар! Дылда-будылда!

– Ну, шас ты точно в лоб схлопочешь, сочинитель фигов!

– Анвар, как ты разговариваешь! Какой пример ты подаешь младшему...

– Ну, конечно, он у нас младшенький, ему все можно, да! А если его паршивая собака мою модельку самолета изжевала, тогда как?

– Ничего она не изжевала! Она несла эту модель мне, я учу Шарло носить разные вещи, чтобы он развивался...

– Тебе самому сначала развиться надо, а то ты у нас на недоразвитого смахиваешь! А Шарло твои вещи пусть таскает, понял?! Еще раз к моим моделям прикоснется – я и тебе и твоему Шарло уши на макушке завяжу! Дрессировщик фигов!

– Ан-вар! – Сабина строго посмотрела на старшего сына – ты вообще что себе позволяешь?!

– А если ты мою собаку и меня будешь обзывать по-всячески, то я все твои модельки переломаяю! Понял?

– Рус-там! – Сабина развернулась к младшему.

– Ну, иди, иди, попробуй – тронь! Риски здоровьем! – Анвар грозно надвинулся на младшего братишку, и Шарло, защищая своего хозяина и друга, громко залаял.

– Молодец, Шарло, молодец! Тяпни его, тяпни! – Рустам вместе с пуделем запрыгал вокруг Анвара.

– Да что же это такое! – Нахмутив брови, Сабина встала с дивана с явным намерением серьезно заняться воспитанием своих развоевавшихся сыновей, как вдруг хлопнула входная дверь, и раздался голос мужа:

- Это что еще за вопли?
- Это не вопли. Это ваши сыновья так мило беседуют друг с другом, – с иронией в голосе отвечала Сабина, наблюдая за притихшими мальчишками.
- Да! Прекрасная беседа, а главное тихая, интеллигентная, спокойная... Аж на первом этаже слышно, как «беседуют»...
- Пап, – снова завелся Рустам, – а Анвар...
- Так, все, хватит! Марш в свою комнату! Дайте отцу отдохнуть после работы! И чтобы навели в своей берлоге порядок, а то бабушка уже жаловалась, что у вас там черт-те что творится!
- Мальчишки, покосившись на всерьез рассердившуюся маму, молча пошли в свою комнату. Гафур поцеловал жену:
- Воюешь?
- Воюю! Куда ж деваться! Мой руки, буду ужином кормить.
- А где бабушка?
- Она к сестре поехала, соскучилась по ней, там, видно, и заночует. Ты сегодня что-то рано! Я уже и не помню, когда в такое раннее время домой приходил.
- Не сглазь. Сам не верю, что уже дома. Хоть выплюсь сегодня.
- Ну, хорошо, переодевайся, мой руки, будем ужинать. И... знаешь, что, Гафур, мне надо поговорить с тобой... о Лене... мне тревожно за нее...
- Что-нибудь серьезное?
- Думаю «да»... думаю, что серьезно...

Расставшись с Сабинной, Елена тоже поехала домой. К вечеру природа вдруг вспомнила, что сейчас на дворе осень и положено дуть холодному ветру и лить дождям. Синее небо сначала побледнело, затем подернулось сероватой дымкой, а к шести часам и вовсе затянулось невесть откуда взявшимися тучами. Как бы пробуя свои силы, потихоньку стал накрапывать дождик и, почувствовав, что это хорошо у него получается, разошелся вовсю: громко забарабанил по крышам домов, по желтовато-зеленой кроне деревьев, по дорогам и тротуарам, задиристо налетая на прячущихся под зонт прохожих. К нему присоединился хулиганистый ветер, и вдвоем они уже развеселились не на шутку. Выскочив из такси, Елена вовремя успела добежать до дома, а то бы ей хорошо досталось и от ветра, и от дождя, так как она умудрилась утром забыть зонт в прихожей: положила его на тумбочку, да там и оставила. Игра с ветром и дождем в осенние догонялки почему то развеселила ее. Захлопнув дверь, она тихонько засмеялась и пробормотала: не догнали, не догнали... Засмеялась и ... осеклась, прислушиваясь к себе: что это с ней? Уже сто лет она не испытывала такого состояния – озорной легкости. Может быть, это тоже своеобразная реакция организма на ее вечный страх. Надоело бояться, хочется просто жить, любоваться чудесной осенью и играть с дождем и ветром в догонялки. Бояться надоело! Но тем не менее Елена автоматически включала свет в каждой комнате и уже не выключала его. Конечно, свет не защита, но при нем все-таки не так страшно, все-таки спокойнее.

Переодевшись в уютный и теплый домашний халат, она забралась с ногами на диван и включила телевизор. По всем каналам шли какие-то бесконечные сериалы, которые Елена, практически, никогда не смотрела. Пощелкав еще немного пультом, она наткнулась на передачу «Все об Атлантиде» и с интересом уставилась на экран, где с помощью компьютерной графики демонстрировали страшные картины гибели загадочной и великой цивилизации.

В это же время Ло, Джастин и Клэр тоже не отрывали взгляда от экрана телевизора. Страшные картины гибели Атлантиды зачаровали и их. Первые двое несли в себе только генную память о прекрасной и могучей родине всех алантов, да свои знания о ней, почерпнутые из рассказов старших. Ло появилась на свет в Китае, Джастин – в Древнем Риме. Родиной же Клэр была именно Атлантида. Поэтому она и входила в Великий Совет Трех или Совет Посвященных. Сейчас, глядя на экран телевизора, она отдавала должное людям, которые упорно искали ответы на вопросы, связанные с ее уникальной цивилизацией, погибшей в морской пучи-

не. Как о многом могла бы она им рассказать! Например, удивить тем, что именно они, аланты, были не просто верховными правителями Атлантиды, они были ее Богами. Да, именно они, кого человечество наградило такими мерзкими «прозвищами», как вампир, упырь, вурдалак, кровосос... Именно они повелевали и правили. Жители Атлантиды делились на определенные касты. Высшая каста, самая могущественная и малочисленная, непосредственно прислуживающая алантам, была своего рода связующим звеном между богами и людьми. Средняя каста делилась на множество ответвлений, у каждого из которых было свое название, свое предназначение и своя «ниша» обитания. Именно эта каста отвечала за надежное обеспечение той потрясающей роскоши, в которой жили Боги, а следом за ними и вместе с ними – представители Высшей касты. Низшая каста – это скот для заклятия. Это пища алантов. Представителей этой касты хорошо откармливали, следили за их здоровьем, содержали в чистоте. С момента рождения они знали, что у них особое предназначение, что они имеют честь быть Великой Жертвой, которая живет только до Великого Часа. Жрецы Высшей касты определяют этот «час», и тогда они предстанут перед Богами, и тогда священные губы алантов коснутся их тела... Они – избранные, они – сосуд с драгоценной влагой, дарующей Богам бессмертие.

Уникальная память Клэр перелистывала страницы далекого прошлого – прекрасного прошлого! – наполненного покоем, негой и осознанием своей Великой Силы и Уникальной Власти. Никто тогда не мог предположить, что впереди их ждут Крушение и Мрак, что от могучих алантов останется только горстка скитальцев, рассыпанных по всей земле: горстка, наводящая ужас, но упорно гонимая и уничтожаемая. Если бы продлилось мрачное средневековье, когда за ее сородичами вполне целенаправленно и с большим успехом охотилась церковь, а на площадях с потрясающим постоянством горели костры, то, пожалуй, аланты были бы истреблены этими жестокими животными, именующими себя людьми.

Благодарение Великим Богам Алантов те страшные времена миновали. У современных землян, расплодившихся не хуже крыс, один бог – деньги. Они скептически, циничны и пытаются все свои знания об окружающем их мире затолкать в рамки материализма, в рамки своих бесконечных опытов, экспериментов, доказательств, подтверждений... У них приветствуется только «научный подход» к решению всех проблем... (Клэр усмехнулась) Что ж, это на руку алантам. Попробуй сейчас в кого-то из них ткни пальцем и предъяви обвинение в колдовстве и вампиризме! Произнесенное вслух такое обвинение прозвучит совершенно дико. Обвинителя засмеют, если не хуже: могут просто признать сумасшедшим. Люди это знают, поэтому даже тогда, когда сталкиваются с необычным, потусторонним, необъяснимым, предпочитают молчать, чтобы не прослыть фантазерами или того хуже – ненормальными. Прекрасно! Современный мир – это прекрасно! Он для алантов! Прошло время Великого Страх за свою жизнь, но пришло время Великого Страх за свой род. Их действительно осталась горстка. За последние два века на свет появилось всего пять алантов, но при этом только трое из новорожденных имели мать; двое стали сиротами, едва появившись на свет. Пришло время решить эту серьезную, нет, архисерьезную задачу – продолжение рода алантов! Продолжение любой ценой! Ради этого Клэр сейчас здесь. Аланты тоже умеют ставить эксперименты.

Передача закончилась, но Клэр, не отрываясь, смотрела на экран, хотя мысли ее уже были далеко от прекрасной Атлантиды. Она не поставила блок, не скрыла своих мыслей от Ло и Джастина, и они смотрели на нее с великой любовью и восхищением, ласково и нежно поглаживая ее холодные красивые руки.

– Боже мой, – думала Елена, увлеченная величественной историей Атлантиды, – неужели это все когда-то действительно было! Сколько тайн хранит наша уникальная планета! И как интересно раскрывать эти тайны! – Она вдруг остро позавидовала людям, занимающимся таким удивительным и необычным делом. Какая у них живая и интересная работа! Как они много ездят, много видят, много знают! Какие неординарно умные люди! Ведь чтобы делать открытия, надо иметь потря-

сающие знания, упорство, терпение, фантазию! Да, фантазию – это обязательно, потому что без творческого воображения невозможно быть специалистом ни в одном деле! И еще, – рассуждала сама с собой увлеченная передачей Елена, – это удивительно смелые люди. Они не боятся заглядывать в жерла вулканов, опускаться в океанские глубины, бродить по темным и страшным подземным лабиринтам...

И она тут же представила себя в темной пещере глубоко под землей... а потом – в пучине океана и... приближающуюся тень акулы... Брр! Ужас! – с омерзением передернула плечами. – Нет, нет, нет, это не для нее! Для такой работы необходимо иметь особый характер и уж, конечно, не быть трусом. А вы, дорогая Елена Михайловна, – обратилась она сама к себе, – трусиха. Так что Боженька отвел вам правильное место в этой жизни – занимайтесь тем, чем занимаетесь: утром спокойно доезжайте до Министерства энергетики, отработайте день в своем уютном кабинете, среди бесконечных бумажек, а вечером так же спокойно возвращайтесь домой. Вот это ваша жизнь – серая, рутинная... но зато никаких акул!

В общем-то можно и совсем не работать... Сабина как-то спросила: «Зачем ты себя мучаешь какими-то отчетами, проектами, командировками? Ты достаточно состоятельная женщина, у тебя все есть, Виктор об этом позаботился, к чему лишняя нагрузка, лишняя нервоотрепка? Что тебе, на кусок хлеба зарабатывать надо что ли?» Да, она достаточно обеспечена – Сабина права, можно и не работать. Но как только Елена представляла себе, что она целыми днями сидит дома, в четырех стенах, – ей становилось жутко. Если бы был ребенок – все было бы по-другому: было бы ради кого жить, чем заниматься... а так... изнывать от скуки и становиться Обломовым, точнее, Обломовой! Ну уж нет! Лучше уж бумажки, проекты, командировки... это все-таки жизнь, общение, ощущение своей востребованности... Сегодняшний странный разговор с Сабиной... Елена была на грани того, чтобы все ей рассказать, все! но снова побоялась... Начни говорить – и это будет звучать, как бред сумасшедшей! А эти ее разговоры об Олеге, и о его любви...

Резкая и, как показалось Елене, агрессивная трель звонка выбила ее из омыта вновь накативших тоскливых и тревожных мыслей. Господи! Кто это может быть? Сердце сразу же учащенно заколотилось, затрепыхалось, в руках и ногах появилась какая-то странная слабость, мгновенно родилось ощущение, что она приросла к дивану и ни за что не сможет с него встать. Страх, который она всеми силами пыталась забить, заглушить в своей душе, пустил глубокие корни, потому что она до сих пор не может забыть «того звонка», после которого все и началось...

Звонок повторился еще раз, настойчивый, призывающий. Елена встала и, сдерживая колотившую ее дрожь, взяла в прихожей зонт, потому что дождь лил уже как из ведра, и пошла через двор к воротам. Если сейчас там снова будет стоять Виктор, она не хлопнется в обморок, не закричит... она заговорит с ним – и будь что будет! Этому надо положить конец! Надо, в конце концов, выяснить, что все это значит!

Рука судорожно вцепилась в ручку зонта, все тело стало ватным и двигалось как бы само по себе, автоматически. Включив освещение во дворе, Елена медленно пошла к воротам.

– Кто там? – спросила она, стараясь придать голосу твердость и, замирая от страха, боясь и услышать ответ и не услышать его вовсе.

– Лена, это я, Олег, открой, пожалуйста!

– Олег! – Елена вздрогнула от звука его голоса и судорожно вздохнула, пытаясь расслабиться, но состояние было такое, как будто бы она собиралась нырнуть в ледяную воду; сводило челюсти, а руки дрожали. – Да, да... сейчас...сейчас...

А руки дрожали и дрожали, и она никак не могла попасть ключом в замочную скважину. Глубоко вздохнув еще раз, стиснула зубы, сосредоточилась и... открыла дверь.

В подъездном пролете около дома стояла перламутрово-серебристая «Nexia» Олега, а непосредственно за дверью – он сам, моментально вымокший, но улыбающийся, красивый, с роскошным букетом чудесных осенних хризантем.

– Можно!

– Да, да... конечно, входи, пожалуйста! – (Господи, надо немедленно взять себя в руки и успокоиться, надо что-то говорить, лишь бы он не заметил ни ее трясущихся рук, ни ее затравленного взгляда) – Что же ты без зонта в такую погоду? – Елена передала свой зонт Олегу и стала закрывать дверь. Он немного придвинулся к ней, держа зонт над ее головой, и она почувствовала приятный, бархатный и немного горьковатый запах какого-то одеколона или туалетной воды, дорогих сигарет и пряный и тоже немного горьковатый запах цветов. И вдруг, причем, совершенно неожиданно, эти запахи странно взволновали ее.захотелось повернуться лицом к Олегу и откровенно вдохнуть в себя еще и еще раз весь этот чудесный «букет» – одеколон, цветы, сигареты... В какую-то секунду Елена непроизвольно потянулась к Олегу, но, опомнившись, отстранилась, резко повернула ключ в замке и уже спокойно и холодно взглянула в его веселые и немного насмешливые глаза.

– Да я его сегодня дома забыл. С утра то ведь солнышко сверкало, и небо было голубым-голубым! Прямо весна, а не осень! А к вечеру – на тебе, тучки с дождиком!

– Да, дождик разошелся... Ну, ничего не поделаешь – осень. Мы итак в Узбекистане солнышком избалованы: чуть только дождливая погода, так сразу же все нить начинаем, что холодно, сыро... – Елена пыталась говорить спокойно и даже немного равнодушно, но внутри у нее все дрожало и от пережитого страха и от внезапно нахлынувшего, «идиотского», как она сама его тут же охарактеризовала, движения души. За воротами (слава Богу!) оказалось реальное живое существо – Олег, а ее «идиотское движение» вроде бы осталось незамеченным. Однако она не могла не признать тот факт, что впервые за все время знакомства с этим человеком она обрадовалась его приходу, испытала облегчение от того, что «страшная встреча» не состоялась. Сердце перестало биться где-то в горле и переместилось на положенное ему место, но напряжение осталось, не собираясь быстро сдавать свои позиции.

– Это точно! Каждое время года должно взять свое: осень – дождиком, зима – снежком.

Олег улыбнулся, ласково и нежно посмотрев на Елену, и она вдруг удивилась, что этот человек может быть таким – милым, обаятельным и даже немного беззащитно-растерянным, то ли из-за его намочших и растрепанных ветром волос, то ли из-за этой белозубой и немного робкой улыбки. Улыбнувшись в ответ и почувствовав, как потихонечку тает ее напряжение, она, наконец, закрыла ворота и по широкой, выложенной серовато-розовыми плитами дорожке, мимо темнеющего с правой стороны большого гаража, рассчитанного на две машины, повела Олега в дом.

В сторону этого чудесного гаража Олег метнул быстрый и хищный взгляд: он знал, что там, за добротной стеной, в своем «стойле» вот уже год стояла шикарная «Toyota Camry», руль которой тосковал по сильным и крепким мужским рукам. «Дай Бог, голубушка, дай Бог, – подумал Олег, – уж я тебя приласкаю, потерпи немного». Кстати, для него не осталось незамеченным то, что Елена вдруг как-то странно замешкалась у ворот, когда он придвинулся к ней с зонтом. В определенные минуты его сильное мужское начало пробуждало в нем хищника, который буквально чуял свою жертву. Так случилось и там, у ворот: в какую-то секунду ему показалось, что Елена сама, сейчас, сию секунду потянется к нему, что ей этого ужасно-ужасно хочется, и тогда все преграды между ними будут сломлены. Крепко прижав ее к себе цветами, зонтом, он найдет ее губы и вложит в этот поцелуй всю свою страсть, все свое желание немедленно обладать ею. Однако следующая секунда все вернула на свои позиции, и Олегу хватило ума сдержаться и не выдать своих чувств ни в жестах, ни взглядом: не дай бог, чтобы она испугалась и вновь замкнулась в себе, тогда все будет потеряно. Надо выждать, надо тонко проиграть свою роль, чтобы она сама, сама сделала этот первый шаг. Сама! И она сделает его, начало положено, это Олег почувствовал безошибочно.

Они подошли к большой веранде, огромные окна которой летом спасала от жаркого солнца чудесная декоративная сирень, утопающая в белых, сиреневых и

розовых цветах. Цветы не пахли, но высокие кусты были на удивление красивы и, в отличие от обыкновенной сирени, цвели все лето, придавая всему двору праздничный и нарядный вид. Сейчас они понуро и обреченно мокли под дождем, прикрывая голые коричневато-сероватые ветви оставшимися кое-где узкими красно-желтыми листочками.

Поднявшись по ступеням невысокого нарядного крыльца, Елена открыла дверь веранды и пригласила Олега в дом.

6

– Чудесные розы! – Клэр наклонилась и вдохнула в себя упоительный аромат великолепных цветов, стоявших в резной, переливающейся цветными искрами хрустальной вазе.

– Да, я люблю розы, особенно алые... – Ло тоже подошла к низкому стеклянному столику и, повторив движение Клэр, нагнулась, вдыхая нежный аромат. – Днем, когда я их купила, лепестки были в росе... Солнце превратило эту росу в бриллианты... Сверкающие розы! Это было великолепно!

Клэр обняла Ло. Нежно коснулась губами ее лба, кончика носа, щек... Провела рукой по золоту волос, спадавших до пояса тяжелой шелковистой волной... Заглянула в огромные глаза-изумруды...

– Ты сама, как бриллиант, Ло! Драгоценный бриллиант! Если свершится то, что мы задумали, то твоя удивительная красота получит свое продолжение, и все аланты, населяющие эту планету, вознесут слова Великой Благодарности Великим Богам. У нас должно получиться, Ло! Обязательно все должно получиться! В противном случае мы, по сути дела, обречены. Так или иначе, каждый век забирает чьи-то жизни. Мы бессмертны, но мы смертны! Страшный парадокс! Нас осталось совсем мало. Если не решить проблему с продолжением рода, то через каких-нибудь двадцать-тридцать веков мы просто можем исчезнуть. Навсегда!

Ло стиснула руку Клэр, и некоторое время они стояли молча. Слова были ни к чему, Ло «слышала» тревожные мысли Клэр, и ее сердце сжималось от боли.

– Надо, надо, чтобы получилось, Клэр! Ведь все попытки, предпринятые в течение многих веков, оказывались безрезультатными...

– Да нет, результаты были, только не те, которые ожидалось нами... – Белой, как алебастр рукой, Клэр коснулась своего лба и прикрыла глаза. – Да, результаты были, но не те... Попытка превратить человека в аланта закончилась полным провалом. Некоторые из новообращенных погибали, некоторые превращались в самых настоящих монстров. – Клэр открыла глаза и печально посмотрела на Ло. – Ты ведь знаешь, что книги и фильмы людей о так называемых вампирах основаны не на пустом месте. Да, там много надуманного, но суть верна. Люди не знают про нас, алантов, они даже не представляют себе, что мы живем с ними, рядом, на одной и той же планете! И не просто на планете, а в одном и том же городе, на одной улице, в одном доме... Мы здороваемся с ними, улыбаемся... если надо, оказываем помощь, в том числе и материальную, и они считают нас добрыми, хорошими, спокойными, правда, немного замкнутыми соседями, поскольку мы не приглашаем их к себе в гости и весьма неохотно ходим к ним. Но ведь у каждого свои причуды, верно! А люди сейчас изо всех сил борются за право человека на «причуды». Иной раз за такие «причуды» борются, что просто оторопь берет! Но это нам на руку.

Клэр улыбнулась, сверкнув жемчугом своих великолепных зубов, обняла Ло за тонкую, гибкую талию и повела к стоящему у стены дивану, накрытому красивым темно-бордовым с тусклой позолотой в плетении рисунка пледом. Они сели, и Клэр, бросив тревожный взгляд на зеркало, продолжала:

– Да, это нам на руку... по крайней мере сейчас не полыхают костры, сжигающие ведьм...

– О, Клэр! Сейчас быть ведьмой – это модно! Сейчас этих ведьм столько развелось по всему миру! Смешно... По-моему, кое-кто из людей даже вампиров из себя изображает, создают какие-то секты, в которых выполняют придуманные ими ритуалы и, пересиливая себя и делая вид, что получают колоссальное наслажде-

ние, пьют кровь... А может быть и действительно получают наслаждение... люди странные существа!

Клэр кивнула головой:

– Да, есть и такое, но, повторяю, это нам на руку.

Мы – высшая земная раса, мы подобны богам, а эти «причудливые человечки», считающие, что они все знают, все-все изучили и открыли, даже не подозревают о нашем существовании! Собственно, так и было задумано изначально. А так же и то, что внешне мы подобны людям, и не просто подобны, мы – самые прекрасные из них! А люди всегда, во все времена и века фанатично поклонялись красоте. Эту красоту мы и сделали нашей защитой и нашим оружием. А еще обаяние, острый ум, умение ценить все прекрасное... Мы – блестящие собеседники, и мы – Клэр улыбнулась, в ее темных глазах заметались искорки-смешинки, – и мы... любим солнце, голубое небо, цветы и... отражаемся в зеркале. Мы есть, мы живем, дышим, любим, смеемся, грустим ... питаемся кровью человеческих особей, но для самих особей как бы не существуем.

Нас не знают, Ло, но зато люди не раз сталкивались с результатом наших опытов... Именно эти «столкновения» и породили в человеческих душах великий страх и великую ненависть. Эти опыты, по сути дела, частично рассекретили нас. Неудачное, бледное и уродливое подобие алантов, созданное нами, не умело как следует маскироваться и, что самое страшное, этому «подобию» требовалось гораздо больше пищи, чем нам, гораздо больше... Мы населили землю прожорливыми и жестокими монстрами! Но люди... (Клэр усмехнулась)... им не откажешь в храбрости, этим людям! Они научились защищать себя и иной раз весьма успешно, так успешно, что порой в расставленные ими сети попадали и истинные аланты.

При этих словах Клэр, Ло вздрогнула, тут же вспомнив своего отца... Люди навалились на него скопом и опутали сетью, как огромную сильную рыбу... Он бился, пытался вырваться, даже разорвал одну сеть, но на него тотчас накинута другая... Если бы его оставили на две-три минуты в покое, он бы смог уйти в другое измерение, исчезнуть, испариться, но эти мерзкие животные напали внезапно и сразу же поволокли на костер. Да, люди хорошо подготовились к своей «охоте». Уникальная память Ло высвечивала одну страшную «картинку» за другой... Она чувствовала, что ее тело, ее мышцы начинают сжиматься, как стальная пружина. Такие воспоминания вызывали боль и ненависть в душе. Языки пламени того далекого костра заплясали, заметались в ее сердце, в расширившихся и застывших зрачках ее глаз... В такие минуты она удивительно напоминала приготовившуюся к прыжку пантеру... Если бы в этот момент рядом был человек...

– Не надо, *** – Клэр произнесла ее имя на языке алантов и мягко провела рукой по золотому водопаду ее струящихся волос... – Не надо. Я знаю твою боль. Это и моя боль тоже. Это боль всех алантов! Но мы не имеем права на такую ненависть. Мы сами дали людям оружие против себя. Одним из самых неудачных наших опытов был пресловутый граф Дракула. Что он творил! Его уничтожили не люди, его уничтожили мы... человеку с ним было не справиться...

Ло глубоко вздохнула, «превращаясь» из пантеры в обворожительного ангела, и нежно обняла Клэр.

– Были и еще попытки... – Клэр коснулась губами растекающегося золота волос Ло. – Поначалу нам показалось, что решение найдено, что в результате определенных операций человек может полностью переродиться и стать алантом, но надежды оказались тщетными. Да, это был лучший опыт, который в течение многих веков упорно проводила *** – Клэр «пропела» ее имя. – Среди людей она иногда называла себя Кериам. После определенной и довольно болезненной процедуры человек действительно становился алантом, изменяясь даже внешне, и жил три, а то и четыре столетия! Но потом наступало резкое и жуткое перерождение. Человеческая плоть быстро изменялась, старела, дряхла... но (и это самое страшное!) не могла умереть... И прекрасный псевдоалант превращался в иссохшего, жуткого живого мертвеца, и Кериам запирала это «нечто» в специальный сундук.

Ло передернула плечами и поморщилась. Взглянув на нее и понимающе покачав головой, Клэр продолжала:

– После нескольких неудач, мы, Посвященные, были уже категорически против подобных опытов, просили ее прекратить. Но она была одержима тем, что находится на грани Великого Открытия... Она никого не слушала, никого... Наверное, продолжала бы свои опыты до сих пор, если бы ... – Клэр замолчала, как будто прислушиваясь к чему-то.

– Если бы что? – Ло вопросительно и тревожно взглянула на Посвященную.

– Если бы она не пристрастилась к крови наркоманов. Это убило ее. Ты знаешь, что мы никогда не пьем кровь человека, если у него остановилось сердце. Это губительно для алантов. Но оказалось, что грязная кровь наркоманов действует еще хуже... Именно после ее смерти все аланты были предупреждены. Ты ведь знаешь об этом?

– Конечно! В моем рационе нет ни наркоманов, ни алкоголиков! Но скажи мне, почему я не знала о том, как закончился Срок Вечности для... Кериам?... Ты сказала, что она так называла себя для людей?

– Да... и так тоже. У нее было много имен. Одно из них она даже прославила, рассказав свою историю одному писателю... талантливому писателю... Некоторые человеческие особи весьма заняты... Там, в его книге ее зовут Мириам. – Клэр засмеялась и, сверкнув своими черными с фиолетовым отливом глазами, продолжала: он считал ее оборотворительной, прекрасной, чудесной... сумасшедшей, подарившей ему такой великолепный сюжет! Он был от нее без ума, а книга, написанная им по ее рассказу, имела огромный успех! Влюбившись в свою «сумасшедшую», этот безумец мечтал сделать ее... своей любовницей!... Ты представляешь себе – любовницей! – Клэр покачала головой и засмеялась. Смех серебряным колокольчиком рассыпался по комнате. – Но она не тронула его... Ей понравилось то, как он «рассказал» ее историю. Многое, конечно, выдумал сам, но это было даже забавно. Вот ее и забавляло, что она стала героиней книги. Это был ее каприз. Ей хотелось, чтобы люди поняли, как мы прекрасны и как умеем ценить прекрасное! А ведь мы действительно умеем ценить прекрасное! Так ценить, как никто на этой планете! Мы великодушны и умны, мы уважаем и ум, и талант, даже если ими награжден человек! Потому она и не тронула его... По сути дела, это первая книга про алантов. Для людей – сказка, фантастика... и хорошо, что фантастика. Нас это устраивает. А нам читать ее грустно, потому что именно в ней и рассказывается о безуспешных опытах *** – и Клэр снова произнесла ее имя, данное ей алантами. Для слуха человека такое имя прозвучало бы как красивая музыкальная «фраза». Несколько великолепных нот.

– И все-таки, Клэр, почему я впервые слышу эту историю, почему мне не рассказали об этом раньше?

– Ну, многие из алантов не знают подробно этой истории... Да и зачем? Впервые, мы рассыпаны по всей земле, каждый волен жить, где ему хочется, а каждый раз собирать всех, чтобы поведать очередную «историю», слишком сложно, да и не нужно. Передаем всем на любые расстояния только самое главное, самое важное... Вот как, например, про кровь наркоманов, что она ядовита... это уже отравы, грязь, а не пища. Ну, а во-вторых, те из нас, кто читают человеческие книги и прочитали «историю Мириам», о многом догадаются сами. Про опыты Кериам знали многие аланты, но не решились повторить, и правильно делали.

– Я читаю книги. Мне нравится это увлечение людей! Но «историю Мириам» я не читала. Что это за книга, Клэр? Кто тот писатель, которого «не тронули»?

– Уитли Стрибер. А книга его называется «Голод». Неплохое название, верно? – Клэр снова засмеялась. – Кстати, насчет голода, сегодня нам с Джастином пора выйти на охоту. Ты как? Пойдешь с нами или твой срок приема пищи еще не наступил?

– Я выйду на охоту только через три дня, Клэр. Кстати, а куда дели ее сундуки?

– Сундуки... – Клэр покачала головой, закрыла глаза, и лицо ее выразило искреннее страдание. – Они на дне океана. В бездонной пучине. Все! не будем больше об этом говорить! Это очень тяжело...

– Да, Клэр, не будем... Это действительно... Это ... да, не будем... – Ло наклонилась, вдохнула аромат цветов и коснулась их лепестков губами.

– Я начинаю волноваться, Ло... Я давно уже не «ощущаю» Джастина. Что-то он задерживается. Я отправила его в зазеркалье с особым поручением. Вынуждена

была отправить... Он очень рискует! Очень! С Мерцающей Богиней, истинное имя которой неизвестно никому, шутки плохи. Ты ведь знаешь, что ради исчезнувшей в зазеркалье Таны Джастин сходил с Тропы. Однажды чуть не пропал. Начал плутать в зеркальных лабиринтах, а им нет конца... Его не было почти неделю, по земным меркам... Мы потеряли веру в то, что он вернется... переживали, очень переживали... но он все-таки выбрался... – Клэр вздохнула и, посмотрев на зеркало шепотом добавила, – то ли по счастливой случайности, то ли (и это скорее всего) его почему-то пожалела Богиня. Из ее бездонного, призрачного, обманного мира никому нет хода, никому... если только она сама не отпустит.

– Ты права, Клэр! О, как ты права! Я тоже боюсь ее! Здесь, на Земле, мы самые сильные, нам неведом страх, потому что Страх – это мы. И даже, когда кто-то из нас попадает в «сети» жестоких людей, мы не боимся, мы боремся и ненавидим, а потом, если выхода нет, спокойно и гордо уходим к Великим Богам, чтобы, пройдя космический цикл восстановления, явиться снова. Но там, в мерцающем царстве все иначе, все! Оттуда нет Пути... Ее мир для нас – это как... как... – Ло задумалась... – это как сундуки Кериам...

– Верно. – Клэр зябко повела плечами и с тревогой посмотрела на Ло. – Создав зеркало, люди сами не поняли, что они сделали! Безумцы! Их радости по поводу этого «великого открытия» не было конца. Они и сейчас влюблены в зеркала, жизни своей не мыслят без них! Если бы они только знали – в чье «царство» проложили дорожку!... Нет, не дорожку... Открыли шлюзы, и вот уже многие века Мерцающая пьет их энергию, забирает силу их жизни... Каждый день! Каждую ночь! В любом количестве! Вот кто истинный вампир! Нашу энергию здесь, в этом земном мире, она забрать не может, мы надежно защищены, но в ее мире... в ее мире нам не стоит сходить с Тропы. Вот почему я так беспокоюсь за Джастина. Он безумен в своих поисках Таны, пропавшей в зазеркалье больше века назад. Я боюсь, как бы он не забыл о моем поручении и снова не отправился на ее поиски... Кстати, ты знала ее?

– Да, я знала ее... Мы с ней встречались... Давно... В России... На балу у императора Николая I. Ах, какой это был бал, и какая была охота! Именно там мы с ней «почувствовали» друг друга... Там впервые и познакомились и потом часто выходили на охоту вместе. Она была так прекрасна!

– Как ты! Ты чем-то напоминаешь Тану.

– В России она называла себя Таней, Татьяной. Да, мы с ней были чудесной парой! – Ло весело засмеялась, вспомнив чудесный тенистый парк в Царском Селе и милых юношей, разгоряченных шампанским и страстью... Ах, как сладко было заманивать их в глубь огромного тенистого сада и прятаться там с ними в увитых розами душистых беседках... Яркая луна, ночь и... непередаваемая сладость... «общения»... – глаза Ло загорелись зеленым огнем, затрепетали тонкие ноздри изящного носа, смех, поменяв тональность, стал тихим, вкрадчивым, горловым.

Клэр, «увидевшая» чудесные воспоминания Ло, тоже засмеялась, хищно обнажив белые ровные и острые, как бритва, зубы. Вдруг Ло оборвала свой смех, и в ее глазах отразилось изумление.

– Клэр, послушай, Клэр! Она очень сильно похожа на Тану! Очень!

– Кто похожа, Ло?

– Та женская особь, которую я наметила для нашего эксперимента. Ее зовут Елена. Как только я увидела ее – сразу поняла, почувствовала, что нашла нечто очень ценное для нас, но только сейчас я соединила ее облик с обликом Таны. Вот почему она мне так сразу понравилась! Я думаю, Клэр, ты одобришь мой выбор. И Джастин тоже. О! Я чувствую его приближение.

– И я тоже.

Они встали с дивана и подошли к зеркалу. Огромное стекло помутнело, потом порозовело, по нему пронеслись сверкающие искры, и в расплавленном окоме показалась рослая фигура Джастина. Секунда – и он уже стоял рядом с Ло и Клэр. Они потянулись к нему, он к ним, и их руки сплелись в нежном объятии. Это было такое проявление любви! Такое искреннее, глубокое и нежное, какого не знают человеческие сердца!

– У тебя получилось, Джастин? – отстранившись, Клэр заглянула ему в глаза.
– Ты окунул кольцо в чашу Цветка Шоши?

– Да, все получилось, Клэр, вот кольцо.

– Хорошо, сейчас я наложу на него древнее заклятие и ты, Ло, вернешь кольцо владельцу. Этот Олег нам пригодится, а если нет... – Клэр хищно улыбнулась, – а если нет, то и его нет.

– Клэр, а почему бы нам ни окунуть в Цветок Шоши кольцо или серьги самой Елены? И тогда она – в полной нашей власти, и... и все, никаких проблем! К чему такая сложная комбинация с этим человеком по имени Олег, который зачем-то крутится около Елены? То ли влюблен, по их человеческим меркам, то ли что-то еще...

– Нет, на Елену не должно быть оказано никакого насильственного давления, она должна все делать сама, по собственной воле, с радостью на сердце и со спокойной душой. Это очень важно! Только так у нас есть надежда на удачу! А власть кольца – она, увы, не совершенна... Обнаруженный тобой Олег будет в нашем подчинении только при условии, что кольцо у него на пальце. Снял кольцо – и все, мы потеряли над ним силу. Правда, чем дольше он носит это кольцо, чем чаще надевает его на палец, тем меньше становятся его шансы быть самим собой. Для того Джастин и подержал кольцо над ядовитыми парами Цветка. Постепенно яд, которым оно напитано, будет отравлять человека, Наступит такой момент, когда он ни за что не захочет снять свою печатку с пальца, потому что в его сердце поселится Великий Страх, шепчущий ему: снял – погиб. В нашей комбинации этому Олегу отведена довольно ответственная роль, именно поэтому Джастин и рискнул сойти с Тропы, чтобы окунуть его кольцо в Цветок Шоши. Прodelать такое под силу далеко не каждому аланту. За свою долгую жизнь я выполняла подобную операцию четыре раза, и даже вспоминать об этом не хочу.

Клэр тряхнула головой, как бы прогоняя неприятные воспоминания, провела с нежностью по щеке Джастина и, взглянув на Ло, продолжала:

– А Елена... давай-ка мы сначала посмотрим и на эту Елену, и на Олега, а потом уж обговорим детали... Хорошо?

– Не мешало бы сначала поохотиться, Клэр.

– Конечно, Джастин, но сейчас оставьте меня одну, я должна наложить особое заклятие на кольцо, но слышать это заклятие могут только уши Посвященных.

Слегка поклонившись Клэр, Джастин и Ло молча вышли из комнаты и плотно притворили за собой дверь. Шутить с Посвященными или подслушивать их секреты – на такое никогда не решится ни один алант!

– Ну, что, Ло, вечером наведаемся к твоей Елене Прекрасной? Стоит эта особь того, чтобы так называть ее?

Ло вспомнила разительное сходство Елены с красавицей Таной, хотела сказать об этом Джастину, но, побоявшись задеть его чувства, промолчала, и только кивнула головой в ответ.

Джастин прошелся по комнате, легко опустился в кресло и, откинувшись на покатуую спинку головой, прикрыл глаза. Ло залюбовалась точеными чертами его красивого и мужественного лица. Джастин потрясаяще силен даже для аланта. И еще – он потрясаяще смел. Сходить с Тропы в Зазеркалье – на это, как сказала Клэр, осмелиться не каждый алант, а если говорить точнее, то Ло впервые услышала о подобном безрассудстве. Вот и Клэр призналась в том, что сходила с Тропы: ведь она тоже пользовалась силой Цветка Шоши, который позволяет создавать из людей рабов...

– Джастин!

– Да, моя милая, я слушаю тебя.

– Я достаточно давно хожу по Тропе, но никогда не видела Цветка Шоши. Что это? Что он собой представляет? И... и где он находится?

– Чем вызваны эти вопросы, Ло? Зачем тебе все это? Цветок находится вне Тропы, и ты даже не вздумай экспериментировать и искать его!

– Нет, нет, у меня и в мыслях этого нет! Просто, скажи мне, что он собой представляет? Мне... просто интересно.

– Ну, если только «просто интересно», тогда скажу... скажу, что знаю, но еще раз предупреждаю тебя, не вздумай его искать. Ты ведь знаешь, как это серьезно, правда, Ло?

– Конечно, даже не сомневайся в этом, просто любая информация о Зазеркалье никогда не будет лишней, верно?

– Может быть, и верно, а может быть, и нет.

Ло подошла и села к Джастину на колени. Он нежно обнял ее, коснулся губами золотого волоса и, помолчав несколько минут, заговорил:

– За пределами Тропы есть небольшие блюдцеобразные пульсирующие места. Их видно, они единственно постоянная часть обманного, бесконечно меняющегося мира Зазеркалья. Эти «блюдца» потрясающе красивы, переливаются всеми цветами радуги. Их поверхность подернута легкой рябью, как гладь озера, которую слегка взъерошил ветерок. Коснуться их рукой или наступить на них обозначает одно – смерть. Они мгновенно начнут затягивать, как в воронку, окутывая, опутывая своими сверкающими, переливающимися «языками». Вырваться невозможно. Дважды я был свидетелем жуткой сцены. В первый раз я увидел, как «оно», это «озерцо», поглотило аланта. Помочь в данной ситуации невозможно. Я до сих пор переживаю весь ужас увиденного! Во второй раз в этом расплавленном радужном «блюдце» исчезло какое-то странное существо, видимо, сумевшее перейти из «своего мира» в Зазеркалье.

Эти «пульсары» обходят стороной даже бесчисленные тени зеркальных отражений – двойники всех живущих на земле человеческих особей, хоть однажды заглянувших в зеркало. «Пульсары» «глотают» и тени, и тогда человек, которому они принадлежат, начинает быстро стареть.

Так вот, Ло, периодически из сердцевины этого «мерцающего блюдца» появляется огромный бутон, и тогда «озеро» застывает. Бутон раскрывается – лепесток за лепестком – и, когда он распахнется полностью, то из его сердцевины, мерцающей так же, как и «озеро», вылетают шоши. Они имеют вид удлинненной прозрачной капли. Этот призрачный рой устремляется к зеркалам. Они для них – своего рода ворота в измерение с названием Земля. Шоши – это пчелы Мерцающей Богини. Их цветы – это люди, пыльца, которую они собирают, – энергия людей.

Джастин помолчал и, усмехнувшись, добавил: вообще-то шоши больше напоминают не пчел, а пиявок. Налетая на человека, они присасываются к нему и начинают раздуваться, наполняясь его жизненной силой. Человек иной раз беспричинно чувствует себя совершенно разбитым, уставшим, больным. Это шоши выпили его силу. Человеческому глазу они невидимы. В этом мире даже мы, аланты, различаем их с трудом. Для этого надо специально сосредоточиться, настроиться на определенную волну. Ты когда-нибудь видела нечто подобное?

– Нет. Я и не знала, что надо настраиваться на «определенную волну», мне об этом никогда и никто не говорил! Хотя... хотя иной раз я чувствовала, что человек как бы опустошен, его кровь безвкусна и пуста, как вода. – Ло поморщилась. – Может быть, это результат работы шоши?

– Может быть. Я тоже не все о них знаю. Рассказываю о том, что знаю. Наполнившись энергией, они возвращаются к цветку и исчезают в нем, чтобы где-то там, в необъяснимых и неведомых никому глубинах таинственного Зазеркалья отдать «пыльцу» своей Богине.

– А сама Богиня не может появиться в этом мире?

– Нет, это измерение для нее закрыто... пока...

– Что значит «пока», Джастин? И откуда ты знаешь, что «пока»?

– Я ничего не знаю наверняка, Ло. Просто предполагаю, что... что она надеется когда-нибудь переступить запретную грань и оказаться в «этом мире». При ее вечной ненасытной жажде подобное желание логично. Для Мерцающей это было бы равносильно погружению в бездонный энергетический океан... напрямую... без всяких зеркал и шошей...

– Но ведь тогда... страшно даже представить себе, Джастин, что будет тогда! Она же все и всех истребит, и тогда это измерение исчезнет, а вместе с ним и мы!

– Ло, давай не будем говорить о том, чего нет и быть не может. Если бы она

могла вырваться в это измерение, то давным-давно уже бы сделала это. Ну, так тебе рассказывать дальше про цветок или нет?

– Конечно!

– Так вот, в тот момент, когда бутон раскрылся и «озеро» застыло, следует быстро подбежать к цветку, и несколько секунд подержать над его «чашей» вещь, нужную тебе для ритуала заклęcia. Особого заклęcia. Если не рассчитаешь время и не успеешь отбежать на безопасное расстояние, лепестки цветка обовьют тебя. Вырваться невозможно. Это конец. Шоши вернутся, растают в сердцевине цветка, цветок закроется, и ты будешь тут же поглощен вновь расплавшимся «озером».

Кольцо, которое я подержал над цветком, впитало в себя его волшебные пары. Сейчас Клэр наложит на него особое заклęcie, и тогда человек, надевший его на палец, лет на двести, а то и триста (были и такие случаи!) станет нашим рабом, верным и преданным. Он будет делать абсолютно все, что мы ему прикажем.

– Ты, прав, Джастин, он сделает все, что мы ему прикажем. Мы делаем этой человеческой особи особый подарок – возможность жить долго, очень долго! – и служить нам, Избранным! – проговорила появившаяся в комнате Клэр и протянула Ло печатку Олега. – Положи, моя милая, это кольцо на место, а заодно покажи, что ты приготовила мне и Джастину на ужин, – с улыбкой закончила она.

– О, очень симпатичную особь, – рассмеялась Ло. – Живет одна. Молода и аппетитна. Я с ней сегодня поиграла немного! – Ло состроила смешную «рожищу». – Да и к тому же ее надо убрать, она самка Олега, нужного нам. Зовут ее Рита. Теперь у него будет другая самка, а эта в нашей комбинации – лишняя, может помешать. Пойдемте, я проложу Тропу к ее зеркалу.

7

Ритка спокойным и каким-то потухшим голосом рассказала девчонкам обо всем, что с ней произошло за несколько часов сегодняшнего безумного дня. Некоторое время в комнате царил гробовая тишина. Обалдевшие (в полном смысле этого слова) Ксюха и Катя переваривали полученную информацию, явно смахивающую или на отменный розыгрыш с элементами фантастики, или на бред сумасшедшего филолога, у которого к четвертому курсу от перегрузок и постоянной гонки за рейтингом поехала крыша

– Знаю, о чем думаете, – сказала Ритка и невесело усмехнулась. – Я бы и сама на вашем месте так же думала, если бы мне кто-нибудь такую околесицу нес. Но весь ужас в том, что это правда, понимаете, правда!!!

Она вдруг сорвалась на крик, но сразу же замолчала и, закрыв глаза, тихо застонала. Девчонки, сидевшие на диване рядом с Риткой, были похожи на статуи, имя которым «Застывшее Изумление». Наконец, «изумление» на лицах «статуй» сменилось растерянностью, потом «статуи» ожили, зашевелились, и одна из них тихо прошептала:

– Ритка... да мы ничего... ты не подумай... просто все это уж очень как то так... – Ксюха изобразила рукой, как это «как то так» и, обняв подругу за плечи, прижала к себе. – Слушай, даже и не знаю, что тебе на это сказать... действительно, не знаю...

– Послушай, Рит, если все это действительно так, то ведь этому и объяснения никакого нет! Это же просто фантастика какая-то! – Кимуля взяла Риткину руку и стала ее тихо поглаживать. Увидев, что та снова собирается сказать, что не врет, что все так и было, она торопливо проговорила – Нет, нет... ты не думай, я тебе верю, просто сама ситуация, согласишься, из ряда вон...

– Да, уж... из ряда так из ряда... Сама ничего не понимаю! А если я вот так страшно сошла с ума! – Ритка округлила глаза и в ее голосе снова появились истеричные нотки. – Если я действительно сошла с ума, то что тогда делать-то! Я и сама не верю в то, что говорю, но ведь весь ужас в том, что я это все видела, понимаете, видела, своими собственными глазами!.. Не знаю! Просто, не знаю! Может быть, у меня такие жуткие галлюцинации? – Из Риткиных глаз градом покапались слезы. – Что делать-то, девчонки? К психиатру ехать что ли? Да меня с такими «рассказами» сразу в психушку закроют как законченную идиотку!

– Так, прекрати реветь! Сейчас же! Ну-ка, возьми себя в руки! Ни на какую чокнутую ты не похожа, была бы чокнутой, то сейчас бы с пеной у рта уверяла и меня и Ксюху, что все твои видения правда, правда и только правда, а ты и сама сомневаешься, не галлюцинации ли у тебя, значит не психованная, а что-то действительно видела, что-то, в натуре, из ряда вон! И твоя реакция на это «из ряда вон» нормальная, какой она была бы у любого нормального человека! Если бы я такое увидела, меня бы просто кондрашка хватила!

– Ты действительно так думаешь, Кать? – Ритка с надеждой в голосе и во взгляде подняла свое зареванное лицо и уставилась на подругу.

– Я всегда думаю, в отличие от некоторых. Хватит размазывать по физиономии слезы и сопли, иди умойся, а мы пока с Ксюхой поставим на огонек чайник, соберем на стол... Кстати, у тебя хоть есть что на стол-то собрать, любимых подруг, так сказать, покормить-побаловать после зверски изнурительных лекций, а? Мы ведь не то что некоторые – лекций не прогуливаем, с зеркальными привидениями не сталкиваемся...

– Кимуль, ты...

– Давай, давай, двигай ногами, на кухне поговорим, в спокойной, уютной обстановке, а главное на сытый желудок... Ксюха, я, кажется, что-то про чайник говорила, чо расселась, давай тоже шевелись, а то кто-кто, а ты явно сейчас на чокнутую похожа...

Наконец был заварен хороший крепкий чай, в который Ритка для «духу» положила несколько смородиновых листочков из бабушкиного огорода. Чудо, а не чай! Катя и Ксюша с аппетитом уплетали поджаренную с яйцами колбасу, запивая простенькое, но вкусное блюдо душистым сладким чаем.

Ритка вяло поковыряла вилкой в своей тарелке, проглотила несколько кусочков и, почувствовав приступ тошноты, отложила вилку в сторону. Сидела, пила горячий чай мелкими глотками и, слушая, как подруги пытались с объективных позиций рассмотреть ее утренние происшествия, уже жалела о том, что все им рассказала. Зачем это сделала? Фиг его знает. Все равно ведь не поверили, да и кто бы в такое поверил?... С другой стороны, рассказала – и как бы немного легче стало. Хотя опять Ритка не знала – легче или нет? Она сейчас вообще ничего не знала и не соображала. Внутреннее состояние было какое-то опустошенное и омерзительное одновременно. Все было плохо: Олег явно отходил в сторону, только, видно, бедный, никак не мог придумать должную причину для разрыва... Но в сторону отходил, это точно, это Ритка всем нутром своим чувствовала. Вот, из-за этой ненормальной любви к Олегу у нее теперь что-то не то с головой, у нее теперь видения разные – «всякие разные жутко-безобразные»... Да и с организмом тоже что-то не то, вот и тошнит и состояние такое, как будто ее поколотили как следует. Ритке было очень плохо, на глаза невольно наворачивались горячие и жгучие слезы – именно горячие и жгучие, в полном смысле этого слова, потому что глазам было и горячо и больно.

– Рита! Ритка!!! Да ты чо, в самом деле? Я тебе говорю, а ты, как зомби, глазами хлопаешь и молчишь.

– А ты что, видела зомби и видела, как они хлопают глазами? – Кимуля с иронией посмотрела на Ксюху. – И не размахивай вилкой у Ритки под носом, а то еще в глаз ей ткнешь. Ритка, очнись, все будет в шоколаде! Я так поняла, что ты не слышала, о чем тебе Ксюха только что вещала? Не слышала ведь, да?

– Нет, не слышала, мне просто очень плохо... тошнит опять... видно от всей этой нервной передряги...

– Может, и от передряги... Кстати, подружка, и давно тебя тошнит?

– Да нет, вот сегодня с утра началось... как с Олегом поцапались, так и началось.

– А ты не беременна ненароком?

Ритка ошалело посмотрела на Катю:

– Да нет... не должна... Мы в общем-то с ним ... Нет, не может быть... Олег ведь все просчитал... мы собирались завести ляльку только когда поженимся...

– Ритка, ну что ты там бормочешь себе под нос? Собирались... не собирались... Ты сейчас точно на чокнутую похожа! Приди в себя и прекрати смотреть на

меня таким затравленно-идиотским взглядом! Когда мальчик с девочкой подолгу валяются в одной кровати – лялечки заводятся, поняла? и иной раз без всяких расчетов-просчетов. Вот с этим однозначно надо сходить к врачу! Провериться надо! Ребенок – это не игрушки!

– Какой ребенок?! Ты что, Кимуля, что ты несешь-то? Мне итак сегодня плохо от всех моих заморочек, а тут ты еще... добавляешь...

– Ничего я не добавляю. С твоими заморочками как-нибудь разберемся, а вот если беременна... Надо провериться, Рита, и если что – серьезно говорить с Олегом. Или ты как, аборт побежишь делать что ли?

– Катька, да ты что на меня наехала-то? С какого фига ты разговор о беременности-то завела, я не понимаю?

– Да с такого! Чтобы тебя с твоих фантастических высот на землю спустить. Может быть, на почве беременности у тебя и стрессы и видения всякие... Тошнота мне твоя не нравится, ясно! и потеря аппетита. Ты такой «потерей» никогда не страдала, насколько я помню!

– Если бы ты чужую рожу вместо своей в зеркале увидела, ты бы тоже страдала!

– Возможно, но к врачу мы с тобой ходим. У меня есть отменный врач, вот к нему и пойдем. И еще, мы с Ксюхой тебя пока не бросим, чокнутую нашу, верно Ксюш?

– Канэшно! Об чем речь! Хочешь, Ритуля, сегодня я у тебя ночевать останусь, а завтра Кимуля, а хочешь – поехали ко мне?

– Значит, вы все-таки обе решили, что я «того»?

– Да ничего мы не решили! Не придумывай ты, ради бога! – Ксюша энергично махнула вилкой и попала по своей чашке с чаем. Чашка перевернулась и ...

– Ну не корова ли ты, а! Ну, сказала же тебе, не маши вилкой! Ритка быстро давай тряпку! Что сидишь, глазами хлопаешь, чай на пол льется! Хорошо еще, что он уже остыл, а то бы у меня сейчас к одной чокнутой еще одна вкрутую сваренная добавилась бы...

– Грубая ты, Катька, и неженственная! – Ксюша подняла свою чашку, а Ритка энергично начала вытирать со стола.

– Ага! Куда уж нам до ваших благородий!

– Да ладно вам, девчонки. – Ритка отжала тряпку в раковину и протерла стол еще раз. – Все, сухо. Давай, Ксюха, я тебе чаю налью. А насчет сменного дежурства... – Ритка села за стол, помолчала, потерла виски и, взглянув на подруг усталыми, замученными глазами, продолжила – а на счет дежурства я согласна. Спасибо вам, девчонки! Честно говоря, страшно мне сейчас одной в квартире оставаться.

– Вот и ладушки! Ну что, Ксюш, тогда ты с ней сегодня будешь, а я завтра. Идет?

– Идет, идет. Давай, Ритуля, пошли, я положу тебя в гостиной на диванчике, поспи немного, а то на тебе лица нет, а мы пока с Кимулей на кухне похозяйничаем. И ничего не бойся, мы тут, рядышком.

– Да я уже и не боюсь ничего, – усталым и сонным голосом ответила Ритка, мне уже как-то вообще все до лампочки.

– Во! Это самое хорошее и правильное состояние, когда «все до лампочки». Иди, прими горизонтальное положение и начинай восстанавливать нервные клетки. Все, давай, давай – вперед и с песней!

Уложив Ритку на диван и укрыв ее пледом, Ксюха вернулась на кухню, шлепнулась на стул и минуты две молча смотрела, как Катерина моет посуду.

– Слушай, Кать, ну и что ты обо всем об этом думаешь?

– Ничего я не думаю. Завтра отведу ее к врачу, проверят, вот тогда и думать будем. Олег-то ее явно хвостом завилал, а если она еще и беременна...

– Да я тебе не об Олеге и его беременности говорю!

– А я о беременности Олега тебе ничего и не говорила...

– Кимка, прекрати! Прекрасно понимаешь, о чем я тебя спросила! Что это за фигня у Ритки со всякими зеркальными видениями-привидениями? Что это? Ведь

она рассказывала об этом так... так рассказывала, что... – Ксюха распахнула глаза и сделал правой рукой свой «фирменный» неопределенный жест, как бы стараясь показать Кимуле, «как она рассказывала». – Короче, так не врут. Так не врут! – повторила она твердым и каким-то звенящим голосом. – А если она не врет, тогда что это?

– Не знаю. Что ты ко мне прицепилась! Что я тебе, Ванга что ли или гадалка-прорицательница! Не знаю я, что с ней. Если она на почве этого Олега еще и мозгами тронулась, то тогда совсем «хорошо»...

– Почему так тронулась-то, с таким странным уклоном? Прямо не Ритка, а Стивен Кинг какой-то... С таким поворотом мозгов романы писать надо... фантастические... жустики...

– Ксюха, перестань ерничать. Все, что происходит с Риткой – очень серьезно!

– А я и не ерничая! Ты что же, считаешь, что я не понимаю, как все это серьезно? Если хочешь знать, то я, когда ее рассказик вспоминаю, аж холодею вся... дурноватенько мне становится, ясно? В жизни с таким не сталкивалась никогда! Так что делать-то будем? Если ее психиатру показать, то ведь действительно могут в психушку закрыть!

– Нет... какие тут психиатры... – Катя вытерла руки маленьким синим полотенцем с веселыми красными петухами по краям и встала около окна. – О, как небо тучами заволочло! Вечером, как пить дать, дождь будет. – Помолчала, разглядывая серое, безрадостное «месиво», нависшее над Риткиным домом, над всеми улицами и переулками большого города, и добавила. – А Ритку мы с тобой к одной... ммм... женщине сводим. Я, правда, давно у нее не была, и идти мне к ней не очень-то хочется... Воспоминания у меня с этим связаны мало приятные... но эта гадалка мне тогда всю правду сказала... – Катя снова помолчала, с хмурым видом разглядывая темные тучи, расплзающиеся по небу, покачала головой в такт своим невеселым мыслям и, взглянув на Ксюху, добавила – гадать она, действительно, умеет. Это точно, без дураков. Вот к ней Ритку и сводим. Ладно, пойду домой, а то у меня зонта нет, с утра ведь солнце всю светило, прямо весна была, а сейчас вон – «бура мглою небо кроет...». Смотри, Ксюха, если с ней вдруг что-то не то – звони, поняла? А то, действительно, шут его знает... видения у нее уж больно странные!

– Ладно, беги. А насчет гадалки – это ты правильно придумала, пусть посмотрит нашу Ритулю. – Ксюха вышла вслед за Катей в прихожую и, глядя, как та натягивает на ноги модные полусапожки на высокой шпильке, добавила, – странно вообще-то все это, правда Катя? Странно и, знаешь, честно говоря, страшно...

– Слушай, Ксюша, прекрати! Что ты-то еще завелась – страшно, страшно... У Ритки все эти заморочки на почве ее постоянных базаров с Олегом. Она же его любит до умопомрачения, а этот киношный красавец только хвостом вертит. Он ведь ничем не отличается от других козлов, готовых лезть в любой огород за любой капустой. Это ей семья нужна, а ему – вольная житушечка, да постоянно обновляющийся набор девочек. Казанова фигов! Довел Ритку... Ладно, бывай! – Катя поцеловала Ксюшу в щеку. – Доеду домой – позвоню... Пока!

– Пока, Кимуля! – И вдруг Ксюше страшно захотелось сейчас же, немедленно уйти вместе с Катей, аж в сердце что-то екнуло и загорелось. Она даже развернулась к своей курточке, висящей на вешалке, в прихожей, даже руку к ней протянула, но, словно очнувшись, просто провела по рукаву ладонью и сказала вслед подруге.

– Ты только позвони, ладно, Катя!

– Я ж тебе сказала, как доеду – сразу! Ладно, бай-бай, я поскакала.

Ксюша вошла в гостиную: на диване, свернувшись калачиком, крепко спала Ритка – бледная и даже во сне печальная, с горестно опущенными, как бы «обиженными», уголками губ. Ее волосы разметались по подушке, а на красивой смугловатой шее тревожно пульсировала голубая жилка.

Ксения снова укрыла ее съехавшим на пол клетчатый пледом, постояла, разглядывая Ритку, как будто видела ее в первый раз, и, вздохнув, пошла в спальню. Скинув домашние тапочки, прилегла на кровать, прямо на покрывало, не снимая одежды, только ноги прикрыла большим пушистым «оренбургским» платком, который обнаружила в спальне, на стуле. Мысли порхали быстро, как шустренькие птички с

ветки на ветку. Думалось и о том, и о сем, и обо всем сразу, и ни о чем конкретно... Слишком много странностей было в сегодняшнем дне, и Ксюха никак не могла втиснуть эти «странности» в рамки «объяснимого», «нормального», «привычного». При попытке «втиснуть» – все эти «рамки» тут же разваливались и никак не хотели собираться. От сумбура мыслей голова начала кружиться, и Ксюша решила вообще ни о чем не думать, а просто, закрыв глаза, спокойно подремать. Вот так: отодвинуть от себя все свои «ненормальные мысли» и подремать, и все... потому что устала от этих мыслей... потому что они рождали страх... лучше не думать... и все... и все... и все...

Незаметно подкрался коварный Морфей и поцеловал девушку в отяжелевшие веки... Через несколько минут Ксюша уже крепко спала.

8

Гафур поставил пиалу на стол и, взглянув на Сабину, с иронией в голосе сказал:

– Тебе не кажется, что ты все слишком драматизируешь, а? Ну что ты мне сейчас наговорила тут по поводу Елены? И страхи у тебя за ее психику, и чувствуешь ты, что она что-то недоговаривает, что-то такое важное-преважное, что прямо-таки тянет на какую-то страшную-престрашную тайну... Ну что за чепуха, честное слово!

– Да почему чепуха-то, Гафур? Я тебе говорю, она странная была сегодня, очень странная! Я ее сто лет знаю, такой никогда не видела. С ней что-то не то, это точно, а ты насмехаешься!

– Да не насмехаюсь я! Просто, во-первых, чертовски устал, ты сама знаешь, какая у меня работа! А во-вторых, не вижу я в поведении Елены ничего из ряда вон выходящего. Да, ей плохо. Конечно, плохо! Как ей может быть сейчас хорошо? Она одна, она похоронила человека, которого любила, к этой ране присовокупляется еще одна – бездетность. Вот это все ее и мучит! Но это вполне нормальные человеческие переживания! Разве нет? Она не хочет признаться самой себе, что ей следует выйти замуж еще раз и попытаться родить ребенка, а не хочет она об этом думать, потому что вся какая-то слишком правильная, живет по каким-то своим чрезмерно уж строгим меркам и законам! И сама себя этим мучает. В общем-то, ей сейчас надо не отталкивать от себя Олега, а присмотреться к нему, тем более что он давно и, как мне кажется, искренне любит ее. Олег – это ее шанс возвращения к нормальной жизни.

– Что это ты так спешишь выдать мою подругу замуж? И почему это именно «Олег ее шанс»? Елена так красива, что у нее этих «шансов» много найдется, может быть, и получше твоего Олега!

– Ну, во-первых, он не мой, а во-вторых, я не спешу – что мне спешить-то? – я просто, Сабина Ахматовна, в отличие от вас рассуждаю логически: Елене далеко не двадцать, значит надо выйти замуж в ближайшее время, чтобы родить ребенка и воспитать его, верно?

– Ну!

– Не «ну», а верно. И потом, несмотря на всю свою красоту, она не относится к разряду женщин... – Гафур задумался на секунду, – с огоньком, что ли... Виктор был такой живой, горячий, открытый... Я, честно говоря, не раз думал о том, какие они с Еленой разные! Твоя подруга Елена, – Гафур вновь помолчал, подбирая нужные слова, – она... и внешне и характером напоминает мне Снежную королеву из знаменитой сказки Андерсена... честно... такая же красивая и такая же сдержанно-холодная...

Проговорив эти слова, Гафур тут же почувствовал, что сказал что-то не то... не то сказал... не стоило этого говорить! Взглянув на жену, он понял, что Сабина тоже сейчас весьма напоминает Снежную королеву: глаза превратились в две льдинки, губы плотно сжаты, голова гордо поднята...

– Ну да... конечно... у Елены красота холодная. Она не кокетничает направо и налево, не бросается на шею мужчинам, не отбивает мужей у жен... она холодная (это слово Сабина проговорила «стальным» голосом)... А вы, Гафур Ганиевич, го-

рячих предпочитаете, не так ли? – перед мысленным взором Сабины тут же выплыло лицо ненавистной Зары.

– Сабина, прекрати! Никого я не предпочитаю! Я тебе сказал все это только потому, что ты попросила объяснить создавшуюся ситуацию. Я ее тебе объяснил! Объяснил так, как я понимаю: никакой трагедии нет! вся взвинченность Елены идет от неустройства жизни – вот и все! Я думаю, что ты и сама так думаешь. Значит ты, как подруга, должна соответственно повлиять на нее, не оставлять ее сейчас одну. И не надо придавать моим словам какой-то извращенный смысл!

– Извращенный?! Ну что вы, и в мыслях не было!

Сабина встала и начала убирать со стола. Гафур глянул на ее застывшее лицо и, схватив за руку, быстро проговорил:

– Не будем ссориться, хорошо? Ты знаешь, что я люблю только тебя, только тебя, – повторил он с нажимом – и ты это знаешь! Не цепляйся к словам, ладно. Не надо ссор по пустякам. Ты спросила мое мнение – я тебе его честно сказал. Честно! Ты и сама знаешь, что я прав. И все, закончим на этом.

Гафур встал из-за стола:

– Спасибо за ужин! Все было очень вкусненько! Сейчас приму ванну, посмотрю телевизор – а то, честно говоря, я уже забыл, как это делается? – и спать, спать, спать... – пропел он последние три слова. – А ты, моя любимая, не драматизируй ничего, ладно? – Гафур обнял Сабину и нежно поцеловал в щеку. – Елене просто сейчас тяжело, но это пройдет, время все лечит. Ничего страшного и необъяснимого в данной ситуации нет, и не придумывай ничего! Вот где действительно происходят страшные и необъяснимые события, так это у меня на работе...

Сабина почувствовала, как потеплело у нее на сердце. Да, муж прав, не надо никаких скандалов, что было – то прошло... не надо заводитьсь...

– Что происходит, Гафур? Что у тебя на работе? – она с тревогой взглянула на мужа.

– Понимаешь, у нас в городе странно стали умирать люди. Вроде бы все чисто, не убийство, но состояние трупов... странная такая картина...

– Ой, Гафур, не надо...

– Правильно, не надо! Давайте, я поцелую вас, моя прекрасная ревнивая же-нушка, и пойду хоть немного отдохну. Завтра у меня, как у солдата на службе, подъем в 6 часов.

Гафур вошел в ванную комнату и тут же раздался его крик:

– Сабина, я забыл банное полотенце, принеси, пожалуйста!

– Еще не было случая, чтобы ты его не забыл!

– Ну, а зачем я женился?

Отдав полотенце Гафuru, Сабина вернулась на кухню. За окном уже было темно (несмотря на то, что часы показывали всего лишь пять минут шестого), и вовсю хлестал дождь. Мокрые ветки огромного клена, росшего около их пятиэтажки, тревожно стучали в окно, точно просили пустить их в дом, спрятать от разыгравшейся непогоды. Этот стук почему-то тревожил Сабину, был чем-то ей неприятен... Нервы... У меня у самой не в порядке нервы – думала она. – Хорошо, что сдержала себя и не устроила скандал из-за этой дряни. – Сабина вновь представила себе огромные, нагло-дерзкие глаза Зары и передернула плечами. – Из-за нее итак предостаточно скандалов было! А по поводу Лены... по поводу Лены Гафур, наверное, прав: не надо ничего выдумывать. Все будет хорошо! Я поддержу Елену, ей сейчас не надо надолго оставаться одной... Гафур прав. И замуж ей надо выйти – тоже с этим не поспоришь! Когда рядом будет мужчина – уйдет и страх... А если еще и ребеночек появится – вообще все будет прекрасно! Гафур прав... Что-то во всем этот Гафур прав... все в его объяснении так просто, легко и логично... Почему же тогда мне так неспокойно, как будто что-то должно случиться? И в чем причина моей тревоги? Не пойму! Разве сегодня был плохой день? Нет, хороший был день: отчитала две пары, встретила с Леной, погуляли с ней по скверу, посидели в кафе, потом спокойно добралась до дому... Ничего такого! Все нормально! Вот только эта странная девушка в сквере... Такая нереально красивая и в то же время неприятная... Как она на нас смотрела! Противно смотрела! И куда она так быстро испа-

рилась? Я отвела глаза буквально секунд на пять, повернулась, а ее и след про-
стыл. Или мне уже что-то мерещится, и я все придумываю?...

Так, прекрати! – прицкнула она сама на себя и тут же строго приказала: да-
вай-ка, дорогая Сабиночка, займись делом! Тебе еще доклад сочинить надо, а то
зав.кафедрой выпишет тебе завтра за срыв теоретического семинара по полной
программе и будет прав! Все, долой все идиотские мысли! Сейчас уроки у мальчи-
шечек проверю, позвоню Лене и, пожелаю ей спокойной ночи, а потом сяду за компь-
ютер, сочинять... Вот это будет правильно!

Сабина расставила на полочке кухонного шкафа посуду и направилась в детс-
кую.

– И все-таки, если не лгать самой себе, почему же так противно-то на душе,
так тревожно.

9

Сабина стояла на кухне, смотрела в окно на дождь и думала свои тревожные
думы...

Елена поила чаем Олега, и они разговаривали о том, о сем... Елене не хоте-
лось, чтобы он уходил. Она устала бояться, а с Олегом, которого она когда-то почти
ненавидела, сейчас было так спокойно, уютно и... так не страшно!

Ритка проснулась, встала, прошла в свою спальню, увидела на кровати крепко
спящую Ксюшу, укрыла ее своим пледом, и, решив похозяйничать на кухне, обна-
ружила, что в доме нет ни куска хлеба. Часы показывали пять минут шестого, за
окном хлестал дождь. Резко прозвучал звонок телефона. Ритка кинулась к трубке,
мелькнула мысль – это Олег, приедет, помиримся – но это звонила Кимуля, ска-
зать, что добралась, наконец, до дома, что сто лет ждала автобус, а потом пилила
на нем чуть ли не час, так он, паршивец, медленно ехал, никуда не торопясь. Ритка
сказала ей, что Ксюша спит, а она сейчас пойдет за хлебом. Попрощалась с подру-
гой, хлопнула на место телефонную трубку и стала нехотя натягивать свою курточ-
ку. Потом взяла большущий прозрачный зонт и отправилась в гастроном, купить
хлебушка, а может быть и еще чего-нибудь вкусенького, чтобы побаловать Ксю-
шу: хорошие у нее все-таки подружки, не бросили одну.

Ло, оставив Джастина и Клэр перед зеркалом Риты, мгновенно исчезла, начав
перемещение по другой Тропе, ведущей к другому зеркалу. Оказавшись в комнате
Олега, она положила кольцо около ножки кровати и, не торопясь, скользнула в рас-
плывшийся зеркальный омут. Вновь встретившись с Джастинном и Клэр, почув-
ствовала исходящий от них чарующий аромат свежей крови.

– Вы довольны, мои милые?

– О! Это было чудесно! Теперь веди нас к Прекрасной Елене! – чуть
ли не промурлыкал Джастин, обняв Ло за талию.

– Ну, что же, тогда в путь!

Вернувшись через полчаса из гастронома, Ритка увидела толпу людей, со-
бравшихся под окнами ее дома, точнее, практически под ее балконом.

Кто-то резко и быстро что-то говорил, кто-то с кем-то спорил, кто-то жалобно
причитал. Ритка подошла поближе, узнать, что случилось, по какому поводу такой
шум-гам, и замерла, остолбенела: на мокрой земле, в неверном свете фонарей,
залитая дождевыми потоками, лежала Ксюша, неестественно вывернув руку, с бе-
лым, как алебастр, лицом, на котором застыли широко распахнутые глаза. Зрели-
ще было совершенно жуткое. И совершенно, совершенно нереальное! Полчаса на-
зад она сама укрыла свою спящую подругу пледом, всего полчаса назад! Ритка
поняла, что сейчас она точно сойдет с ума. Она обвела притихшую толпу безумным,
ничего не понимающим взглядом.

– Рита, – Артур Суменович тронул ее за плечо, – Рита, ты слышишь меня? Я
видел, как она упала, эта девушка. Она упала с твоего балкона... Я в это время

стоял на своем балконе, курил... Рит, ты слышишь меня? Рита? Это твоя подруга?

Ритка видела, как ее сосед открывает и закрывает рот, но ничего не слышала, ничего не понимала.

В это время к их дому, практически одна за другой, подлетели две машины – милицейская и «скорая». Толпа расступилась, люди затихли. Ритку тоже попытались увести в сторону, но она, очнувшись, вновь увидела свою подружку, свою Ксюшу, веселую, звонкоголосую, неунывающую Ксюшу, которая теперь лежала на земле, как тряпичная кукла, сломанная мокрая кукла... И тогда Ритка дико закричав, вырвалась из чьих-то рук и, кинувшись к подруге, стала трясти ее за плечи – Ксюша! Ксю-ша!!! Ксюшенька!!! Нет!!! Нет!!! Этого не может быть! Это я! Это меня должны были убить! Нет!!!

Совершенно обезумевшую Ритку с трудом оторвали от мокрого, распластанного по земле тела, и увели в квартиру бабушки Насибы, живущей на первом этаже. Врач сделал ей укол, и через несколько минут Ритка затихла. Она лежала на диване, всхлипывая и тяжело дыша, и слезы бесконечным потоком струились по ее бледным щекам. Врачи ушли, а бабушка Насиба сидела рядом с Риткой, держала в своих старческих руках ее вялую, безвольную руку и тихо шептала молитвы.

Ксюшу увезла машина со страшным названием «труповозка», а милиция, забрав у Ритки ключи, осматривала ее квартиру и беседовала с многочисленными свидетелями произошедшего страшного ЧП. Все показания однозначно сводились к тому, что это было самоубийство.

Сосед Риты, Артур Суренович, вышел на свой уютный балкончик, похожий на стеклянный аквариум, покурить, послушать дождь... Его внимание привлекла девушка на балконе соседки. Сначала он подумал, что это Рита, и уже ждал, когда она повернется в его сторону, чтобы помахать ей рукой, поздороваться. Потом понял: нет, это не Рита – не тот цвет волос, да и ростом пониже. Что-то с этой девушкой было не так, что-то в ней настораживало... Соседний балкон был освещен (свет падал из больших окон и открытой двери гостиной), и видно все было достаточно хорошо. Рита еще не застеклила его, но уже были установлены стойки, навес, однако ни то, ни другое не спасало от непогоды, поэтому сейчас там свободно хозяйничали и дождь и ветер. В такую погоду и на такой балкон не выходят подышать свежим воздухом. Все это вихрем пронеслось в голове Артура Суреновича, который с возрастающим интересом наблюдал за незнакомкой, пытаясь понять, что в ней не так. Через несколько секунд понял: странно двигалась эта девушка, как заводная механическая кукла. Артуру даже стало как-то не по себе, и он уже хотел, открыв створку своего окна, окликнуть ее, спросить – все ли в порядке? – как вдруг она, перекинувшись через балконное ограждение, без единого звука полетела с третьего этажа вниз. Артур сначала просто онемел, потом, вскрикнув, кинулся, как был в домашнем халате и тапочках, вниз по лестнице, во двор. Его жена, удивленная таким поведением мужа, что-то прокричала в след, но ему было не до нее. Ну, а во дворе он увидел, то, что увидели все.

Практически то же самое рассказали и ребята, сидевшие во дворе, на скамеечке, под навесом. Они весело болтали, шутили, как вдруг Санджар, задрав голову вверх, чтобы посмотреть на небо – не собираются ли расходиться тучи? – обратил внимание на балкон третьего этажа и сказал:

– Чего это она там собирается делать? – Ребята тоже задрали головы вверх и увидели склонившуюся фигуру. – С балкона сигануть решила, что ли? – Сказал это просто так, в шутку, как вдруг в ту же секунду увидел падающее тело. Сначала ребята просто замерли, не веря своим глазам. Потом мальчишки кинулись к расprostertому телу, а девчонки завизжали так, что мигом переполошили весь дом. Тут выскочил дядя Артур, в тапочках и домашнем халате, за ним его жена, а потом другие соседи. Кто вызвал «скорую» и милицию они не знают, потому что сами были просто в шоковом состоянии от увиденного.

Вроде бы все ясно, но только «вроде бы». Возникло множество вопросов, на которые хотелось бы получить ответ.

Гафур Ганиевич, которого тревожный звонок в буквальном смысле слова «стакнул» с уютного дивана (вновь «накрылась» его давняя и сладкая мечта о тихом,

спокойном вечере, о телевизоре, который он не смотрел уже лет сто, о полноценном сне), сидел рядом с Ритой и, вглядываясь в ее бледное, отекавшее от слез, отрешенное лицо, пытался сообразить, с чего начать разговор, чтобы не вызвать неосторожным словом нежелательную сейчас истерику.

– Рита, вас ведь Рита зовут, верно? Я ничего не перепутал?

Ритка слабо кивнула головой.

– Ну, вот и славно! Рита, я понимаю ваше ужасное состояние, но мне необходимо задать вам несколько вопросов. Действительно необходимо! Я был бы вам очень благодарен, если бы вы смогли побеседовать со мной сейчас. Как вы считаете, получится у нас с вами побеседовать или нет?

– Попробуем... – Ритка с трудом разлепила ссохшиеся и как будто чужие, онемевшие губы.

– Да, Рита, давайте попробуем. Кстати, вы учитесь, работаете?

– Учусь.

– Где?

– В Педагогическом, на четвертом курсе.

– Прекрасно! И кто вы по специальности – физик, химик?

– Нет... филолог... – Ритка прикрыла глаза и тяжело вздохнула. Разговор давался ей с большим трудом. Гафур видел это, но по опыту знал: следует «выбить» человека из такого страшного состояния прострации, отупения, следует заставить его говорить, выплеснуть свое горе, свои эмоции. В противном случае полученная «травма» может весьма негативно сказаться на психике и в дальнейшем спровоцировать тяжелый нервный срыв.

– Филолог... Что ж, хорошая и... очень нужная в наше время профессия!

Ритка никак не прореагировала на это замечание, а Гафур, произнося эти обские и мало значащие в данной ситуации слова, думал: да никак она студентка моей жены! Безусловно, это так, Сабина должна знать ее.

– А ваша подруга Ксения тоже была филологом или у нее другая специальность?

– Да... тоже... мы с Ксюшей с одного курса...

– Как ее фамилия?

– Дорошенко... Оксана Михайловна Дорошенко... – тихо произнесла Ритка, и по ее щекам снова заструились слезы.

– Когда вы в последний раз видели Оксану? Живой, я имею в виду.

– Живой?... – Ритка тяжело всхлипнула и закусил губу, чтобы не разрыдаться в голос. Гафур не торопился, пережидая возникшую тяжелую паузу. Девушка с трудом справилась со своим волнением. – Кажется... кажется, было часов пять... или нет, побольше, минут десять-пятнадцать шестого... что-то в этом роде. Я собралась за хлебом... хлеба не было... и я собралась за хлебом... в гастроном... Ксюша спала в моей спальне... крепко спала... я ее еще пледом укрыла... думаю, пока она спит, я в магазин схожу, хлеб куплю... и еще чего-нибудь, чтоб на ужин... Она спала, понимаете, спала! Спокойно и крепко спала! Как! Как такое могло случиться? Как! Почему? Уму непостижимо! Полчаса! Меня не было каких-то полчаса, не больше! Пока я туда, пока обратно, пока по гастроному ходила... Господи! Да что же это такое! Не могла она сама убить себя, не могла! Да и зачем! Зачем! Бред какой-то! – Ритка говорила, постепенно убыстряя темп. В ее голосе зазвучали истеричные нотки.

– Рита, тише, тише, спокойнее, пожалуйста, спокойнее! Мне нужна ваша помощь, слышите? Для того чтобы понять – что произошло? – мне нужна ваша помощь. (Гафур нарочито твердо и даже жестко проговорил последнюю фразу). – Вы поняли меня? Прошу вас, соберитесь, возьмите себя в руки. Ни слезами, ни рыданиями вы не вернете подругу, но надо попытаться понять, почему произошло то, что произошло? Вы согласны со мной, Рита?

– Да. Надо. – Ритка судорожно и глубоко вздохнула, с трудом поднялась, как будто была не молоденькой девушкой, а столетней старухой, села, и, обхватив голову руками, замолчала.

– Дочка, может быть тебе горячего чайку принести? – подала голос бабушка Насиба.

– Что? Нет, я ничего не хочу... Спасибо...

– Рита, тетушка Насиба права, вам сейчас надо выпить горячего чая. Если вам не трудно, – обратился Гафур к старушке, – принесите ей чайку, он сейчас в самый раз будет.

– Конечно, конечно, что трудного-то, сейчас принесу... – старушка зашаркала ногами, направляясь на кухню, за чаем.

– Рита!

– Да... я слушаю вас...

– Я надеюсь, что мой вопрос вас не обидит, я думаю, вы и сами поймете, что я должен его задать...

– Задавайте, – Ритка тихонько кивнула головой.

– Ксения... она не принимала наркотики, не пила?

– Да вы что! – Ритка резко вскинула голову, возмущенно и осуждающе взглянув на следователя. – Да вы что! Ксюша – лучшая студентка на нашем факультете, она учится на одни пятерки! Да у нас на курсе и вообще таких нет! У нас нормальные ребята!

– Рита, я же сказал, без обиды. Вы же умная образованная девушка, и должны понимать, что этот вопрос я должен был задать! Согласны?

– Ну... в общем-то да...

– Тогда не надо кричать. Мы с вами сейчас вместе разбираемся в создавшейся странной ситуации. Весьма странной, согласны? Вы сказали, что Ксения спокойно спала, когда вы уходили в магазин. Так?

– Да.

– Тогда, может быть, у нее у самой что-то случилось? Она ни о чем вам не рассказывала? Может быть, ее страшный поступок вызван какой-то личной бедой? Ничего она вам не говорила? В каком она была сегодня состоянии?

– Нет... ни о чем таком не говорила... и состояние у нее было нормальное, это мне было очень плохо, вот я и попросила девчонок приехать... а у Ксюши... нет, все хорошо... если бы было что-то не так, она бы рассказала мне... или Кате, обязательно бы рассказала... У нас, в общем-то, не было секретов друг от друга... Ну, практически, не было...

– А у вас что за беда такая случилась, что вы подруг позвали?

– У меня... – Ритка замялась, вспомнив свой суматошный и ненормальный день, с ненормальными видениями. Не рассказывать же об этом следователю! Да он ее просто за чокнутую примет! – У меня... да... случилось... я со своим парнем поссорилась... и... вы знаете, я не хочу говорить об этом... К происшедшему это не имеет никакого отношения.

– Ну, хорошо, не будем об этом... А Катя? Кто она, эта Катя?

– Тоже моя однокурсница... моя и Ксюшина подруга... мы дружим... с первого курса дружим...

– Вы можете мне сказать фамилию Кати, назвать ее адрес, я бы хотел с ней побеседовать.

– Ужас!

– Что ужас, Рита?

– Катька еще ни о чем не знает... она не знает, что Ксюши больше нет, что Ксюша... – Ритка вцепилась руками в свою темную с сиреневым отливом гриву и застонала протяжно и тоскливо. – Боже мой! И родители Ксюши еще ни о чем не знают! Это ужас! Я даже не знаю, как им об этом сказать! Боже мой! Что делать-то? Что делать!?

– Рита! Возьмите себя в руки! Вы слышите меня? Не надо скатываться в истерику! Успокойтесь! Мы сами поговорим с родителями Ксении. С Катей... ну, с Катей вы поговорите сами. Это страшная новость... даже для совершенно посторонних людей, не говоря уже о родных и близких... Но жизнь иногда наносит вот такие жестокие удары. Успокойтесь! Вы не ответили на мой вопрос.

– Господи, какой еще вопрос? – Ритка исподлобья взглянула на Гафура. Ей

сейчас хотелось только одного – чтобы ее оставили в покое, чтобы она могла как-то осмыслить свое горе, свою беду, если это вообще можно осмыслить.

– Мне нужны адреса, – спокойным, ровным голосом проговорил Гафур, – адреса и вашей подруги Ксении и вашей подруги Кати, адреса и телефоны.

Запинаясь, Ритка продиктовала и адреса и телефоны, и Гафур все это записал в свой блокнот.

– Рита, ответьте мне еще на один вопрос: почему вы крикнули, что это вы должны были быть на ее месте? Как это понимать?

– Я?! – Ритка потерла виски и наморщила лоб. – Я не помню... я не помню, что кричала... Действительно не помню...

– Но эти ваши слова слышали все собравшиеся около дома, все ваши соседи...

– Может быть, я не отрицаю... просто не помню... просто, если это был какой-то маньяк-убийца, то он ведь в мою квартиру влез, это я должна была быть дома, а не Ксюша... Ксюша-то оказалась там случайно...

Гафур внимательно посмотрел на девушку, но не уловил фальши в ее голосе. Возможно, и действительно не помнит, что кричала в момент стресса.

– Ну что ж... у вас есть кто-нибудь из близких, чтобы приехали, переночевали у вас, или вас бы к себе забрали?

– Нет... То есть, у меня есть бабушка, но она старенькая и далеко живет... и ее не надо волновать, у нее сердце.

– Тогда с кем вы будете? Не желательно, чтобы сегодня вы оставались одна!

– Да она может у меня остаться, – предложила появившаяся с горячим чаем бабушка Насиба. – Вот, дочка, попей, легче станет. А то хочешь, покормлю, машкурду варила сегодня...

– Нет, нет, спасибо... Спасибо вам, бабушка Насиба!... Но я... я, наверное, лучше подруге своей сейчас позвоню, Кате... Она приедет за мной, я к ней поеду.

– Ну, смотрите, это решайте сами... Только одна не оставайтесь, хорошо?

– Нет, одна я ни за что не останусь! Ни за что! Просто не смогу...

10

– Ты знаешь, Лена, а ведь мы с тобой впервые вот так... – Олег замялся немного и, ласково взглянув на Елену, продолжил, – вот так хорошо разговариваем, правда?

– Да... я тоже об этом подумала.

– Я ведь очень не нравился тебе, верно? Я не в укор это говорю, не подумай, ради бога, ничего! Сам виноват был... многое что делал не так, говорил не так... По молодости много дури в голове было. И с братом частенько ссорился. Сейчас вспоминаю, из-за чего были ссоры, из-за какой ерунды я иногда заводился и мотал нервы Виктору – прибил бы себя за это! Сколько ошибок в жизни делаем! И самое страшное то, что какие-то ошибки уже и исправить нельзя, даже извинения за них попросить нельзя! Вот от этих мыслей на душе тяжелее всего! Меня это очень сильно мучит, очень! Но... но сейчас, Лена, сейчас я страшно рад тому, что ты на меня больше не сердись... – Олег вновь посмотрел на Елену с тревогой и нежностью. – Не сердисься ведь, правда? Для меня это очень, очень важно, поверь мне! – совершенно искренне произнес он.

– Да нет, вроде бы уже не сержусь... – Елена улыбнулась. Подлить тебе горячего чайку?

– Еще как подлить! Чай у тебя – чудо! Крепкий и душистый, люблю такой! Слушай, Лен, у нас ребята в горы собираются, денька на два... Осень в горах – это ведь сказка! Можно достать путевки в «Кристалл», а можно в «Пирамиды» или снять частный коттедж – это как решим, не проблема. Умид с женой поедет, можно Гафура с Сабинкой пригласить. Поедешь?

– Не знаю... Вообще-то я в горах уже сто лет не была... Как-то мы с Виктором там отдыхали... давно, правда. Мне очень понравилось!

– Ну, тогда в чем проблема? Уедем в пятницу, а в воскресенье вечером вернемся. Соглашайся, Лен!

– Давай я с Сабиной поговорю, хорошо? – Елена замаялась немного, покрутила в руках пиалу с красивым золотисто-синим узором и добавила, – но, видишь ли, Олег, если она поедет, то и мальчишек с собой возьмет. Вдруг тебе и твоим друзьям это не понравится? Дети – шумная команда, беспокойная...

– Да ради бога, Лена, о чем разговор! Пусть берет детей! Наоборот, с пацанами веселее будет, они у нее такие забавные, особенно младший! Никто возражать не будет, что ты!

Елена с удивлением взглянула на Олега, ей вдруг очень захотелось понять: он сказал это искренне или просто, чтобы не расстроить ее. Если искренне, то... то тогда он, видимо, неплохой человек... и, может быть, она, действительно, слишком строго судила о нем?

– Олег, о детях ты сказал искренне или...

– Какие «или», Лена? О чем ты? Я что в твоём представлении законченный сухарь и эгоист? Я, может быть, не умею красиво говорить, красиво описать свои чувства, но... но я люблю детей... просто люблю, вот и все. Это правда. Вон, мой друг Умид скоро станет папой, и я... я очень завидую ему, по-доброму, по-хорошему завидую!

– Ну, за чем же дело стало? Ты умен, красив, образован, любая девушка согласится стать твоей женой.

– Мне «любая» не нужна, – Олег серьезно и даже жестко посмотрел на Елену, и снова повторил: «Любая» мне не нужна, нужна та, которую я люблю.

Поняв скрытый подтекст его слов, Елена невольно заволновалась, покраснела, опустила глаза, внимательно рассматривая свою пиалу, и нарочито ровным, спокойным голосом сказала:

– Ну, хорошо... если так, то я поговорю с Сабиной. Она тоже давно не отдыхала, а нагрузка у нее приличная, сильно устает.

– Вот и прекрасно! Тогда я завтра вечером тебе позвоню, хорошо? Или даже заеду, если ты не возражаешь. Узнаю, что вы с Сабиной решили.

– Хорошо, можно и так... Не знаю, правда, сможет ли поехать Гафур, он так занят всегда, но...

В этот момент в доме погас свет. Елене показалось, что ее моментально облепила липкая холодная мерзкая паутина – Паутина Страха. Однажды вот так же вечером отключили свет, и она охваченная диким, животным ужасом металась по дому, искала фонарик, свечи и ничего не могла найти. До сих пор помнит, как тряслись ее руки. В этот момент дом стал каким-то чужим – пустым, пугающим, враждебным. Тогда она, раскрыв все двери, ринулась во двор, не в силах оставаться в замкнутом пространстве комнат. И только услышав доносившийся из-за забора голос своей соседки Эвелины, на чем свет стоит ругающей все электростанции и подстанции вместе взятые, стала приходить в себя. Тогда Эвелина выручила ее – дала фонарик, и она, быстро одевшись и схватив кошелек, уехала ночевать к Сабине: не смогла остаться в доме. И вот сейчас снова этот ужас!

– Лена!

Голос Олега заставил ее вздрогнуть, но он же и успокоил ее: она не одна! Слава Богу! Она не одна!

– Лена, что с тобой? Почему ты замолчала? – в голосе Олега звучала искренняя тревога.

– Нет... ничего... я просто... просто я, как маленькая, боюсь темноты... Смешно, правда? – голос Елены немного дрожал, и она ничего не могла с этим поделать.

– Да, нет, если темнота вызывает искренний страх, то это не смешно. Ничего, Леночка, мы сейчас это дело исправим. – Олег чиркнул зажигалкой, и слабый огонек осветил его руку, лицо. – У тебя есть свечи или фонарики?

– Да, да... у меня все есть! – Елена метнулась к стене, на которой висел фонарь, и включила его. – У меня в каждой комнате есть такие подвесные фонарики на батарейках, и свечи есть.

– Ну, вот и прекрасно! Так даже уютней стало, а если свечи зажечь, то и вообще девятнадцатый век получится – романтика!

– Можно и свечи. – Елена улыбнулась, чувствуя, как отступает страх. В ее душе разрасталась и крепла благодарность Олегу за его теплые слова, за его улыбку и,

самое главное, за его присутствие в доме, сейчас, в этот жуткий для нее момент.

– А к свечам, – продолжал Олег торжественно и весело – а к свечам полагается Моцарт и хрустальные бокалы с вином...

– Моцарт есть, но нет света! – засмеялась Елена. – Вино тоже есть, но ты же за рулем!...

Из темноты коридора за Еленой и Олегом наблюдали... слушали их разговор... Аланты прекрасно видели в темноте, аланты умели «растворяться» в темноте, сливаться с ней. Они внимательно рассматривали две фигуры, сидящие за столом, жадно вдыхали запах их тел. Ло чувствовала напряжение Джастина. Он не отрывал глаз от Елены. «Невероятно! – таким был его первый мысленный посыл, – невероятно, как она похожа на Тану! Если бы от нее не пахло человеком, я бы подумал, что передо мной высшее существо, что она из рода Избранных! Никогда не встречал подобного сходства!»

– А это и есть тот самый Олег? – «спросила» Клэр.

– Да, тот самый, – «ответила» Ло.

– Ну, что ж, прекрасно, рассмотрели обоих... мне кажется, он уже выполняет ту функцию, к которой мы его готовим...

– Похоже на то...

– Уходим! – скомандовала Клэр.

– Да, все что нам надо, мы видели... – мысленно отозвалась Ло, и они тихонько скользнули бесшумными тенями в спальню, в которой находилось зеркало – выход в другое измерение – и вдруг застыли.

– Что это, Клэр?

Около зеркала стояла странная фигура. Это был человек, но от него не пахло человеком! Аланты мгновенно сгруппировались, напряглись, их лица, «проступающие» в темноте, как белые восковые маски, застыли, стали жесткими и злыми, красноватым светом загорелись глаза, оскал полуоткрытых губ обнажил острые, как бритва, удлинившиеся клыки, ногти на красивых ухоженных пальцах стали превращаться в когти, придавая сходство с хищными птицами.

Но в следующую минуту Клэр успокоила их:

– Не бойтесь, это спирт! Он для нас не опасен! Он – ничто, бродячий дух умершего человека, по какой-то причине застрявший в этом измерении.

– Убирайся прочь! – прошипела Клэр, обращаясь к безмолвно застывшей фигуре.

– Не трогайте ее! – мысленный посыл спирита был так силен, что это удивило Клэр.

– Что тебе в ней! Тебя уже ничто не должно волновать в этом мире! Отправляйся туда, где тебе положено быть!

– Не трогайте ее!

Клэр решила не тратить время на ерунду и просто пройти мимо этого бестелесного существа, но вдруг резко остановилась и спросила:

– Как было твое имя, когда ты был человеком и жил в этом измерении?

– Виктор.

– Что ты делаешь в этом месте, Виктор?

– Это мое место.

– Ты хочешь сказать, что это твой дом?

– Да.

– А женщина, которая зовется Еленой твоя самка, то есть, я хотела сказать, твоя жена?

– Да.

– Ты знаешь, кто мы?

– Да.

– Вот как! Прекрасно! Тогда успокойся, бродячий дух, и ступай прочь! Мы не причиним зла твоей самке! Она мечтает о ребенке, и мы дадим ей ребенка – чудесного, необыкновенного ребенка! Ты должен быть счастлив, если только бестелесные существа способны на это! Твоя самка избрана нами. Великие аланты будут заботиться о ней!

– Вы – порождение Тьмы. Вы из измерения Тьмы. Ребенок Тьмы не нужен Елене!

– Что ты понимаешь в этом! Ты, убогое существо, созданное Великими Богами только с одной целью – служить пищей алантам. Убирайся прочь или я втяну тебя в Зазеркалье, и тогда твоя душа не сможет пройти круги очищения и никогда больше не возродится в этом измерении! Ты будешь вечным тоскливым стоном Зазеркалья, ты будешь «ничто»! Навсегда! Пошел прочь!

Клэр подняла свои руки, похожие сейчас на страшные когтистые лапы хищной птицы, и начала тихо произносить древнее заклятие. От ее когтей в сторону спирита потянулись бледно-зеленые лучи. Дух вздрогнул, услышав страшные звуки, складывающиеся в магические формулы, и, не дожидаясь, когда лучи коснутся и поглотят его, исчез.

– Вот так-то лучше, – тихо прошептала Клэр и, «расплавив» зеркало, исчезла в его волшебном омуте. Следом за ней в этом «омуте» растворились и Джастин с Ло. Как только они исчезли, в доме загорелся свет.

Елена вздохнула с облегчением, поскольку со страхом ждала фразы Олега: «Ну что же, мне пора домой». А она не смогла бы остаться сейчас одна – в темноте! – ни за что не смогла бы! Сидя на кухне, в романтическом полумраке, и слушая своего гостя, Елена мучительно соображала, что ей делать, если свет так и не дадут, а Олег уедет домой? Не просить же его остаться на ночь! Но, слава богу, отключение было недолгим. Только бы оно не повторилось!

– Лена, я, наверное, до смерти надоел тебе со своей болтовней?

– Что? – Елена вынырнула из своих тревожных мыслей и, осознав заданный ей вопрос, быстро ответила – Нет, нет, что ты! Почему ты так решил?

– У тебя лицо сейчас было такое... такое отстраненное что ли, или задумчивое, не знаю... Во всяком случае, мне показалось, что ты меня и не слушаешь вовсе...

– Нет, нет, Олег... вернее, да, я... я, действительно, немного задумалась о том, что... что мне сегодня с тобой легко и хорошо. Так никогда не было раньше... А сегодня вдруг... В общем, я благодарна тебе, что ты навел меня. Это действительно так! – искренне произнесла она, вновь подумав о том, что с ней было бы, если бы не Олег. Она бы и при свечах, и при фонариках вряд ли смогла бы остаться дома. Пришлось бы снова навязываться в гости к Сабине.

– Ты говоришь искренне, Лена?

– Конечно! Если бы это было не так, то вряд ли наша беседа тянулась бы столь долго и... и была столь непринужденна. – Елена встала и выключила ненужный теперь фонарик.

– Мне очень, очень приятно слышать это! Знаешь, как будто с души какой-то груз свалился. Вот, бывает же так: за окном – непогода: ветер, дождь, холодрыга, а в душе – рай: солнышко светит, птички поют. – Олег весело рассмеялся. – Чувствую, что ты уже устала, и мне надо уходить, а уходить не хочется. Так что ты, Леночка, гони меня, гони, а то я еще сидеть буду и выпью весь твой чудесный чай.

– Ну, чая у меня много, весь не выпьешь...

– Но я буду к этому стремиться! Так что в ближайшее время снова нагрюну в гости. Ты... ты не будешь возражать?

Вопрос был задан робко, с затаенной надеждой, и это почему-то понравилось Елене. Ей вообще нравилось сегодня узнавать «нового Олега».

– Повзрослел и поумнел, – подумала она, – Виктора порадовали бы такие перемены. – Да нет, пожалуй, не буду... – произнесла она вслух. – Кажется, дождь перестал.

– Намек понял, ухожу, – снова весело улыбнулся Олег. – А ты не забудь позвонить Сабине по поводу нашей поездки, хорошо?

Проводив гостя, Елена увидела свою соседку Эвелину, которая в этот момент вместе с мужем вышла из дома.

– Привет, соседка! Как дела? – Эвелина помахала Лене рукой.

– Спасибо, нормально.

– Вот, хотим с Артуром сходить Лану проведать, что-то она приболела немало.

– Конечно, обязательно надо проведать! Передавай привет от меня своей сестре. Слушай, как часто стали свет у нас отключать, вот сегодня опять минут двадцать, света не было.

– Сегодня? Да нет, сегодня не отключали, с чего ты взяла?

– У меня не было света... Минут десять назад, как дали. А у вас что не отключали что ли?

– Да нет же, говорю тебе. Все время был свет! Может быть, это у тебя проводка ерундит? Отсоединяется где-то?

– Может быть...

Елена вновь почувствовала тревогу. Они с Эвелиной на одной линии. Если бы было аварийное отключение, то соседка тоже сидела бы без света. Почему же не было света только в ее доме? Завтра же вызову монтера, – решила она и, войдя в дом, проверила все свои подвесные фонарики, в каждой комнате.

Олег не ехал, а буквально летел домой, окрыленный удачей. Какой чудесный вечер! Лед тронулся, потихонечку, но тронулся... Теперь самое главное – не спугнуть нашу капризную птичку. А уж клеточку с приманкой мы заготовим, в этом будьте уверены! Вот только с Риткой... Черт дернул с ней так надолго связаться! Ведь хотел же порвать еще в прошлом году, так нет, все тянул, тянул... Дотянулся, блин! Нельзя, нельзя позволять бабе считать себя «почти женой!» – Олег раздраженно хмыкнул, – Ритка-то вообразила уже себе хрен знает что! Сам виноват, сам! Теперь надо как-то так отвязаться от нее, чтобы... чтобы она не вздумала устроить какую-нибудь разборку, а Ритка это может... ревнивая дура! Отелло в юбке! Четко надо от нее отвязаться! Четко! Раз и навсегда! Вот только как это сделать? Хороший вопрос! – Впереди на светофоре загорелся красный свет, и Олег, притормозив машину, закурил. – Да, вот именно, как сделать? Сказать прямо в лоб, что, мол, извини, родная, но все кончилось. Все, понимаешь, все! Ничего не бывает вечного, всему когда-нибудь приходит конец. Наши с тобой отношения итак последнее время внапряге, чуть ли не каждый день базары и выяснялки. Все, пора разбежаться. – Светофор, подмигнув желтым «оком», переключился на зеленый, и машины тут же ринулись вперед. Олег ловко лавировал в несущемся по мокрым улицам города «железном потоке». – Заехать к ней сейчас что ли, узнать – как она? – или просто позвонить... Утром черт те что устроила, вопила так, что волосы на голове дыбом встали. Что это с ней стряслось? – Олег вспомнил странную утреннюю сцену и снова хмыкнул. – Н-да, что-то неладное творится с нашей Ритой-Маргаритой! Нет, нет, надо простаться... и чем скорее, тем лучше. Поставим точку... поставим... обязательно поставим, но не сегодня... устал... устал, как собака, и слишком переполнен эмоциями... это лишнее... надо остыть, надо все обмозговать, так что домой, домой... «примем ванну, выпьем кофе», – эту фразу Олег проговорил, подражая Миронову из фильма «Бриллиантовая рука», – да-с, выпьем кофе и подумаем... хорошенечко подумаем...

Оказавшись в спальне, он быстро разделся, оставшись в темных плавках-шортах, и, достав из шкафа огромное банное полотенце, пошагал в ванную, но резко остановился, вспомнив про свою утреннюю пропажу: куда кольцо-то делось? Печатка была, мягко скажем, недешевой, да и просто очень нравилась, к душе лежала. Не хотелось бы потерять такую ценную вещь. Олег внимательно оглядел кровать, тумбочку, присев на корточки заглянул под кровать и (слава богу!) увидел свою пропажу. Наверное, утром нечаянно смахнул на пол, когда успокаивал орущую Ритку, хорошо, что не закатилось никуда. Он поднял кольцо, хотел надеть его на палец, но передумал и положил на трюмо – утречком наденем. Так, теперь в ванную, потом легкий ужин и к телевизору, а потом баиньки. Надо хорошо выспаться, чтобы, встав бодрым и веселым, все хорошенечко обмозговать. Хорошенечко... под чашечку крепкого душистого кофе. Так, а теперь купаться... Стоп! Ритке не позвонил. Звонить или нет? До жути не хочется сейчас ничего выяснять или, не дай бог, спорить! Черт! Все-таки надо позвонить... Ладно, позвоню, а если она заведется, отключусь к чертовой матери, и катись оно все к едрене-фене...

Вытащив из кармана джинсов сотку, Олег сел на кровать и, «пролистав» телефонный справочник, вышел на нужный номер. Гудки шли долго, и это удивило его:

обычно Ритка, увидев его номер, тут же подключалась. Иногда у него возникало ощущение, что она караулит свою сотку, ждет, когда он позвонит, а тут... Может в ванной, купается... Хорошо, позвоним попозже, а может и вообще больше не стоит напрягаться. Увидит его номер и перезвонит, вот так. Все – в ванную!

Ритка лежала в своей спальне, на кровати, а рядом с ней сидела Катя, держала Риткину руку и тихонько гладила ее. Она неслась к подруге на такси, потому что по странному телефонному разговору поняла, что у девчонок случилось что-то жуткое. Прибыв на место, нашла Риту в квартире у тетушки Насибы. Там же из уст Ритки и маленькой сухонькой старушки услышала действительно жуткую новость. Такого потрясения Катя не испытывала никогда! Она тут же хотела забрать подругу к себе, но Рита находилась в таком состоянии, что еле-еле поднялась в свою квартиру, рухнула на кровать – и все... Лежала, прикрыв опухшие от слез глаза, и только изредка тяжело и с надрывом стонала. Катя не находила слов для утешения, она и сама находилась, практически, в шоковом состоянии.

Сейчас, глядя на бледную, осунувшуюся, зареванную Ритку, она в сотый раз прокручивала в голове момент своего расставания с Оксанкой.

Ксюха явно чего-то боялась, ей было не по себе, но Катя тогда подумала, что это просто от чрезмерной впечатлительности натуры: по причине этой «впечатлительности» Ксюха не любила никаких «жутиков» – ни в кино, ни в книгах. А тут Ритка со своими приключениями и страхами... вот Катя и подумала, что подружка, как обычно, немножко трусит. Никакого значения тогда этому «немножко» Катя не придала – ерунда какая-то! Еще, помнится, прищипнула на нее. И вот чем эта «ерунда» закончилась. Уму непостижимо! Представить себе невозможно, что Оксанки нет! Только сегодня с ней болтали, прикалывались, переругивались, и вот все... Кто-то поставил жирную и мерзкую точку. Жирную и мерзкую! И теперь эта «точка» навсегда впаялась в ее, Катину, жизнь, и в Риткину тоже! И, что самое жуткое во всей этой истории, так это то, что ничего не понятно! С чего это вдруг Ксюха покончила с собой? Абсолютно ничем необъяснимый жуткий поступок! Какой-то бред собачий!

– И зачем только я уехала? Зачем? – оказалось, что эту фразу Катя произнесла вслух.

Ритка разлепила опухшие веки и осипшим голосом тихо спросила:

– Что, Катя?

– Нет, ничего, это я так, вслух душой маюсь. Не надо мне было уезжать... не надо... Если бы я осталась – ничего этого не было бы!

– Не знаю... я сейчас ничего не знаю и не понимаю... я за хлебом ушла... пледом ее укрывала... она спала, тихо и спокойно спала. Катя, – Ритка больно вцепилась в руку своей подруги, – ты знаешь, Катя, это меня хотели убить... Я знаю, я все время об этом думаю... Это я должна была быть на ее месте...

– Что ты несешь, а? Оксанку никто не убивал. Люди видели, она сама... Все! Прекрати, Рита! – Катя освободила свою руку из судорожно сжавшихся пальцев подруги.

– Нет, – лихорадочно продолжала Ритка, – сегодня был странный день... я свои видения не выдумала, понимаешь, не вы-ду-ма-ла! Мне было страшно! Очень, очень, очень страшно! Я чувствовала угрозу... но откуда, что, как? Ничего не понятно... День не задался с утра... с самого утра не задался... этот базар с Олегом... и потом понеслось... – Ритка тяжело вздохнула и тихо прошептала – Знаешь, Кимуля, это та... из зеркала... это она убила Ксюху...

Катя с ужасом смотрела в расширившиеся и безумные Риткины глаза.

– Ритка, прекрати! Или я вызову «скорую», чтобы тебе сделали какой-нибудь укол. Ты начинаешь бредить! Возьми себя в руки. Ну, подумай сама, что ты несешь! Кто-то вышел из зеркала, и Оксанка решила выброситься с балкона? Ты сама-то веришь в то, что мелешь?

– Верю. Я другого объяснения всей этой мерзости найти не могу! У Ксюхи все было хорошо! Все! Понимаешь? И в университете, и дома... Она к свадьбе готовилась! У нее со Стасом тоже все было хорошо! Ты и сама это знаешь! Ей незачем было с балкона прыгать! Не-за-чем! Да и не сделала бы она такого никогда! Понимаешь! Ни-ког-да! Она всегда было трусихой! Незачем ей было прыгать! Не-за-чем!!!

– Рита, не ори!

– Я не ору!

– Орешь, и еще как орешь! Все, давай успокоимся. Замолчи! Не говори ничего. Я тоже ни черта не понимаю в том, что случилось! Но и ты сама подумай, что несешь?! Мы ведь не героини фантастического фильма!

– Катя, – тихо и серьезно заговорила Ритка, – я действительно видела в зеркале мерзкую девицу с красивым и страшным лицом, и я действительно видела в сквере ту же самую девицу. Я уверена в этом на сто процентов! Я не лгу, Катя.

– Я верю тебе, Рита, так же тихо и серьезно ответила Катя. – Мир, в котором мы живем, очень сложен. Я всегда думала о том, что мы, в общем-то, ничего о нем не знаем. Исчезают же самолеты, корабли... люди исчезают, или оказываются на некоторое время в ином временном отрезке... в прошлом, например. Это уже зафиксировано учеными, это уже не воспринимается, как выдумка. Вероятно, и ты соприкоснулась с чем-то... с чем-то странным... Но почему ты считаешь, что именно эти твои видения убили Оксанку?

– Она хотела убить меня.

– Кто она?

– Зеркальная стерва с зелеными и жадными глазами. Она хотела убить меня! Я это точно знаю! Я это почувствовала! Но в тот момент, когда она пришла убивать, – я ушла, меня не было в квартире, и эта тварь убила Ксюху. Увидев ее, Ксюха испугалась, так испугалась, что выбросилась с балкона. Ты сама знаешь, что она была трусихой. Даже темноты боялась! Она испугалась, Катя. Она очень сильно испугалась! До невменяемости! – потому и выбросилась. Не понимала, что делает! Не в себе она была, понимаешь, вот и совершила такое... Другого объяснения я просто не нахожу.

– Да как же эта «стерва» в квартиру-то попала? Ты ведь сама говорила, что дверь не ломали, замок не корезили, то есть не было насильственного проникновения... Так милиция тебе сказала, верно? Так как же она прошла? Через стенку что ли?

– Через зеркало, Катя, – серьезно ответила Рита, – через зеркало. Я понимаю, что это звучит, как дикий бред, но другого объяснения всему этому ужасу у меня просто нет. Когда я уходила, Ксюша спокойно спала и кончать жизнь самоубийством не собиралась. Это точно. Да и вообще: суицид и Оксана – это из разных опер, Катя! Из зеркала эта дрянь вышла, из зеркала, и убила ее.

– Не знаю, не знаю... Про какие-то заморочки с зеркалами я тоже читала... Может быть, ты и права... Не буду спорить, да и спорить-то не о чем. – Катя помолчала, посмотрела на подругу и, вздохнув, сказала, – Рита, послушай меня, ты сейчас должна уснуть. Я дам тебе лекарство. Ты видела все это... весь этот ужас своими глазами и перенесла страшный стресс. Мы с тобой завтра или послезавтра, как получится, поедем к врачу. Я думаю, тебе надо пройти курс определенного лечения, потому что...

– ... потому что ты считаешь меня чокнутой, да?

– Да никакой чокнутой я тебя не считаю! Не заводись, пожалуйста! Сильный стресс может нанести непоправимый вред здоровью. Ты и сама прекрасно это понимаешь, грамотная девочка, поэтому не передергивай мои слова! Я тоже пойду к врачу, вместе с тобой. Все! Прекратим разговор на эту тему! Давай, принесу тебе таблетку и сама выпью тоже. Нам надо поспать, иначе точно чокнемся. У тебя есть что-нибудь успокоительное?

– Кажется, есть... не помню...

Катя встала и направилась в ванную, где на стене висела аптечка, но Ритка, приподняв от подушки голову, окликнула ее:

– Кать!

– Да.

– Ты говорила, что у тебя есть какая-то бабушка, которая гадает... ну, умеет там что-то такое... Давай лучше к ней сходим!

– Ну, не совсем бабушка, а точнее совсем не бабушка... Просто женщина, в возрасте... и даже весьма симпатичная. Сходим... вот придем в себя немного и сходим, – она снова двинулась в сторону двери, но ее вновь догнал потухший Риткин голос:

– Катя!

– Ну!

– А что если я действительно беременна? Что делать-то?

– Давай и об этом подумаем на свежую голову, хорошо! То ли беременна, то ли нет, мало ли от чего голова кружится и поташнивает... У тебя это от всех сегодняшних стрессов могло быть. Не думай об этом сейчас, хорошо! Когда все выясним, тогда и думать будем.

– Да я и не думаю, оно само думается... – Ритка вновь уронила голову на подушку, – а Олег так больше и не позвонил... и не подъехал. У меня здесь такое! Такое!.. А он...

– Рита! – в голосе Кати появилось раздражение, – Давай и Олега оставим на завтра, ладно? Знаешь, как говорят: «Все, что Бог не делает – все к лучшему». Тебе что очень хочется связать свою жизнь с человеком, которому ты безразлична? Ведь ты сама чувствуешь, что он хвостом виляет направо и налево? Ну и зачем за этот «хвост» держаться, скажи мне? Я считаю, лучше жить одной, чем рядом с подлецом и предателем. Но ты совета у меня не проси! В таких вопросах советчиков не бывает. Каждый решает сам за себя. Все! Закрыли эту тему! Что ты про Олега-то сейчас! Без него заморочек хватает! Успокойся и возьми себя в руки! В нашей с тобой жизни, Ритка, страшное произошло! Очень страшное! И мы ничего не можем изменить! Ничего! В этом весь ужас! Нам со всем «этим» надо будет теперь как-то жить... жить и постараться не тронуться умом...

Катя резко развернулась и ушла за лекарством.

– Да... не тронуться умом... а, может, я уже тронулась! Что со мной происходит? Неужели ВСЕ ЭТО ПРОИСХОДИТ СО МНОЙ! – Ритка тяжело и со всхлипом вздохнула. – С Ксюхой такое! Господи, как мне это выдержать все! А тут еще и Олег... Два года любви! Ведь он любил меня! Любил! Я не ошибаюсь... Так не ласкают, не целуют, таких слов не говорят, если не любят... Ведь нам с ним было хорошо! Господи, как мне с ним было хорошо! Почему же все рухнуло? Даже не позвонил... Может быть, и сейчас сидит с какой-нибудь... с какой-нибудь дрянью, шлюхой!.. а может, не сидит, а уже лежит... – и Ритка отчетливо представила себе, как Олег ласкает эту «другую», как страстно и нежно целует ее шею, плечи, грудь... – Ублюдок! Скотина! Придушила бы его сейчас собственными руками! Ненавижу! Все! Катка права, со всей этой галиматьей надо кончать!

– Рита!

Ритка вздрогнула и отсутствующим взглядом посмотрела на Катю, которая стояла около кровати, держа в одной руке лекарство, а в другой стакан с водой.

– Ты испугала меня, Кимка!

– Это ты меня испугала. Подхожу к тебе, а ты как будто меня и не видишь, да еще и бормочешь что-то. Давай, выпей, и через полчаса уснешь. Я тоже выпью. Надо поспать. Сейчас надо поспать. Все проблемы начнем решать утром. Давай!

Ритка встала, послушно проглотила таблетку, разделась и снова легла в постель, чуть ли не с головой укрывшись одеялом. Катя наклонилась, поцеловала ее в сиреневую макушку, потушила свет и вышла в гостиную. Постелила себе на диване, выпила лекарство и легла. Сначала все вертелась с одного бока на другой, потом затихла. Через полчаса они уже спали крепким сном. На звонок сотки, громко и резко прозвучавший в тишине квартиры, девчонки не прореагировали.

11

– Да, я думаю, она подходит для нашего эксперимента, но... – Клэр повернула голову в сторону Ло, – здорова ли она?

– Я попробую ее кровь, Клэр, и скажу точно. Я не сделала этого до сих пор только потому, что не знала, одобришь ты мой выбор или нет.

– Да, милая, сделай это. Несколько капель ее крови многое поведают нам... Только не увлекайся, а то она может оказаться настолько вкусной, что...

Все трое рассмеялись, с любовью и нежностью поглядывая друг на друга.

– Может быть, данный «анализ» проведу я? – Джастин вопросительно взглянул на Клэр. (В свою очередь Клэр внимательно посмотрела на Джастина, секунду подумала и кивнула). – А вы с Ло пока займетесь следующим этапом подготовки.

Кстати, Клэр, где будет проведена сама операция? Я знаю только три частные клиники, которыми руководят аланты – в Риме, Лондоне и Москве, точнее, в Подмоскowie. Каждая из этих клиник по-своему работает на нас, поставляя главное – клиентов и здоровую кровь. В какой из них оборудовано специальное хирургическое отделение для нашей операции? Куда полетят наши новобранцы?

– Никуда. Вся операция будет проведена здесь, в Ташкенте. – Джастин и Ло с удивлением посмотрели на Клэр. – Ну, а потом счастливые молодожены могут лететь куда угодно и где угодно проводить свой медовый месяц, но... под вашим тайным и строгим присмотром, естественно. Если все пройдет удачно – с Елены глаз не спускать, беречь, как самую величайшую драгоценность!

– Это понятно, но то, что операция будет проводиться в Ташкенте... разве здесь есть наша клиника?

– Да, теперь есть. Небольшая, частная и очень дорогая клиника, в которой работают лучшие специалисты. Основатель клиники – Клэр «пропела» имя. Ло покачала головой – она не знала этого аланта, Джастин удовлетворенно кивнул. – Для ташкентских врачей он – богатейший русский ученый и бизнесмен Николай Федорович Бертенев, – продолжала Клэр. – Хирурги этой клиники, специально отобранные и подготовленные нами, получают такую зарплату, что в буквальном смысле слова боготворят своего шефа, а потому, не задавая лишних вопросов, проведут нужную нам операцию на должном уровне, тем более что контролировать весь процесс будет сам Бертенев.

И если все пройдет удачно, – Клэр выдержала нужную паузу, подчеркивая важность момента, – то Елена будет вынашивать нашего ребенка, твоего, Ло, и твоего, Джастин!

Проговорив это, она ласково посмотрела на дорогих ее сердцу алантов и добавила:

– За несколько тысячелетий своего развития человеческие особи многого достигли! Это несколько неожиданно для нас, но в принципе весьма и весьма полезно. Для нас полезно! За их научными открытиями в области гинекологии мы следим уже достаточно давно. Если все пройдет хорошо, и Елена сумеет выносить и родить аланта – то это будет означать... – темно-фиолетовые глаза Клэр полыхнули странным огнем, – это будет означать, что в нашей жизни наступила новая эра! Тогда, через определенный период времени, мы восстановим свой контроль над людьми. Мы возродим нашу Великую Атлантиду! Нет, точнее, создадим новую – еще более могущественную! – Клэр прикрыла глаза и замолчала.

Взволнованные словами Посвященной, аланты не прерывали этого молчания. Глубоко вздохнув, она, наконец, открыла глаза и уже более ровным и спокойным голосом продолжила:

– Роды будут приниматься здесь же, в ташкентской клинике – ради этого ее и создали. Если все пройдет нормально, то эта клиника нам еще понадобится – и не раз!

Клэр снова замолчала. Молчали и Джастин с Ло. Каждый из них осознавал колоссальное значение задуманного. Если все пройдет удачно, то это действительно новая эра в жизни алантов. Вынашивать их детей и рожать будут самки человека. Бывает, что и они умирают во время родов, но редко. А это значит, что аланты, используя новейшие разработки в области гинекологии (и, прежде всего, деторождаемости), разработки, которые именно они, в основном, и субсидировали, мгновенно решат самую сложную свою проблему – проблему продолжения рода.

Джастин легко поднялся с кресла, подошел к большому овальному зеркалу, «впаянному» в стену и, посмотрев на свое великолепное отражение, лениво провел по зеркальной поверхности холеными длинными пальцами, как бы обрисовывая свой контур. Ло показалось, что по зеркальному полю прошла легкая, чуть заметная рябь. Так от нежной ласки мужчины вздрагивает женщина. Клэр, которую несколько удивил подобный «контакт», внимательно посмотрела на аланта.

– Джастин, тебя что-то тревожит? – в ее вопросе прозвучало неподдельное волнение.

– Нет... то есть да... я именно сейчас до конца осознал всю важность задуманного нами дела. Появление маленьких алантов... устойчивое и надежное продолже-

ние рода. Сейчас, насколько я знаю, есть только один новорожденный, но нет в живых его матери. Ужасно! Аланты не должны больше гибнуть, нас и так слишком мало. Если получится то, что мы задумали, то это действительно начало новой эры! – Он отошел от зеркала и сел на диван, рядом с Клэр. – Но все ли мы действительно продумали? Вынашивать аланта будет человеческая самка, но... не окажет ли ее организм отрицательного влияния на нашего малютку?

– Джастин, – в голосе Клэр послышалась усталость и мука, – мы столько лет готовились к предстоящей операции, столько всего передумали... Я не могу ответить на твой вопрос однозначно, не могу! Ты ведь помнишь, что в начале прошлого века мы пошли даже на то, чтобы скрестить аланта с человеком... мы надеялись на то, что плаза – священная жидкость, наполняющая вены алантов – окажется гораздо сильнее человеческой крови, и появившийся ребенок будет все-таки в большей степени алантом и совсем чуть-чуть человеком. Но родился монстр – прекрасный, как ангел... монстр! Как только он встал на ноги и у него прорезались острые зубы, первое, что он сделал, это съел свою собственную мать. Самку было не жаль: она сделала свое дело и надобность в ней отпала. Нашу тревогу вызвало другое: аланты не едят людей! Мы пытались воспитать его, но... но в дальнейшем он стал угрозой даже для нас. Ему было все равно, кого терзать, кем набивать свой желудок, ему просто была нужна плоть, и он добывал ее, и добывал, не задумываясь. Он переполошил людей. Они только и делали, что говорили о появившемся страшном убийце-людоеде. Они называли его Ублюдок. Они рассказывали о нем совершенно жуткие истории, вдвойне приукрашивая все то, что он творил. Они тряслись от страха, но в то же время начали на него самую настоящую охоту.

Люди трусливы, но именно страх делает их отчаянно храбрыми. Парадокс, но это так. К тому же они хитры и агрессивны, и когда ставят какую-то цель, то становятся по-настоящему опасны. В данной же ситуации подобное положение было опасным даже для нас, поскольку Ублюдок был безумно агрессивен и кровожаден! Его пришлось убрать. – Клэр закрыла глаза и тихо добавила, – я не хочу даже вспоминать об этом! Даже думать об этом не хочу!

Да, и в нашем деле риск есть... мы вновь проводим эксперимент... но у нас нет другого выбора... либо мы находим выход, либо...

– Не надо, Клэр! – Ло взяла тонкую, изящную, холодную, как мрамор, руку Посвященной и прижала ее к своим губам. – Не надо! Сейчас все по-другому... Это плод алантов, самка только выносит его... Все должно быть хорошо!

– Да, дорогая... я тоже очень-очень на это надеюсь!

Джастин обнял Клэр и коснулся губами ее шелковистых волос. Она потянулась к нему, и их губы слились в страстном поцелуе. Ло тут же присоединилась к горячей и бурной любовной игре. Эта «игра» красива, потому что красивы сами аланты. Эта «игра» необходима им так же, как глоток свежей крови, потому что она – мощный импульс в процессе регенерации клеток, она – залог неувядаемой молодости.

У алантов нет «вечных» супружеских пар, нет понимания верности в любви, нет ревности; они все любят друг друга. Трепетно относясь к продолжению рода, два аланта временно сходятся и живут вместе до появления ребенка. У каждого новорожденного аланта есть отец и мать (если мать осталась жива!), но его воспитанием будут заниматься все аланты, потому что он – величайшая ценность. Малыша будут безумно любить, а когда он станет взрослым, то его будут просто любить, любить трепетно и нежно, поскольку это естественное для алантов состояние.

Насытившись, Клэр отодвинулась в сторону. Она чувствовала, как наливается жизнью и силой ее молодое, красивое и сильное тело, глядя на которое никто не поверил бы, что ему много, много тысяч лет!

Ло и Джастин еще ласкали друг друга, и Посвященная с любовью и нежностью наблюдала за ними. Нет, не должна исчезнуть с лица земли такая красота!

Отдохнув после любовного ритуала, аланты вновь вернулись к прерванному разговору.

– Что нам следует делать сейчас, Клэр? – спросила Ло.

– Сегодня ночью Джастин продегустирует кровь Елены, потому что, если что-то не так, нам срочно потребуются другая самка. Было бы жаль отказываться от

найденной тобой особи – уж очень она хороша! Если бы не запах человека, исходящий от нее, то можно было бы подумать, что перед нами Избранная. Такие особи встречаются среди людей, но редко. Будем надеяться, что с ней все в порядке. Она нам очень подходит.

Следующая задача посложнее: надо как можно скорее привести избранную нами пару – Елену и Олега – к решению сойтись, жить вместе. Елена должна считать, что она забеременела от Олега. Ты говоришь, Ло, что она давно и страстно мечтает иметь ребенка? – Ло утвердительно кивнула головой. – Она его получит, но для того, чтобы эта особь берегла свой плод как зеницу ока, она ничего не должна заподозрить, ничего! Она должна быть уверена, что это ее ребенок! Она должна быть счастлива и спокойна. Олег же, надев кольцо, станет нашим рабом. Его самку, с которой он постоянно проводил время, мы убрали, она мешать не будет. Ну, а он будет делать то, что мы ему прикажем, думать так, как мы ему подскажем.

– Но тогда всю операцию надо провести до того, как этот самец овладеет своей самкой.

– Конечно, Джастин! Мы позаботимся об этом! Утром, после брачной ночи, Елена будет смутно помнить о том, что у нее закружилась голова и она, кажется, уснула. Ей будет неловко перед мужем, а наш раб Олег разыграет свою партию как по нотам. Нежные ночи у них впереди, но это уже не важно. Важно то, что вскоре Елена почувствует в себе новую жизнь и будет уверена, что эту жизнь зародил в ней ее муж. Затем... затем мы будем ждать и надеяться на хороший исход. Ты знаешь, Ло, возможно тебе даже придется стать подругой Елены, а Джастину – другом Олега... Только ничем, ничем нельзя выдать себя, понимаете? Ничем! Просто я хочу, чтобы кто-то из нас постоянно был с ней рядом. – Клэр подумала и добавила: да, это хороший ход, мы с вами продумаем этот вариант.

Ну, а сейчас ты, Джастин, отправляйся дегустировать Елену, – Клэр улыбнулась, сверкнув жемчужной «подковой» ровных зубов, – только не увлекайся, милый. Я буду ждать тебя здесь. Мне надо кое о чем подумать, одной, в тишине.

Джастин кивнул и через несколько мгновений исчез в зеркале.

– Ты останешься со мной, Ло?

– Нет, я тоже прогуляюсь: через несколько дней мне выходить на охоту, и я хочу присмотреть себе вкусный обед.

– Да, это серьезно... прогуляйся, милая, присмотри...

12

Джастин «выплыл» из переливающейся зеркальной глади и огляделся: большая спальня с огромной кроватью, застеленной мягким ворсистым покрывалом, была пуста. После смерти мужа Елена не провела в ней ни одной ночи – не могла пересилить себя: слишком много воспоминаний, слишком пусто...

Джастин вышел в большую гостиную, освещенную мягким светом подвесного фонарика. Дверь из гостиной вела в широкий коридор, в который выходило еще три двери. Почувяв запах Елены, он мгновенно оказался в следующей спальне, «для гостей», размерами поменьше первой, но так же освещенной рассеянным светом ночника. Алант встал около кровати, на которой спала Елена.

Ее голова лежала на маленькой подушке, практически скрытой золотым водопадом распущенных волос. Одна рука покоилась на высокой красивой груди, мерно вздымавшейся в такт ее тихому дыханию, вторая безвольно свисала с кровати. Одеяло прикрывало только ноги, и Джастин мог любоваться красивым телом молодой женщины, контуры которого просвечивали сквозь тонкую ткань легкой ночной сорочки. Он застыл, как хищный и сильный зверь перед прыжком, жадно втягивая ноздрями соблазнительный запах живой человеческой плоти. Алант видел, как на длинной красивой шее лежащей перед ним самки мерно бьется голубая жилка, по которой течет такая сладкая, такая чудесная и вкусная кровь. С каким удовольствием вонзил бы он сейчас свои зубы в мягкий, податливый шелк ее кожи и ощутил бы на языке ни с чем не сравнимый аромат жизни!

Джастин прикрыл глаза и глубоко вздохнул, усмиряя разыгравшееся воображение, но никак не мог избавиться от соблазнительного видения – зубы входящие

в душистую мякоть шеи! Этот момент соития с человеком сравним только с бесподобным моментом оргазма, протекающего у алантов столь бурно, что некоторое время они (в буквальном смысле слова!) бессильны и... уязвимы. Поэтому свои любовные игры аланты проводят только тогда, когда полностью уверены в своей безопасности.

Джастин еще раз вздохнул и открыл глаза. Он вызвался продегустировать кровь Елены, потому что хотел спокойно, в одиночестве, внимательно рассмотреть ее. Великие Боги! Как она похожа на Тану! Это просто невероятно! Никогда, за всю свою долгую жизнь Джастин не встречал человеческой особи до такой степени подобной Избранным. Если ее жилы наполнить холодной плазой, она станет истинной аланткой. Но, увы! Подобные эксперименты потерпели полный крах. Люди не могут полностью переродиться, рано или поздно они все равно «изменяются» и погибают.

Джастин склонился над спящей Еленой и стал легко касаться своими длинными красивыми пальцами ее волос, губ, груди... Эти прикосновения рождали в нем странные ощущения: с одной стороны, он всегда с огромным удовольствием выпивал, высасывал кровь, текущую в жилах красивых женщин. Аланты всегда были поклонниками красоты! И сейчас прикосновение к этой теплой, душистой самке вызвало в нем страстное желание немедленно проникнуть в нее и, «осушив» до последней капли, ощутить непередаваемое блаженство – прилив новой пьянящей силы! С другой стороны, его чуткие пальцы как бы вновь ласкали Тану, рождая другие воспоминания – страстных, нежных и горячих мгновений удивительных любовных игр, так же являющихся необходимым элементом вечной жизни и вечной молодости Избранных.

Глаза Джастина горели «жадным» огнем – так горят в ночном лесу глаза голодного волка. Он взял руку Елены и поднес ее к своим губам...

Елена торопилась, бежала куда-то... Сначала это были какие-то бесконечные улицы, переулочки, которые петляли, закручивались в запутанный лабиринт, стекались к небольшой площади и снова дробились и петляли... Вдруг эти улочки мгновенно испарились, исчезли, а Елена в каком-то смутном, сумеречном пространстве все продолжала куда-то торопиться, перешагивая через странные нагромождения, продираясь сквозь противные колючие заросли. Прыжок и... захватывающее дух падение. Сердце ухнуло, провалилось в пятки... Елена попыталась встать и не смогла. Тяжелые и злобные «молоточки» часто, с переборами бухали в груди, в горле, в ушах...

Потом все замерло, остановилось. Елена постаралась сосредоточиться, понять – где она? Почему так темно, холодно и противно? И вдруг ощутила, что лежит на земле, на сырой и неприятно пахнущей земле. Резко вскочив, мгновенно перенеслась куда-то (именно перенеслась!), и вот она уже идет по тропинке, уходящей в глубь странного леса...

Нет! Елена замедлила шаги – нет! Ей не надо в этот лес – страшный, черный, ночной и... совершенно безлиственный... Голые корявые сучья, как высохшие, скрюченные руки. Назад, назад, подальше от этой жути! Но, оглянувшись, тут же понимает: нет дороги назад! Везде этот лес! Она пленница этих мерзких корявых сучьев!

Тропинка... Елена ясно видит ее – неширокую, вытопанную чьими-то ногами. Тропинка – это ее спасение! Не потерять бы ее! Ведь должна же она куда-нибудь выжить: к реке, к жилью, к дороге... да неважно – «куда» – лишь бы выбраться из этого жуткого мертвого мира! Она пытается бежать, но чувствует, что ноги, как ватные, не слушаются, заплетаются, немеют...

Страх начинает затоплять сознание, сжимать горло... И как только она позволяет этому страху овладеть собой – тут же проваливается куда-то и, дико закричав, начинает лихорадочно скрести руками, пытаться выбраться, выползти, подняться... Жесткие, шероховатые корни деревьев, она цепляется за них непослушными, «чужими» руками. Сердце колотится сильно, глухо и больно! Встать! Немедленно встать и снова бежать, бежать и бежать, иначе этот лес задушит, убьет ее!

Мертвая настораживающая тишина... Черные стволы деревьев вытягиваются и становятся ровными и гладкими, как скользкий шлифованный мрамор. Голые

сучья устремляются в пустоту серого равнодушного неба и замирают. Исчезает тропинка, исчезают корни и режущие сухие травы... Вместо земли как будто тоже мрамор, гладкий и холодный, как надгробная плита.

Куда идти? Везде сумеречная темнота и ровные, уходящие ввысь стволы, стволы, стволы... На ватных ногах Елена бредет по этому искусственному и жуткому лесу. Онемевшими губами пытается прочитать молитву... не получается... в голове все путается, а слова вязнут в липком и мертвом воздухе. Медленный поворот головы, взгляд фиксирует мелькающие за деревьями светящиеся точки – глаза, горящие лютой злобой. Мгновенно понимает – волки! Такие же мертвые и жуткие, как весь этот лес. Их много, они окружают, сжимают кольцо... Елена снова бежит, бежит изо всех сил! Но чувствует – догоняют! Горячее, жаркое дыхание и... резкая боль в руке! в запястье!...

Джастин прильнул губами к запястью Елены и сделал небольшой надрез. Кровь, ароматная, горячая кровь оросила его жаждущий язык. Какое наслаждение! Он сделал еще глоток и, пересилив свое желание, закрыл ранку, зализал ее и отодвинулся от спящей женщины. Дегустация удалась, самка здорова, можно уходить, но... не хотелось. Появилось желание еще и еще раз вобрать в себя запах ее тела, еще раз коснуться ее своими холодными и осторожными пальцами.

Елена тяжело дышала, ее грудь вздымалась и опадала, на лбу выступили капельки пота. Он слышал стук ее сердца, и это возбуждало и зачаровывало его. Джастин не боялся, что она проснется, он мастерски владел гипнозом, как и все Избранные. По сути дела, эта человеческая особь и сейчас, находясь в сонном состоянии, находилась в полной власти его гипнотических чар...

Елена вырвала руку и снова побежала... Деревья стали редеть, расступаться, и она увидела замок, вдалеке, среди темного безжизненного поля. В нижних окнах горел свет. Вновь появилась тропинка, которая теперь как бы помогала Елене добраться до жилья, до спасительных окон – к людям! Скорее, скорее, пока не догнали и не растерзали волки! Ступени... ступени... дверь... Она открывает эту дверь, врывается в нее и резко захлопывает за собой. Спасена! Волки жутко воют, рычат и царапают обшивку, а Елена крепко прижимается спиной к створкам, чтобы их не открыли злобные твари.

И вдруг все смолкает. Тишина... страшная давящая тишина... И она вдруг понимает, что в западне, и что в эту западню загнала себя сама.

Огромный, залитый сумеречным светом холл и... пустота... Пустота, за которой таится нечто жуткое! Открыть дверь и немедленно выбраться из этой давящей пустоты! Уж лучше пусть растерзают волки! Но дверь исчезла, вместо нее стена со странным движущимся рисунком. В зеленовато-сумеречном свете холла Елена пытается разглядеть рисунок, но ничего не получается: в переплетении каких-то ползущих лиан и цветов возникают и «гаснут» красивые и одновременно страшные лица, фигуры, причудливо-фантастические звери. Она не может их разглядеть, но чувствует, что они в свою очередь разглядывают ее, разглядывают внимательно и... жадно. Прочь от этой стены! Прочь! Но куда? Куда!? Огромный холл и змеящиеся вглубь замка коридоры. По какому из них идти? И есть ли вообще выход из этого лабиринта!?

– Помогите! – Елене кажется, что она кричит громко, очень громко. Ее крик дробится в бесконечных коридорах замирающим эхом: «...ите! ... ите! ...ите!» Но в ответ слышится только чей-то сдавленный и мерзкий шепот и такой же сдавленный и мерзкий смех...

И вдруг что-то быстро и бесшумно наваливается на нее и обволакивает... мягко... удушающее... Не хватает воздуха, все плывет, дробится, кружится, и Елене кажется, что странные фигуры, срываясь с огромной движущейся фрески, «плывут» прямо к ней. Они летают в сизом и пыльном воздухе огромного холла, подбираясь все ближе и ближе, касаясь ее своими холодными мертвыми пальцами. Она чувствует прикосновение этих пальцев на своих губах, шее, груди, животе... чувствует, что жизнь уходит из нее. Все! Это конец. Это смерть.

Джастин ласкал тело Елены, получая от этого какое-то непередаваемое, почти болезненное наслаждение. Никогда прежде не ласкал он тело человеческой самки, никогда и не возникало у него такого желания – вот так, как Избранную, ласкать... животное! Он только с наслаждением выпивал струящийся в их жилах нектар жизни! Но сейчас перед ним лежала Тана-Елена, и ему хотелось еще и еще раз коснуться ее тела. Он навис над спящей женщиной и стал, как зверь, обнюхивать ее губы, шею, грудь...

Вдруг Джастин напрягся и, мгновенно выпрямившись, с ненавистью уставился на появившуюся прямо из стены темную фигуру.

– Опять ты! Что тебе не сидится в твоём измерении? Ты больше не можешь существовать в этом! Эта самка больше не принадлежит тебе! Пошел вон или я уничтожу тебя, паршивый дух! – злобно прошипел Джастин, надвигаясь на «фигуру».

– Духи тоже могут быть опасны! Убирайся прочь, грязный упырь!

– Упырь! – алант с ненавистью уставился на бледного мужчину в теплой клетчатой рубашке. – Как ты смеешь оскорблять меня, призрачное ничтожество! Ты что ли мне опасен?

– Может быть и я, а может быть та, что наблюдает за тобой, – и спирит кивнул головой в сторону зеркала.

Джастин резко обернулся и... замер: как бы выдавившись из «полотна», переливаясь ртутными бликами, на него смотрело пустыми зеркальными глазницами странное, постоянно меняющееся лицо. От ужаса он прикрыл глаза, а когда снова открыл их, зеркало было... просто зеркалом.

Джастин подошел ближе и вгляделся в свое отражение: вроде бы все нормально... или нет? Неужели Богиня способна контролировать его в этом измерении! А он-то думал, что вырвался, что здесь нет ее власти над ним! А может, это наваждение, которое наводит этот мерзкий дух? Некоторые из них умеют многое! Некоторые из них обладают и силой и злобой, и потому опасны!

Разозлившись, алант рванулся к спириту, чтобы уничтожить его, но внезапно ощутил резкий и сильный рывок: из овального «проема» хлынул зеркальный поток и мгновенно вобрал его в себя.

Вдруг кто-то резко и крепко схватил Елену за руку, и она очнулась, а фигуры, злобно зашипев, отлетели и спрятались в шевелящихся зарослях фрески. Женщина глубоко вздохнула, пытаясь восстановить дыхание, и вгляделась в появившуюся около нее фигуру. Это был... Виктор. Странное дело, но Елена не испугалась, а обрадовалась, безумно обрадовалась его появлению и заговорила быстро, захлеб.

– Виктор, мне плохо! Помоги, пожалуйста, помоги мне! Не оставляй меня одну! Я боюсь, безумно боюсь! Выведи меня отсюда!

Печально и спокойно посмотрев на Елену, Виктор молча кивнул, как бы приглашая за собой, и, не оглядываясь, направился к пустому и полутемному коридору. Елена поспешила за ним.

И вдруг ей стало казаться, что это и не Виктор вовсе, а Олег идет впереди нее... или все-таки Виктор? Или... ни тот и ни другой?

Задыхаясь от быстрого шага, она старалась сосредоточиться и рассмотреть маячившую впереди фигуру, но ничего не получалось. Глаза как будто застилала какая-то серая пелена. Она пыталась «сморгнуть» ее, терла глаза, но все было бесполезно: пелена не исчезала.

Тем временем они все шли, и шли, и шли... Елена страшно устала, ноги снова стали ватными, непослушными. Коридоры, коридоры, полутемные залы, снова коридоры. Иногда ей казалось, что они просто ходят по кругу, что они здесь уже были! Смутный силуэт то ли Виктора, то ли Олега, то ли еще кого-то, незнакомого ей, иногда пропадал, таял, и в ту же секунду накатывал панический страх, покидали силы, и в ту же секунду начинали «проявляться» жуткие обитатели жуткого замка. Из странных картин «выдавливались» фигуры, страшные, хищные, злобные... Елена чувствовала их жадные, пожирающие взгляды, но... впереди вновь глухо звучали спасительные шаги, и фигуры нехотя гасли, размазываясь по вычурно расписанным стенам.

Превозмогая свое болезненное бессилие, Елена шла, и шла, и шла... и все старалась, сморгнув пелену, разглядеть своего спутника. Нет, уже не спутник, а спутница. Это уже женщина! Лица не разобрать, темно, да и видит она ее смутно, как в тумане. На ней длинное темное платье и огромная шаль с кистями, брошенная на плечи.

В рассеянном сумраке бесконечного коридора Елена видит, как женщина поднимает руки на уровень плеч и от этого движения крыльями разворачивается шаль, и полустертая сумраком фигура тут же становится похожей на птицу. Так это же и есть птица! Огромная птица, беззвучно и легко парящая под высоким расписным потолком. Она нависает над Еленой, как бы рассматривая ее своими кругло-желтыми немигающими глазами, и угрожающие тени на стенах, шипя, растворяются во мраке.

Елена с трудом продвигается вперед, уже не понимая – куда она идет и зачем. Пол коридора становится вязким, как размытая глина. Шаг... еще шаг... Бесшумное кружение птицы...

Вдруг впереди забрезжил свет. Свет! Елена невольно прибавляет шаг. Скорее, туда, к этому свету! Там спасение! Там выход! Он близко, он совсем, совсем рядом! Она сможет! Только бы добраться до него, только бы доползти на ватных заплетающихся ногах! Скорее, скорее! Еще несколько шагов! Еще немного и...

И вдруг между ней и этим чудесным светом стремительно, из ниоткуда, возникает мужская фигура – сильная и... злобная. Она тянется к ней, тянется вся, всем телом, и наваливается, обволакивая и убивая! Сердце отчаянно трепыхается, как птица, пойманная в силочку, а потом его удары замирают, как гулкие и постепенно удаляющиеся шаги в длинном и пустом тоннеле – бум, бум... бум..... бум..... бум... Угасающим взором Елена видит птицу, резко пикирующую вниз. Уши закладывает жуткий нечеловеческий вой, ослабевают сдавливающие ее тело тиски, но в ту же секунду страшная боль пронзает живот!

Птица... меня убивает птица... Не смогла я к свету... не успела...

Мягкое и теплое крыло подхватывает Елену. Исчезает боль – тает, гаснет, растворяется...

Нет, это не крыло птицы, это крепкие и сильные мужские руки. Да ведь это же руки Виктора! Это его дыхание! Это запах его тела! Как хорошо! Боже, как хорошо! Елена силится открыть глаза, чтобы увидеть мужа, но веки как будто слиплись, дрожат, не желая подниматься. И только слезы струятся и струятся из-под ресниц. Ослабленная, опустошенная она чувствует, как ее губ касаются его губы, и она тут же отвечает на этот нежный и страстный поцелуй. А в сердце вспыхивает надежда: значит, не умер, значит жив! Жив! А его смерть и похороны – только сон! Кошмарный, дурной и мерзкий сон! Сейчас, сейчас она откроет глаза и...

И в ту секунду страшная сила вырывает ее из объятий Виктора и вышвыривает прочь из темной пропасти коридора, туда за черту, в бездну, заполненную ярким спасительным светом...

Ухнуло сердце, Елена вздрогнула всем телом, закричала – громко, пронзительно и... проснувшись, резко села на кровати.

За окном чуть брезжил рассвет. В спальне стоял тусклый зеленоватый сумрак, а на стене, как маячок, горел подвесной фонарик. Сердце бешено колотилось в груди, тело болело и ныло так, как будто Елена только что перенесла тяжелую и изнурительную физическую нагрузку. Застонав, снова легла в постель. Из глаз сами собой тихо катились слезы.

– Господи! Что со мной! Теперь на почве своих страхов я уже начала видеть совершенно жуткие, фантастические сны. Никогда со мной раньше такого не было, никогда! Снились сны, но нормальные... обыкновенные, сны, которые и не помнишь-то утром как следует. А этот... этот помнится и отчетливо! Неужели я действительно больна? – Елена лежала, не двигаясь, стараясь восстановить сбившееся дыхание. – Как будто бежала куда-то со всех ног... – подумала она и тут же сама себе ответила: конечно, бежала... и еще как бежала... по какому-то нереальному мертвому лесу и по какому-то жуткому замку... Господи, приснится же такое! Омерзительные движущиеся фрески, бесконечные коридоры и какая-то женщина, ставшая ог-

ромной птицей, и Виктор... снова Виктор... Виктор, который спасает... от чего спасает? От чего-то страшного, что должно со мной произойти? или уже происходит? или это не Виктор, а Олег? Свет... меня вышвырнули в «свет» и спасли... но отчего? От моих диких страхов? От тьмы безумия? От моего психоза? И что? Как я должна понимать свой странный сон? Что спасение в Олеге что ли? или нет? или я сама себя морочу?

Сил нет! Просто больше нет сил... я устала бояться... я действительно на грани безумия! Боженька милостивый, помоги мне! Я не боялась вчера... да, я не боялась вчера, вечером... практически, не боялась. Мне было хорошо и спокойно, потому что на кухне сидел Олег, я была не одна, и в этом все дело! Я была не одна! Рядом был мужчина, сильный мужчина – и никого не надо было бояться, никого! Может быть, это выход из моих патологических страхов? Не знаю... Почему же я ничего не знаю? Почему у меня ни на что нет ответа? Ведь я всегда гордилась тем, что я сильная и волевая женщина, умеющая трезво и логично мыслить. Где же теперь моя сила и воля, моя трезвая логика? Где?

Зазвонил будильник, и Елена вздрогнула. «Да вы стали истеричкой, уважаемая Елена Михайловна, – обратилась она сама к себе, – звонок будильника, а у вас чуть ли не инфаркт. Прекрасно! Так «прекрасно», что дальше некуда!»

Елена встала и направилась в ванную.

– Так, надо умыться... холодной водой умыться, взять себя в руки и... и выпить кофе, и... на работу. На работе все нормально... все! Может, мне вовсе не уходить с работы, там и жить, а? И никакого тебе бреда, никаких видений-привидений... Так, только не о привидениях! Все, все выбросить из головы! Сосредоточиться на сегодняшнем дне. Что у нас сегодня? Совещание у министра – вот что у нас сегодня, на этом надо сосредоточиться... мой доклад... надо перечитать его еще раз и кое-что откорректировать. Что еще? Еще не забыть позвонить Сабине, поговорить о поездке в горы. Хорошо, если она согласится! Это будет чудесно! Мне хочется, чтобы это было чудесно! Все остальные идиотские мысли долгой!

Боже мой, а ведь я разговариваю сама с собой! Сама себя утешаю и уговариваю, сама себя подбадриваю, и... продолжаю бояться до дрожи в коленях! Если бы кто-нибудь посмотрел сейчас на меня со стороны: хожу растрепанная, что-то бормочу себе под нос – чокнутая, да и только! – Елена плеснула в лицо прохладной водой, подняла голову и посмотрела на себя в зеркало. – Нет, я не чокнутая! – сказала она своему бледному и измученному тяжелой ночью отражению. – Я не чокнутая! Ну и что же, что разговариваю сама с собой! Многие люди разговаривают сами с собой – ну и что?! Это говорит только о том, что я одна, одна в этом огромном доме! Вот если бы был малыш! Господи, если бы у меня был малыш! Все было бы иначе...

Елена снова подставила под прохладную струю сложенные ковшиком ладони и... замерла: на кисти правой руки была рана, точнее, две небольших и как бы смазанных ранки. Что это? Откуда? Вчера ничего подобного на ее руке не было – это точно. Обо что она могла так странно пораниться? Елена внимательно рассматривала свою кисть, в которой тут же появилась приглушенная ноющая боль. Как будто укусил кто-то... Кто? Может быть, под влиянием своего дикого сна сама себе прокусила руку? Ерунда какая-то! Уже саму себя кусать начала что ли? Ранки надо прижечь и...

И тут Елена вспомнила свой сон, точнее, один из страшных моментов этого сна: волки... за ней гнались совершенно жуткие мертвые волки... Почему мертвые? Так она их чувствовала: мертвый лес, мертвые волки. Один из них догоняет ее и... Елена вспомнила ощущение боли в правой руке, и то, как она постаралась вырвать ее. Тогда что же это получается? Получается, что во сне она действительно бежала по мерзкому мертвому лесу и за ней действительно гнались волки и даже укусили за руку? Так что ли? Нет, это уж слишком! По всей видимости, руку я где-то вчера поранила. Так иногда бывает: стукнешься обо что-то и не помнишь, а потом видишь синяк и недоумеваешь, откуда он взялся? Явно обо что-то вчера оцарапалась. Вспомнить бы еще – обо что?

Елена открыла аптечку, смазала ранки йодом и, поняв, что уже опаздывает, начала быстро собираться на работу.

- Значит, эта самка здорова и полностью годится для нашего эксперимента?
- Да, Клэр, с ней все в порядке.
- Прекрасно! Это Знак Великих Богов! Даже то, что она так похожа на Тану – это Знак!
- Да... видимо, так...
- Ну, что же Джастин, надо приступать к выполнению самой ответственной части нашего плана. Давай еще раз продумаем детали. Пока все складывается удачно. Намеченный нами самец, кажется, и без нашей помощи влюблен в эту красавицу. Под нашим руководством он вообще будет делать то, что ему прикажут и подскажут. Его прежнюю самку мы удалили. Она не будет мешать нам и...
- В этот момент из расплавившего зеркала появилась Ло. Она была явно взволнована.
- Клэр, у меня новости...
- Клэр и Джастин замерли и уставились на Ло.
- Что произошло, дорогая?
- Вы с Джестином поужинали не той самкой!
- Но... ты сама указала нам эту Тропу и этот выход!
- Да, с зеркалом мы не ошиблись, все правильно, но нужная нам самка в это время отсутствовала. Вы поужинали ее подругой.
- Ну, хорошо, ты ведь можешь исправить эту оплошность, Ло.
- Да, могу, но... у меня появилась идея! Если она не понравится тебе, Клэр, то удалить эту самку по имени Рита не составит никакого труда.

13

Подобно Елене, Олег тоже лихорадочно собирался на работу. Лихорадочно потому, что проспал. Вчера они договорились с Умидом, что в девять он уже будет в офисе; время без двадцати девять, а он все еще дома – мечется из комнаты в комнату, на ходу одевается, матерится и глотает кофе. Все вместе получается не-плохо.

Джастин с нарастающим раздражением наблюдал сквозь зеркальную «завесу» за этим несуразным идиотом. Ему сейчас требовалось только одно: чтобы этот скачущий придурок остановился, вспомнил про кольцо и надел его. Вот оно кольцо, лежит на трюмо, но Олег, подскочивший к зеркалу, только лихорадочно причесался и выбежал из спальни. У Джастина появилось страстное желание немедленно поймать этого скачущего кенгуру и силой одеть ему на палец кольцо. Но нет, этого делать нельзя... Придется подождать... Не сегодня – завтра, но кольцо этот идиот все-таки наденет!

- Кимочка!
- Да!
- Я не смогу сегодня сидеть на парах... не смогу... нет ни сил, ни настроения, ни желания... ничего нет... одна пустота...
- А ты думаешь, я смогу что ли? Жизнь в одночасье превратилась в какой-то кошмар! Знаешь, надо позвонить куратору... Сабине Ахматовне позвонить надо... объяснить все... сказать, что пока не в силах ходить на занятия. Пусть она там преподов предупредит и деканат, чтобы не вязались потом...
- Да, надо... Господи! Сейчас Сабину в шоковое состояние введем! Как мы это все ей расскажем-то?! Как о таком рассказывать-то, Катя?
- Да уж... Даже и не знаю, как ей сказать-то обо всем об этом... Были у меня в жизни поганые минуты, но чтобы вот так... Поверить не могу! Просто до сих пор не могу поверить в то, что весь этот дикий ужас – не сон, не бред, а правда... жуткая, омерзительная правда!..
- Ладно, вставай, Ритка, пойдем, хоть кофе попьем что ли? Пойду, умоюсь и чайник включу... вставай! От того, что лежишь, легче не будет...
- Катя вышла из спальни и, шлепая «беззатыми» тапочками, отправилась в ванную. Ритка прикрыла глаза: ни вставать, ни пить кофе, ни говорить о чем-то не хотелось. Если бы можно было вернуть вчерашний день! Она бы не ругалась с Олегом, тихо и смиренно встала бы, оделась, попила с ним его чудесный кофе и

помотала бы в университет. И все. И тогда все было бы прекрасно: и в зеркало бы она ничьей рожки не увидела, и Ксюха была бы жива и здорова, и с Олегом бы не побазарила... Не было бы никакого этого ужаса! А теперь что? Как ей жить-то теперь со всем этим? А если действительно беременна? Милый делает тебе ручкой, а ты с животиком! И разговоры... и в универе, и среди соседней... Боже мой, что начнется! Всю в дерьме изваляют... в одночасье шлюхой станешь! А бабуле-то как сказать?! Господи, вот ужас-то?! В «ее время» и в «ее годы» это вообще позор был – не замужем и с брюхом! Да она точно инфаркт получит!

Вот так, дорогая моя, – обратилась Ритка к самой себе в иронически-назидательном тоне, – вот так жизнь переворачивается-то... в одну секунду! Хлоп – и все! Еще дня два-три назад ты уже прикидывала, какое подвенечное платье тебе к лицу? Вот теперь и прикидывай... А этот... – Ритка с ненавистью подумала об Олеге, – как он меня элегантно, мимоходом выкинул из своей жизни! Ведь выкинул же! Что там сказки-то самой себе рассказывать! Когда мужик любит – он любит! А этот... не позвонил даже...

Ритка потянулась к сотке, которая лежала рядом, на прикроватной тумбочке, и заглянула в «звонки». О! Оказывается, звонил! Она резко села на кровати. Звонил, вчера... Во сколько звонил-то? Так, в 10.20. Я не слышала, вырубилась... и от усталости, и от таблетки... Но звонил только один раз! Видимо так, для очистки совести. Если бы сильно нужна была – из-под земли достал бы! Приехал бы! Дверь выломал бы! Тем более, что я на звонок-то не ответила... В старые времена, если не отвечала, он полгорода переворачивал, всех подруг-друзей на уши ставил! А теперь... не сильно, видно, нужна теперь... не ответила и, слава богу! Забот меньше! А может уже и другая на примете есть, и не знает красавец Олег, как вам, дорогая Риточка, об этом сказать... А может...

– Ритка! Ну, ты где провалилась! Кофе стынет!

– Иду, Катя, иду!

Накинув халат, Ритка нехотя умылась и выползла на кухню. На столе в красивых чашках – белых в красный горошек – дымился горячий кофе.

– Бутерброд или яйцо будешь?

– Не, не, не, – замотала головой Ритка. – Аж тошнит при мыслях о еде. Мучно мне, Катя.

Она отпила три глотка кофе, посидела, нахмутив лоб, как бы прислушиваясь к себе, и вдруг, вскочив со стула, кинулась в туалет.

Катя хотела ринуться следом, но остановилась и села на место. Ритка, по всей видимости, действительно беременна... А Олег ни вчера не позвонил ей, ни утром... Да, как хорошо быть мужиком! Погулял мальчик, повеселился и – в сторону, и – весь чистенький, порядочный... ни забот, ни хлопот! И греха на душу брать не надо: аборт не ему делать! Не ему тело свое кромсать и слезами захлебываться...

Вернулась Ритка, бледная, осунувшаяся, молчаливая, с мокрой челкой, падающей на лоб.

– Знаешь что, Рита, ты лежи иди, хорошо? Не ходи сегодня никуда, носа не высовывай. Я съезжу в универ, найду Сабину и все ей расскажу... потому что об этом... об этом нельзя по телефону... У нас как раз ее пара первой по расписанию. Потом заеду домой, возьму кое-что из шмоток, предупрежу своих, а то они ведь тоже в шоке от всего случившегося, и вернусь к тебе. Там посмотрим – здесь останемся или я тебя к себе заберу. Ладно?

– Катя, ты говорила, у тебя врач хороший есть, ну... сама понимаешь, какой врач... – Ритка тяжело вздохнула. – Мне надо...

– Рит, ты об этом сейчас не думай, ладно! Все будет хорошо, и врач хороший посмотрит... Давай, иди, ложись, а то на тебе лица нет. Я тебе помогу. – Катя поднялась и направилась к Рите. – Периодически буду звонить, поняла? Слушай, – она вдруг остановилась и с тревогой взглянула Ритке в глаза, – слушай, а может мне тебя лучше к бабушке твоей отвезти, а? Ты не боишься здесь одна?

– Нет, нет, Катюнь, все нормально! Бабуле я сейчас позвоню, скажу, что у меня все хорошо, что заеду завтра, продукты привезу... нет, нет, к бабушке не надо, она по моей физиономии сразу же поймет, что что-то не то. А ей нервничать нельзя... сердце... нет, здесь буду. И... не боюсь я никого! Правда, правда! Нафиг никого не

боюсь! Что будет – то и будет! Мне кажется, если бы я сейчас увидела ту стерву из зеркала, я бы ей глотку перегрызла! Порвала бы ее за Ксюху! Езжай... я тебя ждать буду...

Катя внимательно посмотрела на Ритку. Господи! Она снова говорит о зеркале! Да что же это такое! Неужели у нее действительно что-то с головой! Ее одну и оставлять-то боязно... как бы тоже чего не вытворила! Надо Олегу позвонить: бросил он там ее или не бросил, в такую минуту уж не оставит одну, это уж законченным негодяем надо быть, чтобы...

– Рита, можно я твой запасной ключ от квартиры возьму? А то вдруг ты уснешь...

– Бери, конечно! О чем разговор! И не смотри на меня так, я не чокнутая. Со мной все будет в порядке. Не бойся, с балкона не сигану.

– Рит!

– Да, ладно! Я же вижу, что у тебя страх в глазах... и не веришь ты мне... Ну, правильно... я уже и сама себе не верю. Ладно, закрыли эту тему. Езжай, я лягу, мне и вправду что-то не по себе: голова кружится, и тошнота в горле комком стоит.

Катя оделась, поцеловала Ритку в лоб и хлопнула входной дверью. Ритка, свернувшись в «комочек», лежала в гостиной, на диване. Голова ее то была пустой и начинала в полном смысле слова чуть ли не звенеть от этой пустоты, то вдруг наполнялась таким потоком бурлящих мыслей – причем, самых разных, и умных, и идиотских, – что, казалось, вот-вот лопнет, и тогда Ритка до боли сжимала виски руками.

– Этот идиот не надел кольцо! Люди совершенно непредсказуемы в своих поступках, чрезмерно эмоциональны, импульсивны... – Джастин помолчал, вспоминая, как Олег метался по комнате, и ровным спокойным голосом добавил – а зачистую просто тупы, хотя вот уже сколько веков упорно именуют себя «единственными разумными существами» во всей...

– Ну, не так уж они и тупы, – перебила его Клэр, – с ними надо быть очень осторожными. Непредсказуемы – это да...

Она вздохнула, взяла Джастина под руку и, ласково взглянув на него, успокоила, – ничего, никуда он не денется, колечко наденет. Жаль, конечно, что он не сделал этого утром, нам время дорого, ну ничего... Ты постарайся проконтролировать его сегодня, хорошо?

Беседуя, Клэр и Джастин потихоньку шли по улице города, отражаясь в огромных стеклянных и зеркальных витринах. Люди невольно обращали внимание на эту на редкость красивую пару. Многие думали: «Ну, надо же! Бывает же на свете такая удивительная красота! Причем, оба так красивы – хоть в кино снимай, хоть картину пиши...».

Красивая пара любовалась красками осени, смело расписавшей деревья желто-зелено-багряными мазками, и равнодушно поглядывала на спешащих мимо них разумных животных.

Вдруг старушка в белоснежном платочке с замысловатым узором по краям, в теплой длинной кофте, из-под которой выглядывала черная и тоже, видимо, теплая юбка, с сумкой, заполненной какими-то свертками и кулечками, вцепилась в руку Клэр и с придыханием, просительно заговорила:

– Дочка, погодь маленько, чегой-то я, кажись, заблудилась, старая, вышла с автобуса, да не пойму... чой-то, кажись, не туда вышла... Мне к ЦУМу надо, к ЦУМУ... – повторила она громко и по слогам, как будто разговаривала с глухой, – внучка у меня аккурат за ЦУМом живет, а я куда это вышла-то, не скажешь? Голова кругом, перевернулось все чой-то, не пойму я, где вышла то? Куда идтить-то теперь, не скажешь?

Клэр и Джастин замерли, разглядывая убогое страшное существо, вцепившееся в руку Избранной. Глаза Клэр расширились, а зрачок стал сужаться, превращаясь в черную вертикальную прорезь... Хватило бы одной секунды, чтобы от этой гадкой старухи остались одни кровавые лохмотья... Клэр задержала дыхание, освободила свою руку и, поверкая язык, ответила с иностранным акцентом:

– Не понимайт... не понимайт тебя, иди...

– Господи, запричитала старуха, развелось этих иностранцев, внешне люди как люди, а ничо «не понимайт»... у кого спросить-то, господи! – и она быстро засеменила ногами, догоняя проходящего мимо пожилого мужчину в красивой тубетейке на голове – видимо ручной работы. Тот остановился и, выслушав старуху, стал что-то ей объяснять, живо жестикулируя руками и показывая в сторону автобусной остановки. Та тут же радостно заулыбалась и энергично закивала головой.

– Как ты, Клэр?

– На моем рукаве остался ее мерзкий запах!.. Ты слышал, она назвала меня «дочкой»! Животное! Старая, дряхлая плоть... Я смогла бы ей пообедать, только будучи очень-очень голодной! – Клэр раздраженно тряхнула рукой, за которую держалась старуха. – Нет, эти животные должны знать свое место и свое предназначение на этой земле и в этом измерении...

– Да, их расплодилось слишком много... и слишком много стариков – уже негодная пища.

– Мы должны возродить мир древней Атлантиды, в котором все основывалось на логике и четких правилах, всему и всем было определено свое место, и люди, эти животные, не считали себя богоподобными. – Клэр помолчала, шагая рядом с Джастином и опираясь на его сильную руку. – Но чтобы возродилась великая Атлантида, должны возродиться мы, а мы угасаем, исчезаем... Это надо остановить! Задуманное нами – шанс, может быть, последний. Мы используем и тот вариант, который предложила Ло, используем не одну, а двух самок – Елену и Риту. Ключ к обеим – Олег. Постарайся, Джастин...

– Меня не надо просить об этом, Клэр...

– Я знаю... Каждый алант сделает все ради продолжения рода! – Клэр помолчала и вдруг, неожиданно сменив тему разговора, спросила:

– Тебя что-то мучает, Джастин?

Алант не был готов к этому вопросу, прозвучавшему внезапно и резко. Он остановился, посмотрел в красивые фиалковые глаза своей спутницы и, выдержав небольшую паузу, спросил:

– Почему ты так решила, Клэр? Ты не первый раз задаешь мне это вопрос?

– Я чувствую. Ты напряжен и ты... ты часто блокируешь свои мысли, верно? С тобой что-то не так? Доверься мне. Ты стал немного другим, вернувшись из Зазеркалья.

Измерений много, по некоторым из них мы можем ходить, но осторожно! Очень осторожно! Везде есть свои опасности и ловушки, и ты это знаешь не хуже меня, потому что уже ходил, у тебя уже есть этот опыт в отличие, скажем, от Ло... Она еще молода, ей еще многому надо научиться. И ты прекрасно знаешь, что Зазеркалье, пожалуй, одно из самых опасных измерений, самых коварных!

Мир, в котором мы пребываем сейчас, отражен и искажен там, в Зазеркалье. – Клэр помолчала и задумчиво продолжила: А... а может быть, наоборот: этот мир – искаженное отражение того? Может быть, и так... На этот вопрос нам с тобой не получить ответа, но хочу заметить, что одна из человеческих религий на земле – буддизм – серьезно занимается вопросом «отражений». Как видишь, люди вцепились и в это. Они что-то чувствуют, нащупывают, стараются осознать и уже понимают, что они далеко не единственные во вселенной. Как только они докажут свои предположения, как только научатся открывать Тропы и проникать в другие измерения, так... так кто знает, что будет, что они тогда натворят!

Люди опасны, Джастин, опасны тем, что их суть – разрушение. Они ненавидят друг друга, поэтому, созидая, уничтожают. Причем, уничтожают больше, чем созидают. И это понятно: как может животное до конца отдавать себе отчет в своих поступках?! До истинно разумных существ им еще далеко! Их мозг развивается, но медленно. В то же время, людей нельзя недооценивать, их необходимо взять под жесткий контроль, иначе они уничтожат и то измерение, в котором сами живут, а оно принадлежит не только им! В первую очередь оно принадлежит нам! Это наш мир, Джастин!

– Ты так говоришь, Клэр, как будто стараешься меня в чем-то убедить! Ты знаешь, души алантов открыты друг для друга, и твоя тревога – это и моя тревога тоже! Почему ты говоришь мне об этом?

– Я перестала чувствовать твою открытую душу, Джастин! Тебя что-то тяготит, но ты не хочешь разделить со мной свою тревогу и боль...

– Ты права... я не могу забыть Тану...

– Эта потеря тяжела для всех алантов!

– Да, милая... но, разыскивая Тану в Зазеркалье, я впервые понял, что такое Страх, и я не хочу, чтобы это поняли другие аланты... Это не тот опыт, которым надо делиться... Алант не должен знать чувство Страх, иначе он уподобится животным... Поэтому я блокирую некоторые воспоминания...

– Посвященные могут избавить тебя от этих воспоминаний, мой милый, и если ты захочешь...

– Пока не надо... для меня они – опыт, опыт хождения по Зазеркалью. Он может пригодиться! Ну что, расстанемся здесь, Клэр. Я займусь Олегом.

– Хорошо, милый, до встречи, но... не играй с Зазеркальем ни в какие игры... не играй!.. это опасно! А ты частенько там пропадаешь... – Клэр внимательно посмотрела на Джастина и добавила, – ты нашел там Тану?

– Не знаю, возможно, я не уверен, поэтому пока не будем об этом, хорошо? И... не переживай, я отдаю себе отчет в том, что такое Зазеркалье.

– Жизнь каждого аланта бесценна, Джастин, не забывай об этом. А Страх... Страх надо убрать из сердца! Подумай об этом!

– Именно об этом я и думаю...

Клэр отошла в сторону и через несколько шагов просто исчезла, «нырнув» в другое измерение. Торопливо снующие вокруг люди не обратили на столь изысканный «фокус» никакого внимания, просто ничего не заметили. У каждого столько дел в этом безумном мире!

Джастин медленно шел по городу, залитому лучами холодного осеннего солнца. Мысли его были тяжелы и тревожны:

– Игра! Какая уж там игра! Страх... Если бы Клэр только знала, КАКОЙ ЭТО СТРАХ! Мерцающая Богиня, у которой так же много имен, как много отражений в ее зеркальном царстве, отпустила его с одним условием, что он поможет ей, именно ей, проложить Тропу в это измерение, чтобы она сама могла появляться здесь, в гуще людей, в океане энергии и... пить эту энергию большими жадными глотками, втягивать ее в себя, купаться в ней... Жадная, ненасытная Тварь! Ей добывают энергию Шоши, она потоком получает ее, «проглатывая» каждое отражение, и все ей мало, мало, мало... Если она переместится из своего измерения в это, то... то это конец! Она уничтожит все живое в этом мире и протянет свои щупальца дальше, к другим измерениям. А человечество, погибая, будет говорить о новых вирусах, эпидемиях, смертельных заболеваниях, не понимая, что попросту теряет свою энергию – эликсир жизни. Можно было бы наплевать на это человечество, но люди – это пища алантов! Богиня уничтожит все и таким образом обречет Избранных на голод, значит – на смерть!

Джастин глубоко вздохнул и посмотрел на небо, по которому плыли крутые белые облака. Горизонт снова затягивало серой тяжелой дымкой. – Вся эта живая красота станет мертвой, безвкусной, игрушечной. Небо будет подобно линялой тряпке, а деревья, травы, цветы примут вид искусственных поделок. Красивый мертвый мир Зеркальной Богини, заполненный бесконечно меняющимися отражениями людей и животных. Мир обмана и многоликих миражей. – От омерзения Джастин передернул плечами и ускорил шаг. – А возможно, получив совершенно невероятную силу, она и алантами пообедает точно так же, как людьми... Сейчас, в этом измерении, Богиня над нами не властна, в своем – опасна! Еще как опасна! Она могла уничтожить Тану, как уже делала это с другими алантами, попавшими в ее ловушку. Но она сохранила ее, превратив в застывшую куклу, значит, знала, что рано или поздно в ее руки попадет еще один алант, и тогда она назначит выкуп... Вот я и попался, разыскивая Тану... Весь ужас в том, что Тана жива, живая кукла (и столько лет голодна! какие муки!). Богиня может вернуть ей ее прежнее состояние, может вернуть ее в это измерение... Может, все может, но с условием... ужасным условием...

Жизнь аланта бесценна – это знает каждый алант. Но как выполнить условия Богини?! Как?! Если не выполнить, то придется самому вернуться к ней и вместе с

Таной стать то ли ее игрушкой-куклой (эта мысль наводила ужас!), то ли ее пищей... Уникальная энергия алантов для Богини – редкий деликатес. Она отпустила его под особую клятву. Он вынужден был дать ей эту клятву, вынужден! – и она тут же получила над ним власть. Как она втянула его в зеркало в комнате Елены! – Джастин на секунду прикрыл глаза и даже застонал он пережитого им тогда страха и унижения.

Что делать? Никогда и ни от кого он не зависел! Никогда даже не представлял себе, что это такое – быть зависимым, быть рабом! Аланты – боги в этом измерении, они всеильны и свободны, как ветер... и вдруг – попасть в такую западню!

Может быть, действительно, все рассказать Клэр! Но... Джастин знает ее ответ: она ни за что не будет рисковать миром алантов и самими алантами ради одной-двух, пусть даже самых драгоценных жизней. Тана обречена, и он, Джастин, тоже. И все-таки... все-таки надо постараться найти выход...

Умид удовлетворенно оглядел стол. Они с Олегом сидели в дорогом частном кафе и, не торопясь, ели сочный, тающий во рту шашлык. На красиво сервированном столе стояли тарелочки с тонко нашинкованным луком, мелкими ярко-красными сладкими помидорами с зелеными «хвостиками» и различные острые, соленые и кислые приправы. В небольшом пузатом темно-синем чайнике с золотыми разводами напревал, доходил до кондиции ароматный зеленый чай. Первая половина дня у друзей сложилась удачно: состоялась сделка с очень выгодным клиентом. Все в этой жизни было бы и вообще прекрасно, если бы не Уткур Рашидович, давний партнер и друг Виктора; теперь партнер Олега по бизнесу, но не друг, далеко не друг... Точнее, враг. Уткур терпеть не мог и Олега и Умида, они тоже не испытывали к нему нежных чувств. Собственно и плевать на всякие чувства: в гости на плов к этому Уткуру они не напрашивались, а работа есть работа, в ней не чувства, а мозги требуются. Делай дело и все! Каждый живет сам по себе! Так нет, уже который раз этот занудный индюк не только поднимал вопрос о разделе бизнеса, но еще что-то там бормотал по поводу непонятной и странной смерти Виктора. Неясно ему, видите ли, многое, подозрения, видите ли, терзают его чувствительную душу! Вот сегодня снова завелся по поводу раздела, а об удачной сделке даже и не заикнулся...

– Слушай, этот жирный боров невыносимо действует мне на нервы. – Умид коротко и жестко взглянул на Олега. – Что, будешь делить с ним бизнес? Так он при разделе так тебя обует! на гороховый супчик не хватит, не то что на шашлычок... У него ведь завязок – море! Все схвачено... и здесь и в России... везде у него свои люди! Еще и подставит где-нибудь, сука...

– Может... это он может... Мечтает об этом, спит и во сне видит, но... – Олег медленно дожевывал кусок, проглотил, запил крепким чаем и только тогда договорил, – но кишка тонка. В дело меня ввел Виктор, и он это знает. Я – своего рода завещание Виктора, и против этого он не поперет. Это первое. Потом, половина акций у Елены, а я – ее представитель. Это второе. Ну и третье, мы с тобой уже и сами обкатались в этом деле, у нас уже тоже есть свои связи и завязки... Он сегодня и бесился от того, что мы с тобой сами – понимаешь, сами! – без его жирной рожи провернули дело, и хорошо провернули! Именно это ему не в кайф!

– Не в кайф – это точно, а то, что не поперет – это вряд ли. При Викторе он на нас и внимания то особого не обращал: кто мы с тобой для него были? так, никто, сязки на побегушках. Теперь приходится обращаться, и это его бесит. Виктора то он сильно уважал и ценил! Они ведь действительно были друзья? Верно?

Олег в ответ молча кивнул головой.

– Да... редкая ситуация в бизнесе. – Губы Умида тронула ироничная усмешка. – Мы с тобой, видимо, до Виктора ни по каким параметрам не дотягиваем... по мнению борова, я имею в виду.

– Да все мы дотягиваем!... – раздраженно произнес Олег, досадливо махнув рукой, – бизнес не страдает, значит дотягиваем! Здесь другое – мы ему не в цвет, – сделал он ударение на слове «мы», – морды наши его раздражают, понимаешь?

– И как только твой Виктор мог дружить с ним! Это от его жирной рожи ворочит нахрен!

– Вот мог, и еще как мог... Уткур для него был просто образцом всего: и светлая голова, и порядочный, и принципиальный, и такой и сякой... гений, твою мать, герой дня, пример для подражания!

– С каким удовольствием я бы этому «гению» башку отвинтил на х...!

– Да уж, не искушай... Если бы не он, мы бы с тобой гораздо веселее жили!

Умид одобрительно посмотрел на Олега и, тщательно прожевав и проглотив кусок мяса, сказал: разные вы с братом, во всем разные – и внешне и внутренне. Тебя я всегда понимал, а Виктора – нет. Не обижайся, но иногда меня его «высокие принципы» раздражали. Они с Уткуром давным-давно могли бы совсем другими бабками ворочать, если бы чистоплюев из себя не разыгрывали...

– На что обижаться-то? Ты – правильный, реально мыслящий мужик, без романтических закидонов, которые, увы, действительно были свойственны моему братцу. Это он, видимо, в свою мать пошел... Она, говорят, была такой... – Олег скривил губы, – комсомолкой, спортсменкой, красавицей... Матери у нас с ним разные... ты ведь это знаешь?

– Да, знаю. Слушай, а что это Уткур все смерть Виктора пережевывает? Чуть ли не откровенно делает намеки на то, что брату твоему помогли на тот свет убираться. И по всем его намекам получается, что это именно ты помог братцу. За такие вещи, знаешь, морду бьют!

– Интересно! – взгляд Олега стал острым и злым, – Инте-ре-сно... – снова повторил он нараспев, – и с кем же это Уткур такие опасные беседы беседует, а?

– Понятное дело, не со мной, но «беседует», однозначно «беседует», раз мне передали. Однозначно, понял? Дыма без огня, как ты сам понимаешь, не бывает. – Умид остро глянул на Олега. – Нам, то есть тебе и мне, напрямую говорить боится, но вокруг воду мутит. Использует все, что работает против тебя. Кто-то плюнет и не поверит, а кто-то и призадумается... А в бизнесе это знаешь...

– О чем призадумаются-то, Умид?! У этого борова три месяца назад отец умер, он после него крутые денежки в карман положил, так значит и его можно обвинить в перетасовочке семейной колоды, верно? (Умид на эти слова Олега покачал головой и пожал плечами). Бред все это! – раздраженно продолжал Олег, – разговоры для бабусек, никто из деловых людей и слушать эту херню не станет!

– Может быть, и не станут, но... знаешь, люди разные, и понимают все всё по-разному, да и подать сплетню тоже можно по-разному, можно это сделать весьма убедительно, а эта мразь, как я понял, говорит так, как будто у него что-то на тебя есть... В общем, я тебе все это сказал к тому, что прижать его надо, это однозначно, и рот заткнуть...

– Да, это «однозначно», как говорит мой друг Умид. Разберусь. – Голос Олега прозвучал угрожающе и жестко: так топором с одного маху разрубают узел (Умид удовлетворенно кивнул). И уже совсем другим голосом – сытого и вальяжного барина – Олег окликнул официанта и попросил счет. Рассчитавшись и оставив щедрые чаевые, друзья вышли из кафе под голубовато-серое осеннее небо.

– Слушай, – Умид глянул на руки Олега, – где твоя шикарная печатка, потерял что ли?

– Да нет, второй день дома забываю... Не дай бог ее потерять, что ты! Она – мой талисман. Ты ведь тоже со своей не расстаешься. Просто кручусь, как белка в колесе, с утра одни проблемы в башке, вот и забыл надеть...

– Ну-ну, белочка ты наша крупногабаритная, – весело хихикнул Умид.

– Да пошел ты, – Олег легонько стукнул своего друга по плечу и тоже улыбнулся.

– Черт его знает, что за погода стоит: с утра до обеда – солнце, жарко, чуть ли не лето, а после обеда... а после такого замечательного обеда я бы хорошенечко отдохнул, – Умид аппетитно и со вкусом зевнул.

– Кстати, об «отдохнул»: я сказал Елене, что ты уговариваешь меня ехать в горы денька на два.

– Да? А я уговариваю?

– Умоляешь!

– «Инте-ре-сно», как говорит мой друг Олег. Ну, лады, горы так горы, и куда мы двинем в этих горах?

- Я думал, ты предложишь.
- Могу и предложить. Давай к Арслану. Помнишь, в июле у него день рождения Марата справляли? Всем эта справлялка очень понравилась, насколько я помню.
- Да... справлялка была что надо, я тоже помню. Ну, что ж, давай, двинем к Арслану... Домик у него клевый, с бассейном... – Олег мечтательно вздохнул, – и кормит он отлично. Звони, договаривайся, в эту пятницу туда и дернем.
- Поедем в одной машине?
- Да, нет... Елена хочет взять с собой свою подругу Сабину...
- И как эта Сабина? Ничего?
- Сабина больше чем «ничего»! Но ты, родной, будешь с женой, а она со своими детьми. Все ясно? Кстати, Сабину ты должен знать: ее муж, Гафур, был другом Виктора. Он в органах работает, следовательно...
- Ну и ну! И это у тебя теперь называется отдых, да? – Умид иронично посмотрел на друга, – и дети, и органы... Да, я вспомнил о какой Сабине ты говоришь... Жаль, что она замужем, да еще за «органами»!
- Умид, – голос Олега прозвучал сухо и серьезно, – поверь мне, друг Умид, это для меня очень, очень и очень важно! Понимаешь, очень!
- Ну, раз «очень-очень», да еще и «важно», то о чем разговор! Едем в горы, друг Олег. Кстати, дети, надеюсь, не грудного возраста?
- Нет, не грудного, но скучно тебе с ними не будет!
- Спасибо, утешил, мне уже весело.
- Кстати, ты понял, что берешь с собой свою жену?
- Ну, я вроде еще не глухой. В общем, у нас скромная, порядочная семейная поездка, – произнес Умид елевым голосом послушного пай-мальчика. – Верно, шеф?
- Умид, она именно такой и должна быть. Понимаешь, именно такой!
- Чего уж тут не понять! – горький вздох. – Но ты запомни – жертвую тебе свои выходные. Жертвую! Будешь моим должником, – белозубо улыбнулся Умид, и его жесткое лицо мгновенно преобразилось, став лукавым и обаятельным.
- Заметано, – улыбнулся в ответ Олег и, похлопав друга по плечу, отправился к своей машине. Умид пошагал к своей.
- Впереди ждали дела.

Продолжение следует.

ПОЭЗИЯ

Нельзя стихи писать случайно

Владимир БАГРАМОВ

Владимир Игоревич Баграмов – Член союза Писателей и заслуженный артист Республики Узбекистан; прозаик, поэт и драматург; много лет работал ведущим артистом Академического русского драматического театра, был художественным руководителем и главным режиссером Государственного Ташкентского театра музыкальной комедии. Он автор поэтических сборников «Босиком по облаку», «Флейта в камышах».

* * *

Нельзя стихи писать случайно,
по вольной «прихоти души»,
стихи – тревога, нежность, тайна,
и боль, рожденная в тиши.
Любое мнение не ново,
пустую фразой не грехи
и не суди поэта словом,
а просто лучше напиши.

Сбегай от глупого покоя,
не надо с вечностью играть:
есть счастье – маяться строкою,
есть радость – фразу собирать.
Пусть сам Пегас твой дом отыщет,
в какой бы ни был он глуши,
и если кто напишет чище -
благослови от всей души!

* * *

Не поминаю Бога всеу,
жалею неказистый стих
и никогда не голосую -
нет смысла в «цифирьках» сухих.
Огульным мнением не калечу,
в «друзья» стремиться не хочу,
на слово теплое – отвечу,
на злое – точно не смолчу.

Я не вцепляюсь в спорах в глотки -
обычный, грешный человек -
и выпил столько в жизни водки,
не переплыть иным вовек.
Люблю, когда шуршит бумага,
чураюсь новомодных слов,
и, азиатский бедолага,
люблю кишмиш, редиску, плов.

Пусть нелюдим давно, упрямо,
уверен – этот миф не ложь,
что «если рыл кому-то яму,
сам в яму точно упадешь».
В молитве – вижу суть спасенья,
в стихах – возможности спасать,
хожу в Собор по воскресеньям.
А больше нечего сказать.

* * *

Как трудно в наших временах –
мир обнищал добром и светом,
и зло, привстав на стременах,
грозится гибельным стилетом.
Куда летим во весь опор
по краю пропасти бездонной?
И лезет из прокисших пор
вонючий смрад гордыни сонной.
Глаза прохожего сухи,
он не подаст божу седому,
а сокровенные стихи
мы поверяем домовому,
поскольку за твою строку
тихушным мнением придавят,
и всадят пику на скаку,
и наклевецут, и ославят.
Лишь при неистойовой свече
нежней и ярче ночи тени,
пусть отдыхает на плече
незримый Ангел сновидений.
Вдали от пошлой суеты,
где правят бал всевластья звуки –
растут прекрасные цветы
любви, печали и разлуки.

ЗЕРКАЛО

Смотритесь в зеркало почаще -
там проявилась наша суть:
лесов загубленные чащи,
и рек отравленная муть.
Смелее всматривайтесь в лица:
в кривой улыбке, в сетке век
земли намеренный убийца -
«царек природы», человек.
Моря в бензиновом разливе,
больная плесень ручейка,
по золотой и чистой ниве
плывет мазутная река.
Она была когда-то раем,
земля – пристанище людей;
киты, дельфины вымирают,
лысеют стаи лебедей,
и по земле гуляет вольно
седого смога полумрак...
Не потому ли миру больно,
что приютил под сердцем рак?
И он его теперь сжирает,
и не дает расправить грудь;
надежда трепетная тает,
пора бы в зеркало взглянуть
и помолиться наудачу.
Услышит Бог – и в этом суть!
Прости Земля, я тихо плачу,
что я дитя твоё – забудь.

* * *

Мы друг друга к весне не ревнуем,
нам завещана неба безбрежность,
осторожным сниму поцелуем
с губ твоих земляничную нежность.
Память боли вовек не излечит,
наши годы снежинками тают,
и стихов недописанных свечи
догорают в ночи, догорают.

* * *

Я буду приходить по ваши души
и сниться вам, подонки и воры,
мне ненависть к убийцам горло сушит,
на небе, верю, точат топоры.
Стяжатели, лихие казнокрады,
насилъники, маньяки всех мастей,
я верю – Некто скрипнет дверью Ада,
впуская внутрь без пропуска «гостей».
Забвенье есть – оно придет без звука.
Есть Высший Суд, что терпеливо ждет.
И будет вечно длиться ваша мука,
огонь возмездья души обожжет.

И слепнет день, я вижу корчи мира,
горит строка, и зла не победить.
Кому нужна моя больная лира
и сколько можно чашу гнева пить?
Куда бежать от тупости и лести,
где край корысти, косности и лжи?
Печален мир без совести и чести,
где выход к свету, Боже, подскажи.

ДАР

Значит это тоже дар – разглядеть прекрасное.
Вот смотрю я на рассвет, ковшиком рука,
а по небу синему ходят кони красные,
клонят шеи стройные, щиплют облака.

Вишня за околицей белым цветом выцвела,
надышавшись допьяна пряной лебеды.
Только мне все чудится – мама в платье ситцевом
из калитки в ковшике вынесет воды.

Речка синеглазая моет ноги тополю.
Все такое нежное – сердце не унять.
Только мне все чудится – побегу я по полю
зорькой лебединую детство догонять.

* * *

Как бесконечна и прекрасна жизни лента,
как часто рвем ее на беды сгоряча.
На чистых улочках полночного Ташкента
поют фонтаны до рассветного луча.

Когда-то время было – чистые, тугие
Лицо прохладили ветра с семи морей.
Мы были в юности совсем-совсем другие,
наивней, проще и немножечко добрей.

Друзья уходят, к ним вовек не достучаться.
Скатилась юность, как вечерняя звезда.
Быть может, завтра мне в дорогу собираться
к конечной станции, где плачут поезда.

Мы находим и теряем.
И куда спешим – не знаем.
Нам авоську наших бед не донести.
Я разлуки не приемлю,
Тормозни, кондуктор, Землю,
Я сойду как раз у Млечного Пути.

ТАШКЕНТ

Фонтанов вязь над городом моим,
и белый цвет жасмина на бульварах –
Востока сказка, ты неповторим,
как гимн любви, как наигрыш дутара.

Цветастый мир улыбчивых людей,
тебя не зря во всех веках воспели!
Сквозь свет и ширь умытых площадей
весна ступает под свирель капли.

Я тихих улиц музыку ловлю,
я так боюсь в них оказаться лишним,
мой светлый город, я тебя люблю,
да будешь ты всегда храним Всевышним!

* * *

Тандыр, как приоткрытый рот,
где жар
 неистовый живет,
и словно норовистый конь
на волю
 просится огонь,
тихонько дразнит запах хлеба,
чернее глаз
 ночного неба,
где в черных дырах вечных гнезд
ночуют птицы
 синих звезд.

* * *

Таланты «про запас» в столы не прячьте –
поскольку, можно просто не успеть,
лелейте их, любите, с ними плачьте,
возможность дайте истину допеть.

Талант звенит, как бубен скомороха,
пусть пьян изрядно, и порой небрит,
не нам судить, что хорошо, что плохо,
но пусть талант ликует и творит.

* * *

Ночь шуршит листьями в подоле,
звезд разброс на блюдечке вселенной...
Сколько есть поэтов на земле –
все писали о любви нетленной:
кто-то тихо, шепотом души,
кто-то в голос, кличем горлопана.
Я в твою ладонь пророс тюльпаном -
лепестки под ноги покроши.
По привычке губы прикусив,
ты ступай по ним к лучам рассвета,

нет прекрасней в участи поэта,
чем любви ликующий мотив.
Пусть она дарована судьбой,
боль строки, задумчивой и нежной -
и в мечте, и в страсти безнадёжной -
женщина, воспетая тобой.
Глаз её неистовую синь
трудно передать в стихах, и все же,
ты на ночь-волшебницу похожа,
и меня вовеки не покинь.

* * *

Прости, что временами груб,
все это наших буден звенья,
за нежный штрих любимых губ
я жизнь отдам без сожаленья,
за твой прелестный разговор,
глаз голубую безразмерность -
пойду без стога на костер,
чтоб подтвердить любовь и верность.
Все, что врачи пророчат – ложь,
болтают, главного не зная,
я жив лишь тем, что ты живешь
не для себя, меня спасая.

Немного страшно при луне,
но этот страх, как дымка тает,
я взгляд твой чувствую во сне,
и он меня оберегает.
Смешно противиться судьбе,
одно лишь мне на свете ясно,
что все стихи мои – тебе,
живу на свете не напрасно.

ПРОЗА

ОТАУЛИ
(Рахимджан Атаев)

ОТ АВТОРА

Я почти сорок лет изучаю жизнь и деятельность великого мыслителя средневекового Востока Абу Насра Фараби. Его прозвали «вторым учителем» после Аристотеля – «Аристотелем Востока». Достоверные факты подтверждают, что этот ученый-энциклопедист знал множество языков – говорят, что девяносто!. Фактически нет ни одной отрасли науки, которой бы он ни занимался. Но в первую очередь, он – философ. Затем – языковед, музыковед, а уж потом – все остальное! Ему принадлежат, например, ряд трактатов о музыке, он является создателем самого распространенного музыкального инструмента среди тюркских народов – сурная, а еще он – автор знаменитой классической мелодии «Чули Ирак».

В середине 80-х годов прошлого столетия я написал свою первую повесть «Мелодии сурная», где главным героем был молодой композитор и музыковед Азад Зиятович Халиков, консультант по национальным инструментам Союза композиторов Узбекистана. Еще тогда я постарался всесторонне изучить научное наследие Абу Насра Фараби. Простудировал все, что было написано о нем на узбекском, русском и казахском языках. Прочитал исторический роман казахского писателя Ануара Алимджанова о нем – «Возвращение учителя». Откровенно говоря, я остался недоволен этим романом, ибо я, как яростный поклонник ученого-энциклопедиста, представлял себе его по-другому, нежели автор данного исторического произведения. В романе проявились явные отпечатки идеологии безбожного советского строя. Уже тогда я задумал написать что-нибудь об этой уникальной личности. Слава богу, моя мечта почти тридцатилетней давности осуществилась в 1998 году, благодаря независимости Республики Узбекистан, которая сделала возможным изучение подобных героев, его религиозного мировоззрения. Вот теперь, после десятилетнего испытания временем, я сам решил перевести это произведение на русский язык, приблизив его по сути своей к истинному смыслу.

Хотя научное наследие Фараби в большом объеме дошло до нас, к огромному сожалению, мы крайне мало знакомы с биографией ученого. Не было, и до сих пор

нет подробного его жизнеописания. Известны только следующие факты: родился в 870 году в древнем городе Фараб вблизи Отрар, учился в медресе городов Шаш, Бухара и Багдад, объездил почти все арабские страны, перевел философские трактаты с древнего санскрита и с древнегреческого языков на арабский язык. Долгие годы жил в арабском городе Алеппо и там же умер в 950 году, прожив ровно 80 лет. Этим, пожалуй, и ограничиваются наши знания о нем. Еще нам известно, что до сих пор сохранена его могила и, как свидетельствуют очевидцы – члены специальной экспедиции международного фонда Бабура во главе с Закирджаном Машрабовым, – в настоящее время она находится в стадии исчезновения. Исторические труды не подтверждают факт приезда великого философа в свои родные края в возрасте пророка Магомеда, тем более, его встречи с основателем династии караханидов Буграханом, но и не отрицают таковых! Максимально используя право писателя на фантазию, я постарался показать один день, вернее, ночь из жизни великого ученого меж двух ворот древнего города Ташкента: Самарканд – дарбаза и Чигатай – дарбаза!

Махалля «Самарканд – дарбаза», где родился и вырос великий узбекский писатель, основатель узбекской исторической романистики Абдулла Кадыри, до сих пор точно сохранила название одной из девяти ворот древней крепости Ташкента. А «Чигатай – дарбаза» – местность, где сегодня расположено главное кладбище города под названием «Чигатай кабристони» и «Студенческий городок», еще до потомков Чингисхана, в частности, до Чигатая, в X-XI веках называлась «Отрар – дарбаза» («Ворота Отрара»). Город Ташкент, столица независимой Республики Узбекистан, во времена Абу Насра Фараби находился, как и сейчас, в «золотой середине» между самых древних городов Турана – Самаркандом и Отраром.

НОЧЬ НА РОДИНЕ

Лето 311 года хиджры – 933 по новому календарю – ничем не походило на лето. Караван, вышедший из Багдада, сразу же после праздника Навруз, не добравшись до Алеппо, оказался под снегом и попал даже в метель, а в последние дни весны Исфаган его встретил градом. Непрерывно шедший дождь в течение трёх летних дней пребывания в Бухаре, угнетал путников и истощал их нервы. Наконец, в последний день лета, когда перед закатом солнца караван зашел в старинную крепость Шаш через Самарканд – дарбаза, опять начался дождь, который вызвал в душе путников досаду. Когда караван добрался до Чарсу, дождь усилился и превратился в ливень. Караван повернул налево, держа путь в сторону ворот Отрара, от него отделились три человека, ежась под ливнем: впередишел старик лет шестидесяти, высокий рост которого начал заметно горбиться, посередине – мужчина лет около сорока, а позади – двадцатилетний парень.

Мужчина, идущий в середине, посмотрел вперед и спросил старика:

– Что это значит, учитель мой? Наш визит, может, не нравится этой крепости?

Или она хочет встретить нас слезами?

Старик, шедший впереди, буркнул:

– Не будь неблагодарным, Саид Али! Дождь – это божий дар!

Парень ускорил шаг, пошел с ним в ногу:

– Так-то так! Но мы не рыбы! На что нам столько воды?

Старик искоса посмотрел на него:

– Будь терпелив! Вот в этом переулке когда-то жил мой друг, с которым мы учились сорок один год тому назад в медресе благородной Бухары! Если позволит Аллах, в этом доме мы забудем все наши мучения, что были у нас в пути!

Ворота, в которые старик уверенно постучал, как только они подошли, открыл мужчина лет тридцати, державший в одной руке фонарь, а в другой зонтик. При слабом свете фонаря на жилистом лице старика, омытом водой, была видна явная растерянность:

– Здесь живет друг Магомед?

Мужчина, державший в руке фонарь, одобрительно кивнул головой:

– Это так, господин! Он мой отец! Пожалуйста, прошу вас!

В просторной комнате гостям навстречу вышел старик лет шестидесяти с длинной бородой, на голове которого блестела аккуратнo завязанная серебристая чалма. Когда оба старика оказались лицом к лицу, то какое-то время они молча и внимательно изучали друг друга. Наконец, гость засмеялся:

– Меня не узнаете?

На белом и удивительно гладком лице хозяина, чем-то напоминающем лицо молодого парня, появилось заметное оживление:

– Всё-всё, вот теперь по голосу узнал: Магомед ибн Магомед ибн Тархан ибн Узлуг ал Фараби ат Турки! О Аллах, не верю своим глазам! Не сон ли это?! Каким ветром вас занесло в наши края, мой друг?! Прямо из Багдада? Добро пожаловать! Прошу любезно! – хозяин развёл руки для объятия,

Гость положил руки на грудь:

– Но, как видите, я весь промок...

– Тогда хотя бы пожмём руки друг – другу!

Так он поздоровался и с другими гостями. Сняли мокрую верхнюю одежду, вытерлись полотенцами. Затем их пригласили сесть за хантахтой.

– Вы спокойно отдыхайте, – сказал хозяин и вышел из комнаты. Прошло не так уж много времени, как в гостинной закурили слуги, на хантахте появились разнообразные блюда, отошла усталость, однако задушевный разговор никак не вязался, тело ощущало уют и тепло, сытость и удобство, а душа не чувствовала никакого наслаждения. Наконец, когда сын хозяина заглянул из вежливости узнать, как отдыхают гости, Фараби спросил его:

– Что-то вашего отца не видно?

Молодой хозяин скромно взглянул на него и, поклонившись, ответил:

– Пригласить его?

– Если это вас не затруднит...

Через некоторое время Магомед Дост зашёл и сел напротив старика, сгорбленно сидевшего за хантахтой.

– Ну, как там Бухара? – спросил он.

– Спокойно.

– Еще на месте медресе, где мы учились?

– На месте.

Хозяин дома замолк на время и оценивающе посмотрел гостю в глаза.

– Друг, вы наверняка устали с дороги, отдыхайте. А я... – он запнулся, – откровенно говоря, завтра хоким города устраивает праздник в честь своего возраста пророка и, одновременно, делает обрезание внуку. В связи с этим сегодня вечером всех именитых людей города пригласили на совещательный плов. Может, вместе пойдем, а? Приехали вы издалека и видели многое?

Старик немного выпрямился:

– Я ведь, бедный ученый, да ещё приезжий, а самое главное – неприглашенный. Как-то неудобно.

Хозяин дома облегченно вздохнул и встал:

– Вот дом, вот вам прислуга! Отдыхайте, сколько душе угодно.

Когда остались одни, старик сказал своим спутникам:

– После того, как он уйдёт, мы тоже встанем...

Саид Али с удивлением посмотрел на своего учителя:

– Во дворе ливень, темнота. Оставляя светлый дом друга сорокалетней давности, куда ещё мы пойдем, мой учитель? Я более или менее понимаю наши приключения в Исфагане, Балхе, Герате, Термезе и Насафе, даже то, что пережили в

благородной Бухаре, однако... ни поступки хозяина этого дома, и ни эти ваши слова... никак не понятны мне, учитель.

Фараби горько усмехнулся:

– Во всяком случае, мир, созданный Аллахом, намного просторнее, нежели этот роскошный дом! Встанем!

Когда ученик и сын, повинувшись воле старика, стали покидать гостиную, сын заметил бумажку на дастархане, в которой его отец написал пару строк: «Ведь долгожданная встреча была ценнее всего на свете, эй друг!»

Когда вышли на улицу и под ливнем продолжили свой путь, старик посмотрел на небо, чем-то схожее с его грустной душой: «Прости грешного раба своего, о, Всемогущий, за то, что он становится день ото дня капризным! Как мне объяснить этому ученику-арабу и своему единственному сыну то, что происходит в душе! Как им объяснить, что Магомед Дост теперь уже не Магомед Дост, даже не раб твой, а раб своих материальных потребностей, отдавший душу свою этому мимолетному миру?! Разве он может быть настоящим другом пророка Магомеда и Твоим настоящим Другом?» «В этом мире порогов много, значит, и друзей тоже! Только следует искать и находить! – дальше подумал про себя Фараби, – в этом деле потерей не миновать! Черт с ним, что потеряно! Однако и находки не миновать! В просторном Туркестане разве он не найдет хотя бы одного преданного друга?!»

Глубокое раздумье Абу Насра Магомеда прервалось:

– Теперь целую ночь будет путешествие под дождем, отец?

«О-о, нетерпеливый! Надеюсь не останемся на улице нашей отчизны!»

Посмотрев на сына, ученика, ему стало жалко их. Он постучал в первые попавшиеся ворота. Скоро изнутри послышался довольно шустрый отклик:

– Кто это там ломает открытую дверь?

– Гости по дарованию Аллаха!

Появился мужчина лет пятидесяти с обнаженной грудью и без головного убора, на ногах которого были самодельные галоши:

– Здравствуйте! Добро пожаловать! Божьи посланники обычно свободно заходят в открытую дверь, дороги мои! Милости просим...

Вскоре все четверо расположились посередине уютной комнаты, прочли молитву. Затем хозяин дома начал разговор:

– Смотрите-ка! Когда Бог хочет дать, дает так легко и сколько душе угодно! Только поставил вкусную шурпу на дастархан и попросил Бога, чтобы он послал хотя бы одного собеседника, с кем можно было от души поговорить! А он, Всемогущий, послал сразу троих гостей! Вот это счастье!

Хозяин дома оказался прекрасным собеседником и человеком с открытой душой:

– Теперь, дорогие мои, позвольте, мне представиться: меня зовут Хасан Кайфи! Я мудеррис.

Саид Али многозначительно улыбнулся:

– Если так любите душевную беседу, да ещё являетесь мудеррисом, почему сидите один дома и не пошли на совещательный плов хокима? Или вы не относитесь к элите города?

Хозяин весело рассмеялся:

– Э-э! Вы, оказывается, близки мне по духу! Знаете, мой язык – ужасный язык!

Иногда даже я сам не выношу его, а как может терпеть хоким города?!

Фараби посмотрел на хозяина:

– По каким дисциплинам преподаете в медресе, брат мой?

– По логике.

– Каких авторов?

– По трактатам Ар Рази, Ал Кинди, Ал Фараби...

– Не ведаете греческой, индийской и китайской наукой?

– К сожалению, уважаемый... Я всего-навсего малограмотный преподаватель медресе, не Ал Фараби, чтобы свободно читать да писать на девяноста языках мира...

У Фараби пропало желание продолжать беседу. Понятно, теперь вновь повторятся в том или ином виде те же разговоры, зачастую возникавшие в течение шести месяцев. Он: «А вы лично знакомы с ним?», а ты: «Вот он сидит напротив вас!», он: «Неужели? Не может быть! Простите за то, что не узнал...»

Словом, прощения, похвалы, удивления. Быть всемирной знаменитостью и одновременно последователем пророка Магомеда... О, как это трудно!

Он обратился к Хасану Кайфи:

– Старики предпочитают лучше облегчить усталость ног, чем облегчить душу. Что вы скажете на это? – прозрачно намекнул он.

Хозяин широко улыбнулся и положил руку на грудь:

– Ради бога! Как сам не догадался!

Фараби прилег на мягкую постель, убранную в традиционном тюркском стиле, и почувствовал себя мальчишкой. Появилась благоприятная возможность вспомнить всё увиденное и услышанное в пути, обдумать то, что душе угодно, будто лежишь беззаботно в своем родном доме!

Он лежал, оживляя яркие, горькие, многослойные, никогда незабываемые воспоминания: вот он, четырнадцатилетний мальчик, оставляет свою первую любовь Айгуль в родном Фарабе и отправляется на учебу в Бухару. Вот, три друга в одной тесной худжре бухарской медресе в поиске знаний. Вот, пламенный поэт Мухаммед Яр посреди толпы, окружившей его, читает им свои стихотворения. Вот, все мудеррисы и слушатели медресе обвиняют Мухаммед Яра в безбожии и инакомыслии, вот он сам при поддержке третьего из трех – Мухаммеда Доста выступает с речью против них. Вот, два друга, оставляя благородную Бухару, вернее, убегая от преследования и ложных обвинений, возвращаются в Шаш. Вот, Мухаммед Дост в своем доме буквально опрокинул на него свою хвалебную оду: «Ради истины, не боясь никого, высказывайся!» Вот, он, провожая его в Багдад, напутствует: «Никому не позволяйте обгонять себя!»

А сегодня стало ясно, что на самом деле представляет собой Магомед Дост! Так что, оставим его в покое и, лучше всего, будем думать о Личностях! Ведь судьба человечества, народа, даже каждой отдельной личности первым долгом зависит от природы и поступков этих Личностей!

Перед глазами Фараби прошли светлые лица его благородных учителей: Имама Бухари, Имама Термизи, Магомеда Хорезми, Ахмеда Фергани, Ахмеда Марвази, Аббаса Джавхари, ар Рази, ал Кинди...

Абу Наср Магомед очнулся от раздумий, услышав стук:

– Заходите! – окликнул он.

Из приоткрытой двери показалось лицо Кайфи.

– Заходите, не стесняйтесь, ведь это ваш дом...

На лице Хасана Кайфи была растерянность:

– Простите меня, невежду, учитель... Просто был вынужден побеспокоить вас: во дворе ваш друг Магомед Дост и заместитель хокима города в нетерпении ожидают вас...

– Что такое?! – чуть ли с места выскакивал Фараби.

– Хоким города приглашает вас к себе...

Фараби почувствовал, что задыхается. Он холодно спросил:

– Откуда господин Магомед Дост узнал, что мы находимся в вашем доме?

– Сам удивляюсь.

– Тогда скажите им, что у меня нет дела к хокиму города, а если нужда хокима возникла ко мне, то... – посмотрев на выражение его испуганного лица и вникнув в суть происходящего, Фараби стало смешно: да, «умный руководитель просвещенного города», до чего довел людей...

Когда вдвоем вошли в гостиную, все собравшиеся сразу встали, а Магомед Дост подбежав к нему, упал к ногам:

– Прошу извинить грешника за оплошность! Не оказал должного уважения! Я... преступник, я... бестактный!

Эти слова, видимо, не искренние, а всего лишь высказанные по поручению хокима, не смягчили, а больше охладили душу. Он поднял его:

– Перестаньте, мой дорогой друг, не смущайте меня! Может, нам лучше подождать до рассвета?

– Господин хоким ожидает встречи с вами с нетерпением. Так что как раз наоборот – будет неудобно заставлять долго ждать его...

Когда подъехали ко дворцу хокима, он лично вышел навстречу, помог Фараби спуститься с крытой арбы на красную дорожку и по пути сразу начал изливать свою душу:

– В настоящее время я очень нуждаюсь в разумных советах такого великого ученого, как вы! Откровенно говоря, боюсь, как бы свадьба, которую собираюсь провести завтра, не превратилась в поминки. По сведениям, в данный момент, каган караханидов Буграхан со своей армией стоит у ворот Отрара, готовый для нападения на город! Говорят, что он, как только завоюет город, собирается наступать на Бухару, Газну, а оттуда прямо в Багдад! Сразу же после того, как я получил эту ужасную весть, ваш друг Магомед Дост сообщил о вашем приезде. И мне показалось, что добровольное прибытие такого ученого – это своеобразное спасение и Божий дар! Я подумал, что положительно разрешить сложившийся конфликт никому не под силу, кроме вас.

После того, как они зашли в просторную гостиную, хоким всем своим приближенным приказал:

– Все свободны! Чтобы никто не мешал нашему разговору с учителем!

Когда остались одни, Фараби спросил:

– Что именно вас беспокоит? Какие планы на этот счёт? Было бы хорошо, если... только по существу.

– Если по существу... эта каменная крепость и ее окраина, как вы сами хорошо знаете, всегда была своеобразным центром древнего Туркестана. Вы, разумеется, достаточно осведомлены об исторических событиях на этой земле, следовательно, не стоит напоминать вам, что столица могущего государства Канка тысяча лет тому назад и Тюркского каганата пять веков тому назад располагалась именно на территории нашего музафата и это не просто так! Однако, всегда находились предатели среди своих, проходимцы. Мы – коренные жители крепости, наши намерения были всегда самыми доброжелательными и без всякого коварства. Если весь тюркский народ, объединившись вокруг этого центра, хочет создать крупное централизованное государство, не хуже, чем Государство Канка или Тюркский каганат, – пожалуйста, ради бога, мы готовы возглавить такое государство.

Душа Абу Насра Магомеда тут же охладела: “О, глупец! – подумал он про себя, – небось, ты считаешь свою крепость центром не только всего тюркского народа, но и всего мира? Боже! Каким образом и на каком языке можно внушить свои мысли этому человеку, который даже в возрасте пророка никак не хочет ступить на путь истины! Как объяснить этому глупцу, который так заблудился в своих соображениях!

Неожиданно открылась дверь, показался слуга:

– Прошу прощения, господин бек! Посланник, только что вернувшийся от ворот Отрара, с нетерпением ждет вашего приказания.

– Что такое?! – выпрямился хоким.

– Говорит, что принёс специальное послание Буграхана, мой господин!

– Пусть войдёт!

Хоким поспешно раскрыл послание, молча прочёл и со страхом посмотрел на Фараби:

– Послушайте, что он пишет: “Я – каган могущего караханидского государства Буграхан приказываю господину хокиму: пусть будет отправлен ко мне Абу Наср Магомед ибн Магомед ибн Тархан ибн Узлуг ал Фараби ат Турки, иначе ваша крепость будет превращена в прах!” Что скажите на это? – спросил он побледнев.

Фараби слегка усмехнулся:

– Что же, благодарите Аллаха всемогущего! Ведь бог облегчил ваши проблемы! Разве плохо, если платой за вашу древнюю крепость будет такой пришелец, как я? Вам следует только радоваться.

Хоким не понял иронию или притворялся:

– Конечно, ваша воля для меня закон, однако я очень сожалею, что не успел даже угостить вас! Вы были бы самым почетным гостем на завтрашней моей свадьбе, вдруг так некстати нашелся другой претендент на вашу персону! Значит, все оставим... на следующий раз, – закончил он смущенно, покраснев.

Кто же только что сказал: «Я являюсь основой, ядром всего тюркского народа.... Не он ли?!» подумалось Фараби с горестью.

* * *

Верблюд прошел между многочисленных юрт, установленных на поляне у ворот Отрара и опустился перед белым царственным шатром. Когда Фараби зашел внутрь, то увидел могущественного мужа сидящего на высоком троне.

– Я – Буграхан! – начал он сразу, – а ты, если на самом деле тот самый ученый, то искренне скажи: имеем ли мы право рано или поздно отомстить Кутайбе и другим завоевателям, под зеленым знаменем религии ислама уничтожающих столько невинных людей? Скажи прямо, чтобы я был объективен и справедлив!

– Каган мой... вы... правы, – обдумывая, ответил Фараби, – только у вашего беспомощного раба есть опасение: проблему, возникшую вследствие злобы и невежества, следует решать с усердием и рвением, но осмотрительно. В случае, когда ум бессилён, его рука хватается за рукоять меча. Однако меч никогда не может быть оружием справедливости, даже если он нацелен на установление справедливости! Ибо, конечная цель справедливости является не смерть, а человеческая жизнь на этом свете! «Кровь за кровь, жизнь за жизнь!» – это ошибочная догма. Любое зло, в конце концов, терпит поражение перед добром.

– Я ничего не имею против. Но кто дал этим завоевателям право разорять землю, оставленную нам Зороастром, Буддой, Афрасиабом, Шираком, Тамиризом и другими великими нашими предками, доводить народ до отчаяния? Сам скажи, кто им дал такое право? Сейчас, слава богу, власть халифата укоротилась. Однако теперь не представители – доверенные лица халифата, а именно вредители, вышедшие изнутри, подобные тебе и твоим учителям, неблагодарные хлебу и соли своего народа, тоскуют до сих пор по тем временам, когда были доносчиками и исполнителями халифата и поэтому жили в роскоши! Сколько волка не корми, все равно в лес смотрит! Наверняка ты тоже один из тех волков, тоскующих по былым временам халифата!

Больно было Фараби. Не оттого, что распался халифат, а оттого, что учителя его совершенно несправедливо обвиняются, а ему приходится слышать такие неуместные упреки:

– Каган мой! Ставить моих учителей в один ряд с марионетками завоевателей, предателей, вредителей... крайне неверное и несправедливое отношение к ним! Только невежественные и завистливые люди – извините за прямоту – начинают обвинять этих великих умов! Видимо, недальновидные люди хотят сбить вас с пути истины. Иначе вы бы не подняли меч против давно сломанного меча Кутайбы и ему подобных завоевателей. Удержались бы от такого поступка, как наступление на ослабленную столицу распавшегося халифата! – сказав так, Абу Наср Магомед сожалеет о том, что погорячился, дал волю языку, и поспешил смягчить то, что уже сказано, – не поддаваться таким уговорам – признак острого ума!

Фараби замолк, однако Буграхан приказал:

– Говори, не молчи! Говори все, что кипит в душе, и ничего не бойся!

Это дало Фараби как бы второе дыхание:

– Каган мой! Если мои слова пришлись по душе такому правителю, как вы, значит, моя сорокалетняя жизнь, проведенная в Аравии, не прошла даром! Следует идти в благородный Багдад, в священную Мекку и просветленную Медину не как враг, а как друг!

Он долго говорил, а Буграхан слышал его то с усмешкой, то заметным гневом, то задумавшись. Наконец, он выпрямился и облокотился на трон:

– По правде говоря, после твоих слов я передумал завоёвывать Шаш, саманийское и газневийское государства, а дальше наступать на Багдад. Ведь и в

моей душе нет более благородного желания, чем побыстрее поднять статус этого народа во всём мире и увидеть его совершенным и счастливым!

– Каган мой! – восхищённо воскликнул Фараби, – речь идёт о благе народа, ибо, этот народ особенно сейчас во всех отношениях чувствует необходимость в том, чтобы ему улыбнулось счастье, была благополучной жизнь. Он вполне этого достоин! Если вы хотите осчастливить народ, слушайте!

Первая моя просьба – если сумеете справиться, то никогда не пренебрегайте и не оставляйте в нужде людей!

– По-твоему, что для этого я должен делать?

– Ни в коем случае не позволяйте никому угнетать честных и благородных людей, особенно тех, кого бог одарил своим светом! Если вы не сможете протянуть руку помощи тем, кто в ней остро нуждается, то хотя бы остерегайтесь оскорбления их! Не оставляйте бедняков на насилие и произвол богатых! Не забывайте, что величие государства в первую очередь определяется отсутствием в нем нищих. И ещё не забывайте, что не народ стоит на службе у государства, а как раз наоборот, государство должно стоять на службе народа! Должен предупредить: это весьма сложное дело, мой каган! Это в тысячу раз сложнее, чем отличить простую медь от чистого золота! Вы сами потребовали, чтобы я высказал всё, что волнует мою душу. Откровенно изложу и свою единственную просьбу, умаление, мольбу: только не наломайте дров...

Если сломалось перо, его можно снова отточить, и тугие узлы языка можно развязать, однако, если самое бесценное чудо, которым одарил Аллах человека – разум человеческий потупляется, нужно вновь заострить этот ум... это очень и очень трудно! Народ, который не способен, как следует, логически рассуждать – это не народ, даже не население, а всего лишь толпа, мой каган! Не только у людей, даже у птиц имеется своя логика и вполне возможно, что у них логическая сила еще могущественнее, чем у человека.

Если бы вы знали, до чего безграничны мечты этого раба божьего! Самая большая моя мечта, надежда, желание – уверенность в том, что когда-нибудь на этой земле возникнет такое общество, в котором не только не противопоставляется человек человеку, нация нации, народ народу, но ни один народ не подвергнется никакой дискриминации. В этом обществе, в этом народе, вовсе исчезнут такие понятия, как обида или оскорбление. Расцветут самые благородные человеческие чувства, а не насилие, лицемерие, обман, ненависть и тому подобные недуги под влиянием сатаны! Представьте Совершенное Человечество, состоящее из Совершенных Народов и Совершенных Людей! А наш народ создаст такое Совершенное Общество, где самоотверженные и преданные люди будут жить и трудиться на благо народа. Оно не будет состоять из тех, у кого окаменевшие души, требующие кровной мести, и кто радуется, когда наносит другим обиду; из отцеубийц и эгоистов, у которых каждый вдох и выдох словно гласит: «Мне! Я сам! Только я, и никто другой!» Это общество и эта земля не будут очагом войн, конфликтов! Пусть об этом земном рае счастливые наши потомки будут вспоминать с чувством удовольствия, любви и гордости! Амин, Аллах велик!

Буграхан встал, подошёл к нему и пожал ему руки:

– Эти добрые пожелания и мечты, эти искренние чистосердечные слова мне очень по душе! Этой благородной цели, если Аллах пожелает и даст силу, достигнем вместе совместными усилиями! Если мы не добьемся, то добьются наши будущие поколения! Сейчас душа у меня такая ясная и чистая, как небо! Верно, говорят, что хороший человек приносит благополучие, а плохой – беду навлечёт. С какой целью приехал в отчий край? Доволен ли плодами пути?

– Бог свидетель, мне кажется, свершилась моя конечная цель. Если вы настаиваете, мое последнее пожелание заключается в следующем: пусть завтра организуется праздник прямо у этих ворот Отрара. Пусть на этот праздник приглашаются все жители города Шаш во главе с хокимом. Надеемся, что благодаря этому празднику восторжествуют не взаимные упреки и обвинения, а милость и миро-

сердие. Ведь Аллах, милостивый и милосердный, наш покровитель! Всё! Больше никаких пожеланий! Только последнее намерение мое – в течение месяца вместе с сыном и учеником побывать в отчем крае и потом... вернуться в Багдад.

– Вернуться в Багдад?! Не понял?

– Каган мой! Основная цель сорокалетних научных поисков в Аравии заключалась в том, чтобы не оставлять там всё, что нашёл, а в один прекрасный день привезти это в Отчизну. Надеюсь, сокровища науки, которые смог накопить ваш покорный слуга, пригодятся нашим потомкам!

Лицо собеседника просияло:

– Ну, теперь не будем сидеть в этом тесном шатре, а выйдем на просторы и подышим свежим воздухом наших бескрайних степей! Что скажешь на это?

– С удовольствием, мой каган!

Когда они вышли и медленно пошли рядом, Фараби посмотрел на небо и невольно воскликнул:

– Небо такое чистое, как промытое стекло! Наш завтрашний день будет светлым, мой каган!

Буграхан внёс маленькую «поправку»:

– Нет, не завтрашний, а сегодняшний, дорогой друг! Мы с тобой так долго говорили, что забыли, скоро утро!

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

ИКБОЛ МИРЗО,
народный поэт Узбекистана

ТИХО ЛИЛСЯ ЛИСТОПАД

С тихим шелестом осени поздней опускался в саду листопад.
И в душе равнодушно-холодной начинался осенний разлад.

Я смотрю: всё кругом изменилось, что сияло как звезды вчера,
То сегодня от взгляда застыло, как холодной порой мошкара.

Я покинул родные пределы – не ступить мне на отчий порог.
Оказалось, что, шаг только сделав, обрубить этот корень я смог.

Всё кругом и чудно и неясно: я бреду сквозь осенний туман.
За родными бегу я напрасно – ускользнут, как мираж, как обман.

И тогда понял я, пораженный: целый мир объявил мне войну.
Только дух мой, как меч обнаженный, тихим звоном пронзил тишину.

Но борьба бесполезна, нелепа, если с миром подобный разлад.
Я похож на того человека, кто жалеет, что выпит уж яд.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Улица, шумом и светом измучена,
изнемогая, легла во весь рост,
и мишура отшумевшего праздника
радужным вихрем несется вразнос

Лишь иногда тишину нарушает
стуком колес запоздавший трамвай...
Праздник прошел. Время медленно тает.
День уходящий – прости и прощай!

Может, и ты, из окна наблюдая,
тихо простишься с сегодняшним днем.
Сердце всё помнит и сердце страдает...
Только вчера были вместе... Вдвоём.

* * *

Как выбрал дорожку себе ты кривую,
Так средства поправил, удачу обрел.
«Деньги что мусор» – знаешь мудрость такую?
Нужде и богатству – в судьбе равный счет.

* * *

Нас влекла неотвратимо сила Рока.
Млечный путь нам сладость источал.
Пусть забыл красы твои до срока,
Но любви я ввек не забывал.

Вы...

Пусть не покинет счастье Ваших окон!
Пусть Ваши боли будут мне даны!
Я Вас, лелея, не устал нисколько,
Как гнать меня не утомились Вы?

Холодный взгляд и Ваше безразличие,
Укол насмешки – Вами в дар даны –
Небрежное касанье по привычке.
Как гнать меня не утомились Вы!

Улыбка, взгляд, тепло руки при встрече –
Другому эти радости даны.
Стою один. Я Вами не замечен.
Как гнать меня не утомились Вы!

Я не ребенок, много в жизни видел.
В лицо смеялся многим, но, увы –
В Вас, как дитя, влюбился, раз увидел!
Как гнать меня не утомились Вы!

Подарок хана может быть не принят.
Вы – дар Создателя, не изменить судьбы!
Что ж, развлекайтесь. Замолчу отныне,
Чтоб гнать меня не утомились Вы...

ЖЕЛАНИЕ

Заветное желание в душе своей таю.
Венок весенний, радостный для милой я совью
Я ветром нежным, сладостным над ней хочу летать
«За что меня не любишь ты?», чтоб тихо прошептать.

Но ястребами кружится беда над головой
Грусть, боль, тоска, страдания – теперь всегда со мной.
Спроси меня: виновен кто в несчастиях моих?
Отвечу: ты, красавица, с небес послала их.

Стеснило грудь дыхание: как ветром стать смогу?
Мне быть хотя бы дождиком, чтоб рано по утру
Мог, каждой каплей падая, стучать в твоё окно -
Тогда – «За что не любишь ты?» – спросил бы все равно.

Напрасен труд аптекаря – смертелен мой недуг.
И с ветром не отправить мне письма тебе, мой друг.
Хоть болен безнадежно я, тоскуя по тебе,
Вопрос – «За что не любишь ты?» – оставлю при себе.

*Перевод Ибрагима Чориева и
Юлии Морозовой.*

ПРОЗА

Ариадна ВАСИЛЬЕВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭМИГРАЦИЮ

*Роман
(продолжение)*

6
Улица Лурмель, 77

Трехэтажный особняк на улице Лурмель русская монахиня в миру мать Мария сняла в аренду лет за пять до войны. Под пансион для престарелых эмигрантов. Но это был не только пансион.

Особняк был заброшен, запущен, требовал капитального ремонта, но на ремонт у матери Марии так и не набралось средств. Сам по себе особняк не имел особого значения. Живут люди и живут. Главной достопримечательностью на Лурмель была православная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, устроенная из бывшей конюшни. Кирпичное, основательное строение находилось во дворе особняка, и к нему вел отдельный ход. Церковь Покрова как бы главенствовала над всеми остальными в пятнадцатом аррондисмане, где всегда селилось много русских. В дни православных праздников на Лурмель собиралось столько прихожан, что просторный двор не всегда мог вместить всех желающих отстоять службу, послушать приходящий, очень хороший хор Потаржинского.

Потаржинских, обладателей глубочайшего баса, было два брата. Один – оперный певец, оставшийся в России, другой – наш, эмигрантский. Эмиграция уверяла, будто «наш» Потаржинский лучше. Это очень походило на легенду про «брата Шаляпина», рассказанную донским казаком из ресторана в Шамони.

Церковь Покрова любили. В ней крестили младенцев, венчались, служили панихиды, в ней исповедовались не старому, но всеми уважаемому священнику отцу Дмитрию Клепинину. Принадлежала церковь зарубежной епархии и подчинялась митрополиту Евлогию.

Сама церковь была просторна, светла, красиво убрана иконами старинного и нового письма. Особенно почитались иконы Пресвятой Богородицы и Христа-спасителя в ризах, расшитых цветным бисером и жемчугами. Стоило лишь послеполуденному солнцу протянуть из окошек под потолком косые

лучи, ризы эти, тяжелые, будто кованые, загорались многоцветными искрами, отдавали неземной свет печальным и кротким лицам. Великолепное шитье для двух икон у аналоя выполнила великая искусница мать Мария.

Слева от входа в узкую, вытянутую в длину церковь размещался стол, где можно было купить свечи, крестильные крестики, иконки, молитвенники, изданные на серой ломкой бумаге. По правой стороне шла глухая, без окон, стена, увешанная иконами. Первым, помню, было изображение святого Серафима Саровского в голубом с крестами одеянии, с поднятой благословляющей рукой.

Со двора можно было пройти к черному ходу в особняк, к флигелю, к хозяйственным пристройкам. Черным ходом пользовались свои, гости приходили с парадного, с улицы. С обычной парижской улицы, стесненной домами, с проезжей частью, вымощенной серым булыжником.

Войдя в дом с парадного, ты оказывался в овальном, просторном холле. Было здесь пусто и гулко, пол был покрыт квадратными плитками, темными и светлыми в шахматном порядке. Местами выбитые, они качались под ногами. Четыре двери, располагались по две справа и слева от широкой лестницы с пологими ступеньками. Лестница вела в жилые комнаты.

Внизу находились столовая и кухня. Окна столовой выходили на улицу, и поэтому в первой половине дня здесь не было солнца. В кухню же, обращенную частью окон на задворки, на еще один крохотный дворик, оно начинало бить с раннего утра. С первыми лучами сюда приходили мать Мария и мрачный, черноватый Анатолий. Матушка стряпала, Анатолий топил печку, гремел ведрами, грел воду, бегал на хозяйственный двор за углем, мыл посуду. В глазах его стыла никогда не проходящая тоска.

Когда-то давно французы упекли его по ошибке в сумасшедший дом. Матушка вмешалась, вызволила, взяла на поруки и поселила в одной из комнат флигеля. Так на Лурмель он и прижился, угрюмый, неразговорчивый, безгранично преданный матери Марии. Кроме молчаливости, никаких других странностей за ним не замечалось.

По другую сторону от лестницы находилась канцелярия. Стоял в ней массивный стол, крытый зеленым сукном, местами потертый, закапанный чернилами, заваленный бумагами и счетами. Ключи от его многочисленных ящичков вечно терялись, и тогда находившиеся в комнате начинали двигать стулья, становиться на колени, заглядывать под тумбочку, под застекленный шкаф, хлопать ладонями по столу, стараясь нащупать их через бумаги.

Хозяином в канцелярии был однорукий Федор Тимофеевич Пьянов, бывший офицер, человек строгий. Он держал протез в черной перчатке в кармане поношенного, но всегда тщательно отутюженного пиджака. Я знала его еще по Монпарнасу. Он помогал устраивать наши детские лагеря.

Через несколько дней после переезда на Лурмель я зашла за чем-то в канцелярию. Он сидел там, узнал, как ни странно.

– А, коза, – сказал, и тронулись в улыбке тонкие губы, – и тебя прибило к нашему ковчегу.

В доме на Лурмель Пьянов не жил, он был приходящим работником, как и еще одна матушкина помощница – Ольга Романовна. Женщина добрейшая, деятельная. В отличие от матушки она стояла на этой грешной земле крепко, обеими ногами. Стоило матери Марии начать носиться с каким-нибудь несбыточным проектом, Ольга Романовна бросала на нее любовно-иронический взгляд. Матушка умолкала, остывала, спрашивала:

– Хорошо, а как по-вашему?

Ольга Романовна добывала для столовой продукты и ведала прочими хозяйственными делами. Была она небольшого роста, всегда спокойная, с удивительно ясными светлыми глазами. Темные с сильной проседью волосы стригла коротко, что придавало ее миловидному, круглому лицу молодость и даже некоторую кокетливость. Часто ее можно было видеть в

канцелярии подле Пьянова. Она диктовала по списку, а он озабоченно щелкал костяшками счетов. Судя по их постоянной занятости, ведение дома и церкви было делом хлопотным.

На первом этаже была еще одна комната, совсем маленькая, и находилась она под лестницей.

В этой комнатке было тесно, уютно, чуточку беспорядочно. Вплотную, одна вещь к другой, стояли кровать, комод, книжный шкаф, стол, этажерка. На комод, на этажерке было множество всяких салфеток с ажурными вышивками ришелье, на кровати – расшитых шелком подушек. С потолка свешивался искусно сделанный абажур ручной работы. На столе постоянно лежали незаконченное рукоделье, картонка с клубками ниток и цветной шерсти, коробочки с бисером, пяльцы, рассыпанные булавки. Стопками и перевернутые корешками вверх, лежали книги.

Из угла, из-за теплящейся лампы, на всю эту легкомысленную неразбериху взирал строгий лик Спасителя с благословляющей рукой. На стене висел портрет молоденькой девушки.

В этой комнате, совершенно не похожей на монашескую келью, жила мать Мария, в миру Елизавета Юрьевна Скобцова.

При слове *монахиня* в воображении может возникнуть облик строгой, погруженной в вечный пост и молитвы женщины. Ничего этого не было. Более жизнелюбивого, ровно и весело настроенного человека, чем мать Мария, мне не доводилось встречать. Она всегда была исполнена светлой радости бытия и казалась на редкость счастливым человеком.

В 1940 году ей было около сорока восьми лет. Была она полная, подвижная, с румяным мягким лицом. Черты его не были правильными. Карие глаза прятались за стеклами очков в круглой оправе, нос толстоват на конце, на щеках – ямочки. Она гладко зачесывала волосы назад с высокого лба и прятала их под черным монашеским покрывалом. Покрывало и ряса, схваченная в широкой талии поясом, составляли ее повседневное одеяние. Лишь в дни церковных праздников мать Мария надевала клубок, положенный ей по церковному чину. Ходила она неслышно, легко, ловко переступая ногами, обувными в мягкие чувяки.

Не могу сказать, портило ее или красило монашеское одеяние. О ней не пристало говорить как о суетной женщине. Она не хлопотала о внешности, никогда не думала о производимом ею впечатлении. Эта сторона жизни уже не имела для нее никакого значения.

У нее была семья – единственный, из трех оставшихся детей, сын Юра, прекрасный мальчик, умница, студент. Здесь же, на Лурмель, жила ее старенькая мама Софья Борисовна Пиленко или, как ее все звали, бабушка. Брак матери Марии – с Даниилом Ермолаевичем Скобцовым был расторгнут при ее пострижении, но ни бывшую жену, ни сына Данила Ермолаевич не оставил в своих заботах, часто навещал, всегда был желанным гостем, оставался со всеми в простых дружеских отношениях.

Две девочки – Гаяна, чей портрет висел в комнате матушки, дочь от первого брака с Кузьминым-Караваевым, и маленькая Настенька Скобцова – умерли. Малышка от менингита, Гаяна при загадочных обстоятельствах в Москве.

Но не утрата двух дочерей привела Елизавету Юрьевну в монашество, хотя эмигрантские слухи на эту тему именно так и толковали ее поступок. Она при жизни Гаяны еще постриглась. Спрашивать же об этом у самой матушки никому бы и в голову не пришло, настолько это была деликатная и сокровенная область. И сама мать Мария принимала людей такими, какие они есть, не любопытствовала праздно об их душевной работе. Но почему-то в трудные минуты жизни бежали именно к ней, у нее находили понимание, ласку и помощь. Помощь активную, действенную и совершенно бескорыстную.

Ее интеллектуальная жизнь была скрыта от мира. Ни знаний своих, ни поэтического дарования она никогда не выпячивала. В ее отношениях с

Богом не было ничего экзальтированного или фанатического. Не помню, чтобы от нее исходили упреки за нерегулярное посещение церкви или невнимательность во время службы. Да и вообще в обыденной жизни дома не принято было говорить на религиозные темы, хотя дом принадлежал церкви.

Находились церковники, считавшие мать Марию ненастоящей монахиней, косились на ее деятельность. Матушка к возне подобного рода относилась спокойно, выполняла свой долг, как считала нужным.

Можно смирить плоть, отказаться от земных утех. Труднее смирить натуру. Мать Мария, как была в прошлой жизни, так и осталась человеком страстным, увлекающимся, порой даже фантазеркой.

Матушкины мечты о создании большого пансиона, человек так на сто, поливали холодной водичкой рассудительности Ольга Романова и Пьянов, задавая один и тот же вопрос:

– Хорошо, но где взять деньги?

Мать смирялась, гасла, пока не возникала новая, такая же невыполнимая идея. Узки были для ее деятельного характера эмигрантские рамки. Дом в Нуази-ле-Гран так и не стал полноценным санаторием для туберкулезных больных, в доме на Лурмель проживало всего шесть-восемь старушек.

Но вот началась война. В 1939 году с благословения и поощрения митрополита Евлогия (а он матушку любил и начинаниям ее покровительствовал) мать Мария создала «Православное Дело помощи семьям русских эмигрантов, мобилизованных во французскую армию». Это было официальное, зарегистрированное в комиссариате квартала Жавель пятнадцатого аррондисмана общество, и немцы, заняв Париж, не разогнали его. С церковью они считали необходимым либеральничать хотя бы для приличия. Увы, только до тех пор, пока церковь не начинала идти наперекор их «новому порядку».

Сколько всего народу входило в матушкину организацию, сказать не могу, не знаю. Самыми деятельными были отец Дмитрий Клепилин, Федор Пьянов, Юра Скобцов, Игорь Кривошеин, Константин Мочульский, Ольга Романовна (я не знала ее фамилии) и, до прихода немцев, И.И. Бунаков-Фондаминский.

В самом начале оккупации Бунаков-Фондаминский был арестован, но не в связи с «Православным делом». Немцы похватили наугад, кого придется, многих видных эмигрантов: Кривошеина, профессора Одинца. Неизвестно зачем и за что В. Красинского и многих других. Вскоре всех освободили, но для больного сердца Бунакова-Фондаминского бессмысленный этот арест оказался роковым. Он умер в тюрьме в Германии от сердечного приступа.

На втором этаже особняка на Лурмель посетитель оказывался в овальном холле с деревянными рассохшимися полами, темными, щелястыми. В том же порядке, что и внизу, здесь располагались комнаты общежития.

В самой большой (она находилась как раз над столовой) жили старушки. Шесть или восемь одиноких душ, и души их еле-еле держались в разрушенных временем телах.

Честно говоря, «одуванчики», как мы их тайком называли, были народцем ворчливым и занудливым. Матушку они постоянно третировали мелочными жалобами, между собой бранились, и до нас доносились отголоски их ссор. В комнате старух стояли кровати, тумбочки, были стенные шкафы, где хранился их скудный гардероб.

По соседству со старухами жила Софья Борисовна, беленькая, аккуратная, ласковая. Все нежно любили ее, и только она одна имела право называть дочь-монахиню светским именем Лиза. Да еще, пожалуй, Данила Ермолаевич.

Следом шла комната Любаши. Той самой Любаши, нашей руководительницы на Монпарнасе. Она по-прежнему работала массажисткой, а за двумя ее девочками смотрела Любашина тетка.

В следующей комнате жили Оцупы, бездетные муж и жена. Георгий Оцуп где-то работал, а жена его много времени отдавала нашей церкви, прибирала там, мыла окна и вообще следила за порядком. И была еще одна комната, где, часто сменяясь, жили какие-то люди, но имена их знать неинтересно.

На третий этаж вела деревянная лестница, не широкая, не парадная, зато музыкальная, со скрипом на все голоса. Комнаты располагались в ряд, никакого холла здесь уже не было. Справа от лестницы – жилище отца Дмитрия, его жены Тамары Федоровны, их дочери Леночки, Ладики, как ее все называли. Слева находилась комната Юры, здесь же останавливался бывавший наездами Данила Ермолаевич. А комната между этими двумя, как выяснилось впоследствии, была предназначена нам с Сережей самой судьбой.

Замыкала третий этаж необъятных размеров ванная. Ванна в ней была. Ржавая, страшная. Было несколько кранов, но надежный только один. По утрам сюда приходили умыться старушки и спорили из-за постоянного нарушения очередности.

Во флигеле во дворе жили Анатолий, некая Татьяна с престарелым отцом. Старик часто болел и показывался во дворе только в теплую солнечную погоду. Жила молодая супружеская пара Алеша и Ольга Бабаджаны. Алеша был служкой в церкви, а Ольга работала на стороне и держалась особняком от остальных.

Вот и все названное и не названное население дома, человек тридцать, если не считать детей. В сороковом году их было трое, в сорок втором – пятеро. Большого числа жильцов дом на Лурмель вместить не мог. Ко всему прочему, был он ветхим и утратил архитектурную ценность задолго до появления в Париже русских эмигрантов.

Но помимо постоянных жильцов на Лурмель толклось куда больше народу, не считая проходящих в церковь. Я уже называла Пьянова и Ольгу Романовну. Была еще такая Софья Вениаминовна Медведева, Софочка, существо экзальтированное, восторженное. Она истово поклонялась матушке и обожала Юру. Мать на Софочкины изъявления чувств смотрела скептически, сбивала иронией. Софочка занималась исключительно делами церкви вместе с Константином Мочульским. Он же был церковным старостой.

По вечерам, когда хлопотливый день завершался и дом погружался в дрему, в канцелярии собиралась группа «Православное дело». К помощи семьям мобилизованных прибавилась еще обязанность устраивать воскресные обеды. Но это уже проводилось в содружестве с католическими благотворительными организациями. Откуда-то, приготовленные вне дома, привозились бидоны с едой, и зайти в столовую пообедать мог любой человек с улицы. На обед полагалось бесплатно одно, но сытное блюдо. Иногда это был густой суп, иногда каша либо макароны с редким вкраплением сбея.

Люди выстраивались в молчаливую очередь, входили партиями в столовую, получали еду, обедали и, поблагодарив устроителей, уступали место другим. Никаких проповедей и благодарственных молитв никто не произносил. Было не до этого. Человеческий поток не иссякал с утра до трех пополудни.

В доме на Лурмель мы с Сережей прожили три с половиной года.

7

*Отдых. – Возвращение Сережи. – Слухи. –
Собираемся в дорогу*

Утром, часов в одиннадцать, Маша повела меня знакомиться с матерью Марией. Мы вошли в канцелярию. Матушка сидела за письменным столом и печатала на машинке. Меня она не узнала и не стала притворяться, будто узнала, когда я напомнила про давнюю экскурсию в Амьен и диспут «Любовь и жалость».

– Столько воды утекло, – развела она руками.

Без лишних разговоров повела на третий этаж, открыла дверь, пригласила войти осмотреться.

– Нравится?

Еще бы! Небольшая светлая комната. В ней, почти пустой, был какой-то изначальный уют.

– Вот и живите, – улыбнулась матушка, отчего на ее щеках образовались мягкие ямочки. – Плата небольшая, вам по силам... Нет, нет, я знаю, вы в данный момент сидите без работы. Ничего, я подожду. Наладятся ваши дела, тогда и внесете деньги. А пока устраивайтесь. Мебель, какая-никакая, есть – вопрос решен.

На крыльях удачи я помчалась к тете Ляле, рассказывать, какая чудесная у меня будет комната, какая замечательная мать Мария и как прекрасно Маша Буслаева все устроила. Петя очень кстати находился на Жан-Жорес и помог перевезти большую часть вещей. В комнате на Лурмель уже стояли кровать-топчан, стол и стенной шкаф.

Скромную обстановку скрашивал старенький, в веселых изразцах, камин. Он не работал. Жерло его было наглухо закрыто листовым железом, изразцы потрескались, но, все равно, присутствие камина делало комнату жилой. Отопление же производилось печкой-саламандрой с трубой, встроеной в дымоход.

Матушка сама принесла ведро угля и научила, как разжигать саламандру. Я была удивлена и тронута ее заботливостью. И вообще в этом доме как-то легко и вольно дышалось, я сразу почувствовала себя раскованно. Обычно в незнакомой обстановке со мной так не бывало. Хотелось двигаться упруго и ловко, щеки разгорелись, пальцы стали гибкими. Матушка сидела на корточках возле печки, наклонясь, дула на робкий огонек и сетовала на скверную растопку.

– А помните, Наташа, какая до войны была удобная растопка? – спрашивала она и поднимала раскрасневшееся лицо. – Чиркнул спичкой, поднес – и готово.

Я помнила эти аккуратно связанные пахучие желтые лучины со смоленными чем-то смолистым концами. Думалось мне, что возле печки можно будет сидеть в тишине и смотреть на золотые огоньки.

В тот первый день я завозилась. Стелила кровать, развешивала в шкафу одежду, Сережину и мою. Шкаф оказался вместительным, на другой его половине я умудрилась поставить табуретку, на нее – таз для умывания и кувшин. Разобрала и поставила на каминную полку так называемые «Наташины коробочки». Сережа всегда смеялся над моим пристрастием к безделушкам, но потом неизменно соглашался, что с ними лучше и комната больше походит на человеческое жилье.

Хотела постелить на стол красивую скатерть, но таковой у меня не было, пришлось удовлетвориться салфеткой, но она закрыла лишь середину.

Не было у меня и молотка с гвоздями. Я поступалась к Клепининым, и меня снабдили всем необходимым. Я бросилась развешивать картинки и фотографии в простеньких рамочках, пристраивать занавеску. Ту, мамину, из театра.

С занавеской у меня ничего не получилось. Я никак не могла дотянуться и вбить отсутствующий в нужном месте гвоздь. Пришла Тамара Федоровна, согнала меня с табуретки, велела принести из ванной стремянку и полезла сама. Она уверяла, что у нее получится лучше, так как она выше ростом.

Тамара Федоровна обращалась со мной как со старой знакомой. Да мы и были знакомы по первому лагерю близ Бордо. Но тогда я была девочкой и мечтала стать артисткой, а она дружила с мамой, жила с ней в одной комнате и была, как мне казалось, совсем взрослой.

Тамара Федоровна взобралась на шаткую стремянку, велела держать ее как можно крепче, стукнула молотком по гвоздю, попала по пальцу,

испуганно глянула горячими черными глазами, засмеялась и стала уверять, что ей ни капельки не больно. Когда она говорила и смеялась, у нее очаровательно приподнималась верхняя губка с темным пушком.

На стук заглянул отец Дмитрий, согнал жену со стремянки, залез сам, и, наконец, гвоздь был вбит, проволока натянута, занавеска повешена.

Если бы я, не зная отца Дмитрия, увидела только его портрет, то непременно приняла бы изображенного на нем человека за молодого ученого из прошлых времен. Высоченный выпуклый лоб, темные усы и борода, зачесанные назад длинные волнистые волосы. Между густыми бровями глубокая складка, очки в тонкой оправе. Правый глаз его немного косил, но не к носу, а к виску, вбок, и это делало его лицо еще более умным и значительным. Он выглядел старше своих тридцати с небольшим лет. Он был прост в общении, доступен и удивительно добр. И еще в нем была какая-то изумительная деликатность. Впервые за много лет мне захотелось прийти на исповедь, что я и сделала, когда мы хорошенько познакомились.

За хлопотами я не заметила, как наступил вечер. Села, отдышалась, решила лечь спать, но в это время заглянула матушка. Пришла не одна. Следом шмыгнула небольшая с рыжими подпалинами собачка, издали похожая на Фокса, а, по сути, самая обыкновенная дворняжка.

– Это Муха, – представила собачонку матушка.

Я нагнулась и погладила Муху. Матушка стала ее хвалить:

– Муха у нас не простая собака. Муха у нас работница. За это ей особый почет.

Оказалось, во флигеле и пристройках, неистребимые, водятся во множестве крысы, и Муха их исправно вылавливает.

– Сегодня та-акую крысицу притащила!

Матушка явно отдавала должное собачьему усердию, и Муха это чувствовала. Фыркала и скромно помахивала хвостом.

– Она их ест? – поинтересовалась я.

– Нет, – усмехнулась матушка, – но, как всякое живое существо, не лишена честолюбия. Показывать приносит.

Муха еще раз обнюхала мои ноги, запоминая, и отправилась по своим делам. Матушка прошлась по комнате, похвалила обстановку.

– На столе не хватает скатерти, – рассеянно потрогала она салфетку, поднесла руку к виску, потерла, словно его ломило. – Я пришла спросить, почему не идете ужинать, Наташа.

Оказывается, в плату за комнату входил еще и ужин.

– Не особенно питательный, – предупредила матушка. – Но хоть какая-то еда.

Это было кстати. Кроме кусочка батона с жидким чаем у тети Ляли у меня за весь день ничего во рту не было. Матушка решительно взяла меня под руку и повела в столовую. Рука у нее была теплая, уютная. Не хотелось, чтобы она ее отнимала. Так мы и отправились вниз рука об руку, и через мимолетное матушкино прикосновение переливался в мою душу покой. Я знала: отнимет она руку, снова заночует сердце, постоянное предчувствие беды стиснет голову. Мы спускались по ступенькам, она – бесшумно, я – постукивая невысокими каблуками. Стало на миг легко и весело.

В столовой уже никого не было, только в дальнем углу кормила одну из девочек нисколько не изменившаяся Любаша. Волосы по-прежнему коротко острижены и не завиты, длинное лицо худощаво, большие руки натружены. Она поднялась, обрадованная, мы стали целоваться, а хорошенькая Катюша, приоткрыв румяный ротик, внимательно смотрела, как мы целуемся.

Любаша усадила меня, матушка принесла ужин. Он и впрямь был не обильным. Чай, немного прижаренных на маргарине макарон и половина булочки.

Мы переговорили с Любашей, кажется, обо всем, кроме маминой смерти. Неведомыми путями она об этом знала, но не стала расспрашивать. Я успела сказать: «А мама умерла, Любушка». Она накрыла рукой мою руку и шепнула:

– Я з-знаю.

И больше ничего. Одни глаза. В них все, без всяких слов. Да они ей никогда не удавались, слова-то.

Матушка из столовой исчезла, мы были одни в большом зале, заставленном самодельными столами. Из трех лампочек горела всего одна над нашими головами, и оттого остальное пространство сузилось, да зияло незакрытое окошко раздаточной.

Катюша справилась с макаронами, стала слезать со скамейки. Любаша поправила задравшееся платьице девочки, пригладила головку, кивнула. Катюша деловито побежала через столовую к себе на второй этаж. Мы поднялись со скамейки, собрали тарелки.

Вошла матушка с небольшим свертком, велела поставить тарелки на окошко. Горячая вода кончилась, а греть заново ради двух тарелок не стоило. Она протянула сверток.

– Вот, Наташа, вам на новоселье.

Я растерялась, стала благодарить. Она перевела разговор на другую тему, а потом пожелала нам спокойной ночи и ушла.

Я оставила Любашу на втором этаже, поднялась к себе и, наконец, впервые за последние месяцы, осталась одна. Любопытство заставило первым делом развернуть сверток. Там оказалась широкая полотняная скатерть, обрезанная по краю фестонами и обшитая узким стежком ришелье. В углах были вышиты гладью виноградные листья, кисти и вьющиеся спиральками усики.

Растроганная до глубины души, я постелила скатерть, и эта комната стала моим домом. Будто жила здесь с рождения, будто никаких особых событий в жизни не происходило, просто сидела возле стола, положив руки на белую материю, сидела совершенно одна, без прошлого, без настоящего, без будущего, в зачарованном царстве, в странном оцепенении.

Не помню, сколько времени длился столбняк – за стеной кто-то прошел – на каминной полке тонко прозвенели близко составленные безделушки. Колдовство кончилось, я поднялась поправить вазочку, передвинула мамину последнюю пепельницу с голубым цветком. И с новой силой почувствовала свое одиночество. Сережа был далеко, в страшной Германии. Писем не слал, я не знала, что с ним происходит.

Потянулись серенькие тусклые дни. Просыпалась на рассвете, умывалась над тазом приготовленной с вечера водой. В холодную жутковатую ванную ходить не любила. Одевалась и шла к Нине поднимать петли на чулках. День пролетал в работе, вечером грустила. После ужина получала одобрительную матушкину улыбку, случайно встретившись с нею глазами, и уходила к себе. Свет не зажигала, сумерничала возле жаркого окошка саламандры, похожей на ту, с полузабытой рекламы из детства с негритянской в белом переднике, с пальмами и синим морем в облаке над головой.

Пришел Новый год. Взрослым было не до праздников. Но Нина и Славик устроили для Алеши и Андрюши елку. Я порылась в коробочках и нашла два зеленых шарика. Они случайно сохранились с детства. Целая куча таких шариков, синих, желтых, красных, была у нас когда-то с Петей на Вилле Сомейе. Я боялась осрамиться со своими скудными приношениями, но Алеша и Андрюша мертвой хваткой вцепились в шарики, а потом долго смотрели сквозь них на свет, на елку с горящими свечками.

В январе на теткину квартиру пришли письмо от Сережи и деньги. Как он живет, хорошо – плохо, невозможно было понять. «Жив, не волнуйся». А еще писал, что стал заправским маляром.

Денег хватило вернуть матушке долг, за квартиру и за питание, да на жизнь осталось немного.

Снова потянулись тоскливые дни. Время от времени доставала Сережино письмо. Казалось, между строк его содержится тайна, мучилась, сердилась, что никак не могу разгадать ее.

Изредка бывала у тети Ляли, еще реже встречалась с Петей. Татка томилась. Она потеряла надежду на скорое возвращение Поля, сердилась, зачем он уехал в Африку, можно было и в Париже спрятаться. В то же время понимала, что иначе он поступить не мог. Военный человек, он обязан был воевать.

Бабушка стала очень пугливой. Их квартал часто бомбили англичане. Целились в заводы Рено, а попадали по жилым домам. При первых звуках сирены бабушка бледнела, затыкала уши, но спускаться в убежище не хотела, а если тетя Ляля начинала настаивать, плакала.

Немцы на улицах держались день ото дня заносчивей, нашествие становилось нестерпимым.

Кончилась зима, наступила холодная, дождливая весна. Только в конце апреля потеплело. В комнате погасла утешительница-саламандра. Пришел май. На улицу можно было выходить без чулок. У Нины с каждым днем становилось все меньше и меньше работы, я стала ей в обузу. Сама Нина ни словом не обмолвилась, но я понимала: пора прекращать нашу совместную деятельность.

Числа двадцатого мая, в воскресенье, делала уборку, мыла полы. Залезла с тряпкой под стол протереть плинтусы. В дверь постучали. Досадуя, что не успела закончить, крикнула «войдите» – а когда высунула из-под стола голову, улыбающийся и похудевший, стоял на пороге Сережа.

Силы кончились. Я села на мокрый пол и сказала:

– Где же ты был так долго, Сереженька?

Ох, как вовремя он приехал! Но, как оказалось, не насовсем. Его отпустили на месяц для устройства семейных дел. Сережа решил забрать в Германию и меня. У меня опустились руки.

Комната на Лурмель, уже полностью благоустроенная, пришлось ему по душе, но что-то мешало принять все остальное. Я никак не могла понять, что именно. Он нехотя признался:

– Не люблю попов.

Но в тот же день он познакомился с матушкой и сразу изменил первоначальное мнение. Смотрел на мать Марию горящими глазами. Я знала за ним привычку влюбляться в людей без предварительной прикидки, с первого разговора, и радовалась. Было бы нестерпимо больно, если бы мать Мария ему не понравилась.

Матушка без обиняков спросила:

– Зачем вы, Сергей Николаевич, хотите забрать Наташу? Она так хорошо устроилась, обвыклась. И потом... ехать теперь в Германию... Нехорошо это, не ко времени.

Сережа оправдывался:

– А что делать? В Париже я работы не найду. Жить-то надо.

Матушка хмурилась.

– Тогда езжайте один. До конца контракта. А там... что-нибудь придумаем.

Не одобряла она наш отъезд. Да и меня грядущее путешествие не радовало. Бросать родных, друзей. Неизвестно еще, как оно там будет, в Германии, но, с другой стороны, жить еще целый год в разлуке, голодать... Нехотя я стала собираться в дорогу.

И все-таки этот месяц был немного и отдыхом. По вечерам мы выходили на улицу, шли в ближайшее бистро к толстой Берте, сидели за столиком, почти ничего не заказывая (заказывать было нечего), и говорили, говорили... Но сколько я ни выпытывала у Сережи про Германию, толком никак не могла ничего добиться.

– Хорошо там или плохо?
Морщился, как от зубной боли.
– Не может быть там хорошо. Это совершенно чужая страна. Но платят. Ничего не скажешь, за работу платят.
Время шло. Отъезд был назначен на 25 июня. Я начала паковать вещи.

С середины июня по Парижу поползли страшные слухи. То говорили, будто Сталин согласился пропустить немцев через Кавказ в Персию, то будто бы Россия согласна отдать Украину. И еще что-то в этом духе, совершенно неправдоподобное. Но что-то готовилось. И все это, несомненно, должно было коснуться России. На Лурмель приходили люди, пересказывали слухи, тревога росла.

По вечерам Юра Скобцов запирался в комнате у матушки и слушал английское радио. Вопреки строжайшему приказу немцев мать Мария не сдала приемник. Он стоял у нее под кроватью, никак особенно не замаскированный. Английский Юра знал прилично. Лондон ловился хорошо. Вечерами дом замирал. Что-то он там наслушает? Но даже Лондон не мог внести успокоения, ничего конкретного англичане не передавали.

Однажды, часов в десять, к нам постучали. Открыла – на пороге отец Дмитрий.

– А я к вам, вечерок скоротать. Пустите?

Я обрадовалась, придвинула ему стул, предложила стакан чаю.

От чая он отказался, сказав, что Тамара Федоровна с Ладиком ушли в гости к родичам, заночуют, но перед уходом хорошенько напоили его чаем. Я вернулась к прерванной работе. Штопала носок на деревянном яичке.

– А что, отец Дмитрий, – спросил Сережа, – чем, по-вашему, кончится эта заварушка?

Тот потрогал себя за кончик носа, поправил очки.

– Плохо кончится. Войной кончится. Большой и страшной войной с Россией.

И замолчал. Сказать правду, я почти ничего не ощутила. Порвалась нитка, я взяла новую, стала вдевать в ушко иглы. Что-то случилось с глазами. Никак не могла попасть в ушко. Тыкала, тыкала – не вдевается. Отложила штопку в сторону, воткнула иголку в подушечку, прислушалась к улице, повернувшись к окну. За окном ничего не происходило. Как обычно, если не было бомбежки, на улице стояла великая тишина. На втором этаже кто-то сильно хлопнул дверью. Я вздрогнула.

Отец Дмитрий просидел с нами весь вечер. В их разговор я не вмешивалась. Меня в последнее время утомляли разговоры о политике, о войне. Смотрела я на бродившего по комнате Сережу и, каждый раз, когда он приближался к кровати, поджимала ноги, чтобы свободней ему было ходить. Потом снова взялась за шитье.

Станный это был вечер. Мужчины разгорячились, что-то доказывали друг другу. Но они были словно за стеклом. Сережа сердился, размахивал руками, а то засовывал их глубоко в карманы, поднимался на месте на цыпочках и снова опускался на пятки. Отец Дмитрий прямо сидел на стуле, наклоняя время от времени голову, словно что-то хотел разглядеть на полу. А то начинал дергать себя за кончик носа, будто это помогало ему думать.

Какое-то слово заставило очнуться. Испугалась, как бы Сережа не начал «дразнить попа». На него, атеиста, такое иногда нападало.

– Так как же, отец Дмитрий, – говорил Сережа, качаясь на носках, – как увязать одно с другим – христианскую доктрину о непротивлении злу и суровую необходимость сопротивления Гитлеру? Не хотите же вы сказать, что Россия, если, паче чаяния, на нее нападут, не должна сопротивляться? Вот вам французы, – Сережа показал на окно, – не сопротивлялись. Открыли город – пожалуйста. И что из этого вышло? Вот уже потихоньку и сопротивляются. Теперь Россия...

– Знаете, Сергей Николаевич, как поп я должен был бы развести казуистику, попытаться выйти из положения. Но вы же мне не поверите.

– Да, пожалуй, что и не поверю.

– Тогда как человек отвечаю просто: у меня нет ответа на ваш вопрос. Непротивление злу, это, если хотите, самое трагическое противоречие любого христианина. Это невыполнение христовых заветов. Это грех. Да. Но фашизм – страшное зло. Страшное.

Они внимательно посмотрели в глаза друг другу. Отец Дмитрий вдруг засуетился, сказал, что уже очень поздно, простился и ушел. Слышно было, как он, осторожно ступая, прошел по коридору. Тихо скрипнула дверь.

Я хотела упрекнуть Сережу за разговор о политике, но увидела отрешенные и грустные глаза его и поняла, что у него и в мыслях не было дразнить отца Дмитрия. И еще показалось, будто отец Дмитрий так поспешно ушел, чтобы не начинать разговора о нашем отъезде. «И несет же нас черт в эту проклятую Германию!» – подумала я, собрала штопку и стала стелиться.

8

22 июня 1941 года. – Отсрочка

22 июня в Париже не вышли газеты. Это насторожило всех, и новые слухи стали распространяться, как огонь по сухой соломе. Случилось, случилось, случилось... Случилось что-то из ряда вон выходящее. Сережа позвонил своему давнему приятелю Васе Шершневу. Нет ли новостей. Новостей не было. Сережа предложил ему встретиться в бистро у толстой Берты. Поговорить.

– А вдруг война! – предположила я.

– Не говори глупостей! – огрызнулся Сережа и пнул стоящий на дороге уложенный чемодан.

Через три дня мы должны были ехать в Германию.

С Шершневыми я сошлась близко уже во время войны. Они жили через две улицы от нас, и Сережа водил меня к ним в гости. Васина жена Ирина была Сережиной ровесницей и слегка покровительствовала мне. В младороссийской партии Шершневы играли заметную роль, и Ирина часто рассказывала, как она переживала, когда французская полиция арестовала Васю, как она бегала его выручать и как у нее из этого ничего не вышло. Ни в аресте, ни в сидении за колючей проволокой не было ничего забавного, но Ирина – так весело об этом говорила, что все поневоле смеялись.

Вася, напротив, был скуп на слова, нетороплив. В его медлительности была сила и основательность. Был он большой, с крупными чертами лица, большими руками, щедро широк в плечах. Полная противоположность хуленькой и пышноволосяй Ирине.

Они пришли в бистро после нас и не одни. С ними был Славик Понаровский.

Мы уселись за столик внутри бистро, где кроме нас никого не было. Славик был возбужден, приглаживал без того гладкие блестящие волосы.

– Я вам говорю, вот увидите, это война с Россией!

Мы с Ириной испуганно переглядывались, Сережа молчал.

– Нет, почему же обязательно с Россией? – степенно начал Вася, подумал, пошевелил пальцами. – Хотя... – и замолчал надолго.

В широко распахнутые двери бистро мы видели, как возле газетного киоска напротив ждут люди. Не только мы, все чего-то ждали. Такого в Париже отродясь не было, чтобы газеты не вышли. Я высказала эту мысль вслух.

– А может, они решили просто закрыть все оставшиеся газеты? Французские, я имею в виду, – отозвался Славик.

– Не исключено, – внимательно посмотрела на него Ирина.

– Вот мы теперь будем сидеть, и гадать! – заерзал на стуле Сережа. – Может, американцы высадили десант. Не знаю куда. На луну... Почему ты молчишь, Вася?

– Думаю.

– Что же тебе думается?

– А вот что. Это не война с Россией.

Мы придвинулись к нему поближе.

– Это не война с Россией, поскольку существует мирный договор между Германией и СССР. Мы почему-то все об этом забыли. Нарушение статей договора было? – И сам себе ответил: – Нет. Недовольство поведением сторон было высказано хоть раз? Нет. Послов отозвали? Тоже нет.

– Но откуда тогда эти слухи?

– Ирина, – положил он руку на плечо жены, – если завтра пройдет слух, что Австралия объявила войну Китаю, мы ведь тоже не удивимся, правда?

– О, мы уже ничему не удивимся! – дернула Ирина нитку кораллов на шее.

Мне было грустно. Они сидели и высказывали самые невероятные предположения, спорили, чуть не ссорились, а меня не покидало чувство, что мы отторгнуты от всего. Что бы ни случилось, нашим мнением никто не интересовался, мы могли говорить что угодно, предполагать что угодно – до этого никому не было никакого дела. Есть мы – не будет нас, в мире ничего не изменится. Даже если Германия объявит войну России, Россия о нас не вспомнит, России мы не нужны. Я никогда никому не желала зла, я не хотела, чтобы началась война с Россией. Но и мне никто ничего не желал. Ни войны, ни мира, ни счастья, ни горя. Ни-че-го. И от этого «ничего» билось вместе с жилкой у виска: лишние, лишние, лишние. Лишние на земле люди. И оттого – страх, страх, страх. Хоть и лишние, все равно очень хотелось жить. Хоть как, но мне хотелось сберечь свою жалкую, не рожавшую еще бабью плоть.

– Что же нам теперь делать? – громко спросил Славик.

– Ждать, – пожал плечами Вася Шершнеv. – Просто сидеть и ждать выхода хоть каких-то газет.

Они решили сидеть и ждать.

Находиться в бистро и ничего не заказывать было неудобно. Славик подозвал хозяйку, шепнул пару слов, она ушла выполнять заказ.

Хозяйка бистро бретонка Берта знала нас и принимала как своих. До войны здесь подавали эскарго – улиток с белым вином. Кроме Берты, посетителей обслуживали ее муж и гарсон. За войну Берта отоцала, муж сидел в плену, гарсон исчез, как исчезли эскарго и белое вино. Она принесла нам желудевый кофе с сахарином, а больше заказывать было нечего. Берта расставила чашки, повздыхала, посетовала на трудные времена и отправилась обратно за стойку к прерванному занятию. Она вязала длинный, нескончаемый чулок, а рядом на высоком табурете спал рыжий мохлястый кот. Время от времени он открывал один глаз и лениво следил за кончиком мелькающей спицы. Тронуть спицу лапой ему было лень, он вздыхал и засыпал снова.

Все отхлебнули по глотку горячего пойла и снова заговорили по-русски. К русской речи в своем бистро Берта давно привыкла, не обращала на нас внимания.

Мы ждали, а газет все не было и не было. Мы даже говорить перестали, нависла тишина. Одна Ирина глубоко вздыхала и жаловалась на духоту, хотя в бистро было прохладно, утренний ветерок свободно гулял через открытые окна и двери.

На секунду дверной проем заслонила чья-то фигура. Внутрь вошел новый посетитель. С виду клошар, хотя это был не клошар. Клошары в Париже перевелись за войну.

Потертый, обшарпанный человек вошел в бистро, несмело огляделся и направился к Берте. Она обратила к нему широкое внимательное лицо.

Человек стал тихо говорить с ней, потом достал из кармана пять франков, положил на стойку. Он то придвигал к Берте эти несчастные пять франков, то забирал обратно. Лицо его было изможденным и умоляющим.

И вдруг тишину нарушил страстный вопль Берты:

– Mon minou cheri?!

Она сорвалась с места, выскочила из-за стойки и начала что есть силы выталкивать посетителя.

– Espese de vieux cornichon pourri! – возмущалась она.

А незнакомец все пытался всучить ей свои пять франков.

– Бьюсь об заклад, он предложил ей переспать с ним, – хмыкнул Славик.

Управившись с незванным гостем, Берта послала ему вдогонку последнее прости и прямым ходом направилась к нам, потрясая руками.

– Этот негодяй!.. Вы можете себе представить?.. Он хотел купить моего кота! Да-да! За пять франков! Mon minou cheri! Чтобы съесть! Вы можете себе представить?!

Она бросилась к спящему minou cheri, схватила его в объятия, прижала к груди и, энергично встряхивая, продолжала кричать:

– Il a eu asser de touper pour me proposer 5 franc! Pour mon minou cheri! Ah, le salaud!

Мы с Ириной сочувствовали, гладили minou cheri, Сережа печально смотрел вслед незадачливому покупателю. Мы собирались еще долго обсуждать это происшествие, но в эту минуту Славик сорвался с места и бросился на улицу. В киоск поступили газеты. Было около двенадцати часов дня.

Берта застыла с котом на руках, Сережа кинулся было следом за Славиком, но Вася удержал его. Ирина страшно побледнела и впилась пальцами в край столика. У меня быстро-быстро застучало сердце, и почему-то опустела голова.

Мы видели в открытую дверь, как возле киоска выстраивается очередь. Откуда взялась? Прохожих было совсем немного. Потом сразу вся очередь рассыпалась, все обступили первого купившего газету. Мы сидели и смотрели, как Славик выбирается из толкучки, идет к нам через улицу.

Он вошел в бистро, сел на свое место, взял пустую чашку, но рука его дрогнула, и чашка чуть не упала. В последний миг он успел подхватить ее и поставить на блюдце.

– Ну?! – крикнула Ирина.

– L’Allemagne a attaque l’Union sovietique¹, – сказал Славик и почему-то оглянулся на Берту.

Она уткнулась в спину прикорнувшего на ее руках кота и заплакала.

Странное, ни на что не похожее оцепенение охватило меня. Я ни о чем не думала, вернее, думала, но эти мысли не имели никакого отношения к случившемуся. И еще. Меня не то чтобы взволновало, нет, скорее заинтересовало, почему плачет Берта. Ей-то что? Что ей до нашей несчастной России? И почему она плачет, а мы – нет? Никто из нас не заплакал. Напротив, я вдруг почувствовала, как сидящий рядом Сережа заходится беззвучным смехом, трясет плечами. Если бы я не знала его, я бы подумала, что он сошел с ума. Он смеялся над нашими планами ехать налаживать жизнь в Германии. Я почувствовала неожиданное облегчение. Мы никуда не едем! И это вернуло меня к жизни.

В бистро вошло несколько человек. Они громко обсуждали последнюю новость. Берта вытерла слезы и занялась обслуживанием клиентов. Сережа обнял меня за плечи:

– Что, старушка, пошли разбирать чемоданы?

– Как же ты выкрутишься теперь с немцами? – спросил Славик.

Они прекрасно поняли, что мы никуда не поедem. Об этом даже не нужно было говорить.

– Там видно будет, – ответил Сережа и еще раз легонько толкнул меня. – Пошли.

Мы вышли из бистро на солнечную улицу. В нашем распоряжении оставалось два дня. Дальше арест за демонстративный отказ от работы. Кажется, мне полагалось нервничать. Удивительное дело, я была совершенно спокойна. Мимо нас шли французы с испуганными глазами. Париж уже знал. И снова догнала и пропала мысль: им-то что? Немцы же напали на нас.

И на Лурмель уже знали. Во дворе, у входа в церковь, стояла молчаливая толпа. Все свои, русские. Сережа отправился напрямик домой, я вошла в церковь. Здесь было не повернуться. Многие плакали. Я не увидела ни одного торжествующего лица. Отец Дмитрий читал из Соборного послания Святого Апостола Павла: «Испытание нашей веры производит терпение, терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка. если же у кого из вас не достанет мудрости, да попросит у бога, дающего всем просто и без упреков, – и дастся ему. Но да просит с верою, ни мало не сомневаясь, потому, что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от господа. Человек с двоящимися мыслями не тверд в путях своих».

Незнакомая женщина с тонким увядшим лицом жадно ловила каждое слово, согласно кивала. Губы ее шевелились, повторяя: «Не тверд в путях своих».

Я продвинулась вперед и зажгла купленную у входа свечу. Я поставила ее, тонкую, с взошедшим и ярко разгоревшимся огоньком, перед ликом Серафима Саровского, ничего не прося у святого. Просто зажгла и поставила. И стала пробираться к выходу, стараясь никого не беспокоить. Вослед гремело: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, будучи испытан, он получит венец жизни, который обещал господь любящим его».

Как точно, как правильно он выбрал слова для проповеди, отец Дмитрий, как чутко все ловили сокрытый смысл, присутствуя на этой необычайно торжественной службе.

Я снова очутилась во дворе. Сережа стоял на ступеньках черного хода, озирался, и, увидев меня, замахал рукой. Когда я приблизилась, он сказал, что с нами хочет поговорить матушка.

Мать Мария сидела в канцелярии одна-одинешенька, пригорюнясь. Незавершенный отчет митрополиту Евлогию о произведенных затратах в пользу нуждающихся лежал перед нею. Мы встретились взглядом, она покивала и предложила сесть.

– Ну, что, Сергей Николаевич? – сложив руки на стол поверх бумаг, скрестила пальцы.

– Мы никуда не едем, – коротко ответил он, быстро глянул на нее и опустил голову.

– Да это-то понятно, – спокойно ответила матушка. – А дальше что?

Тогда Сережа стал говорить о принятом решении уйти из дома и прятаться где-нибудь с помощью друзей. Она хмурилась, досадливо поводила плечом и все поправляла лежащий перед нею лист бумаги.

– Нет, – сказала, наконец, – нет, нет и нет, Сергей Николаевич. Это никуда не годится. Это опасно. И сами пропадете, и товарищей подведете. Найдут, арестуют, получится страшно глупо. Я хочу предложить вам другое. Насколько мне известно, вы – хороший повар, а моя дилетантская стряпня уже всем в доме приелась. Как арендатор я имею право принять вас на работу.

– У вас будут большие неприятности, – перебил Сережа, – как раз права принимать меня на работу вы и не имеете.

– С этим как-нибудь разберемся, – легонько повела она пальцами. – Я никого и спрашивать не стану. Возьму вас, и все. Мои материальные возможности вы знаете, я предлагаю вам бесплатное жилье, стол и очень маленькую плату.

– Ох, о чем вы говорите! – запротестовала я, обрадованная перспективой никуда не уходить.

Не хотела я никуда уходить! Матушка посмотрела с иронией.

– Наташа, условия надо обговаривать заранее. Сидите-ка вы смиренно и молчите, – отделалась она от меня и уже одного Сережу спросила: – Вам подходит такое предложение?

– Да. Безусловно. Но...

– Вот – «но». Вы должны получить официальную отсрочку. Понимаете? Официальную. Хотя бы на некоторое время. А там подумаем, как выкручиваться дальше.

Самое ужасное, у Сережи на руках не осталось никаких документов. Хорошо, мои бумаги не успели сдать, и скромная моя персона еще не была зарегистрирована у немцев.

В этот момент в канцелярию вошла Ольга Романовна. Деловитая, озабоченная. Небрежно бросила на полку в шкафу сумочку, поправила воротник блузки. Матушка страшно обрадовалась ее появлению. Ольга Романовна знала о начавшейся войне, знала и то, чего не знали мы. О заявлении Молотова. Мы в молчании выслушали его пересказ. Точно, как та женщина в церкви, матушка кивала каждому слову. Потом опустила голову на ладонь, потеряла висок и лоб.

– Верно. Все верно. Но как будет трудно. Непередаваемо трудно.

Помолчала, снова скрестила пальцы и заставила нас вернуться к прерванному разговору. Она пересказала все вкратце Ольге Романовне. Та слушала внимательно, всматривалась в Сережино лицо, изучала.

– Вы сможете получить освобождение только по болезни, – сказала, подумав.

– Но я абсолютно здоров! – фыркнул Сережа.

– Нет, у вас больное сердце! – воскликнула матушка, и глаза ее разгорелись.

– Сердце? – изумился Сережа. – Да я не знаю, с какой оно у меня стороны!

– Ничего, – обнадежила Ольга Романовна, – когда-нибудь узнаете. Наташа, – повернулась она ко мне, – вы должны пойти и сделать заявление о болезни мужа.

– Кому?

– Немцам. Тем, которые ведают вашей отправкой.

– А когда идти?

– Прямо сейчас. Завтра это будет нарочито. Они могут сопоставить, заподозрить. А сегодня вы еще можете ничего не знать о войне. Если спросят, так и говорите: ничего не знаю.

Я поднялась.

– А потом? – засомневался Сережа.

– А потом будет потом. Ступайте, Наташа.

Еще раз в этот день я вышла из дома, прошла через растерянный, возбужденный город. Странно, на улицах было очень мало немцев. То, бывало, они на каждом шагу попадались, а в этот день, 22 июня, как пропали. Или мне так повезло – не видеть их постылых, самодовольных, словно запертых на тяжелый замок физиономий. Я даже заволновалась по поводу конторы: вдруг закрыто?

Она была открыта, меня встретили весьма сочувственно. Приняли, научили, как правильно написать заявление. А я морду такую жалобную скорчила, слезу подпустила. Артистка!

Странное дело, перед французами я вечно боялась оказаться в положении униженной, ущемленной. Когда приходилось сталкиваться с мэриями, префектурами, да и просто в любой обстановке, держалась независимо и гордо, не думая о последствиях. Перед этими, неплохо говорящими по-французски немцами, ничего не стоило изображать из себя этакую си-

ротку Хасю, пускать слезу, благодарить за проявленное сочувствие. Я пришла их дуриТЬ, и дурила без всякого зазрения совести.

Но не такими уж круглыми дураками оказались и они. Заявление принять приняли, но велели не позднее завтрашнего дня предъявить медицинское свидетельство, и желательно не от французского, а от немецкого доктора. А вот после освидетельствования, сказали они, можно будет обратиться в кранкен-кассу и получить временное пособие.

«Оп-ля!» – сказал бы Марк Осоргин. Но я не подала виду и деловито убралась восвояси.

– А как вы думали? – насмешливо подняла брови Ольга Романовна. – Что же они, по-вашему, маленькие дети?

Она пообещала зайти вечером и сказать, как действовать дальше. Но для этого ей надо было пойти куда-то проконсультроваться.

Весь оставшийся день я нервничала, а Сереже было не до того. Матушка велела ему с ходу приниматься за дело, сдала кухню, и он уже там хозяйничал. Удивительно, как она умела залечивать недуги ближних, нагружая ответственностью за какое-либо дело. Сама-то она никогда не сидела без работы, вечно была окружена людьми. Я думаю, если бы не мать Мария, в доме царило бы безысходное уныние. Старушки причитали, не умолкая: «Ах, несчастная Россия! Ах, некому ее спасти!»

– Уж будто? – насмешливо посмотрела на них матушка.

И старушки побежали на ужин, озабоченно трактуя матушкино «уж будто» в пользу неведомой силы, способной сломить Гитлера.

Не помню, в тот день или чуть позже, на стене канцелярии появилась большая карта Советского Союза, и матушка обозначала булавками-невидимками подвергшиеся бомбежке белорусские и украинские города. Впоследствии она изо дня в день отмечала линию фронта по сводкам английского радио. А если говорить шире, мать Мария, ее окружение, все жильцы дома с первых же дней войны заняли откровенно антифашистскую позицию.

Вечером, как обещала, пришла Ольга Романовна, принесла адрес доктора. Сережа внимательно прочитал бумажку. На обследование он должен был идти сам.

– Доктор Штубе? Немец?

– Фольксдойче, – пояснила Ольга Романовна. – Прекрасно говорит по-русски... К вашему сведению, – тут она насмешливо поклонилась, – я тоже фольксдойче, хотя всю жизнь считала себя русской... Так вот, пойдете к Штубе, расскажете про невыносимую боль в сердце.

– Он что, болван? – с надеждой спросил Сережа.

– Нет, – засмеялась Ольга Романовна, – он далеко не болван. И очень хороший человек.

Ольга Романовна, как это стало называться при немцах, действительно, была фольксдойче. Мы никогда никакой немкой ее не считали, она была своя, наша, но гитлеровцы в Париже заигрывали с обрусевшими немцами. Ольге Романовне с самого начала оккупации была предоставлена хорошая работа. Как теперь становилось очевидным, работа эта не всегда шла на пользу Фатерланда.

От доктора Штубе Сережа возвратился совершенно замороченный. Доктор внимательнейшим образом его осмотрел. Слушал, щупал, стучал молоточком, качал головой. Мало сердце, он у него обнаружил еще какие-то хрипы в легких. Завершив осмотр, доктор подсел к столу, положил перед собой чистый лист бумаги.

– Я совершенно не понимаю, как в таком состоянии вас согласились взять на строительные работы? Вам необходимы полный покой и длительное лечение.

Сережа решил, что у доктора Штубе не все дома, но вслух, разумеется, не стал ничего говорить, лишь терпеливо ждал, пока тот накатает медицинское заключение.

Вечером я ходила за Сережей и приставала:

– А какой он, этот Штубе?

– Какой-какой, обыкновенный. Тощий, рыжий, на макушке лысина.

– Да ну тебя! – обижалась я.

Через некоторое время спрашивала:

– А он в очках?

– Вот ты привязалась ко мне с этим Штубе! Я его и не разглядел как следует.

– Почему?

– Елки зеленые! Психовал – вот почему!

С заключением Штубе я ходила в кранкен-кассу. Тревожилась, переживала, но все мои опасения оказались напрасными. Наоборот, они же мне и сочувствовали: «Ай-я-яй, как не повезло вашему мужу!» – и без всяких проволочек выдали приличное пособие. И еще сказали, чтобы я через месяц пришла снова, если больному не станет легче. Я кивала, благодарила, кланялась. Уж я-то знала: этому больному никогда не станет легче.

Мы вздохнули свободно. Получили отсрочку на целый месяц. Целый месяц! Тут не знаешь, что с тобой будет завтра... Сережа с головой окунулся в дела кухни. Одно огорчало его: ничем особенно вкусным побаловать изголодавшихся жильцов не удастся. Макароны, макароны, постные супы. Позже, когда стало совсем худо, перешли на кормовую репу. Ольга Романовна металась по городу в поисках съестного и ничего не находила.

Цвел июль. В Париже стояла прекрасная погода. Вести о России становились день ото дня тревожней. Немцы брали город за городом, казалось, ничто на свете не может остановить их. Нам оставалось снова ждать и томиться от собственного бессилия. Вася Шершнев сказал однажды:

– Все-таки сволочи большевики – выгнали нас. Теперь сидишь, как дурак, и им же не можешь помочь.

В августе в кранкен-кассе затребовали новое медицинское заключение, и снова доктор Штубе безропотно выдал его. Уже было ясно, что он ломает комедию, прекрасно понимая истинное положение вещей.

Неожиданно в кранкен-кассе предложили устроить Сережу в санаторий. Вот не было печали! Пришлось выкручиваться, придумывать повод, не позволяющий воспользоваться таким роскошным предложением.

В конце августа матушка воткнула в карту булавку – обозначила окружение Ленинграда. Ходила пасмурная. Ее молодость была связана с этим городом. Мы с Любашей испуганно разглядывали страшные знаки на карте. Любаша приставила палец к булавке и долго вытягивала губы, готовясь сказать:

– Й-й-я ро-одилась з-здесь.

Я поискала на карте Одессу. И вдруг в голову пришла странная мысль. Батюшки, да ведь все мы когда-то родились в России. А то уж как-то забывать стали.

9

Загадка мадам Тибо. – Отмеченные звездой Давида. – Сюрприз

В сентябре, протягивая Сереже последнее освобождение, доктор Штубе сказал, глядя ему прямо в глаза:

– Мои возможности исчерпаны. Постарайтесь устроиться как-нибудь иначе. В дальнейшем придется идти на консилиум. Сами понимаете, насколько это нежелательно.

Пришло время менять тактику. Хоть и приходились денежки из кранкен-кассы как нельзя кстати, но и брать их раз за разом от немцев становилось все противнее. Не брать тоже нельзя. Увязли.

Снова совещались с матерью Марией, ломали головы, прикидывали и отбрасывали один вариант за другим.

Одна Ольга Романовна сохраняла спокойствие и просила не дергаться раньше времени. У нас в запасе был еще целый месяц. В том месяце матушка получила партию детской одежды, и надо было распределять одежду между семьями находившихся в плену наших солдат. На переживания времени почти не оставалось. Недели через две появилась довольная Ольга Романовна.

– Ну, Сергей Николаевич, выход найден.

На сей раз мне, а не Сереже предстояло встретиться с каким-то Рунге. При встрече сказать, будто послала меня к нему мадам Тибо. Или Тюбо – не помню точно.

– Будете говорить все, кроме правды, – предупредила Ольга Романовна. – Что нужно, он и без вас знает.

До встречи оставалось два дня. По ночам меня донимали кошмары. Рунге представлялся тощим немцем в черной форме с черепом и скрещенными костями на рукаве. Я сидела перед ним на жесткой табуретке, сжавшись в комок. Он кричал:

– Говорите правду! Говорите правду!

От ужаса просыпалась, переворачивала подушку холодной стороной, крестилась, засыпала, и все начиналось снова.

Роковой день настал. С утра Сережа нервничал, все у него сыпалось из рук. Начал бриться – порезался. От резкого движения порвалась на локте старенькая рубашка.

– Нет, – сказал он, давая зачинить рубашку, – я так не могу. Я не пущу тебя к этому Рунге, сам пойду.

И вместо того, чтобы мне спокойно собираться на свидание, мы стали ссориться. Я доказывала, что, не выполнив требований Ольги Романовны, мы можем поставить под удар ее, испортить все дело. Он уперся – ни в какую.

Время шло. Мы ходили друг за другом по комнате, несчастные, злые, размахивали руками. То он задевал меня, то я его.

– Я заварил эту кашу, я и должен ее расхлебывать, – твердил Сережа. – А тебя, чтобы ты так рисковала... не пущу – и баста! Лучше мне перейти на нелегальное положение.

Я развернулась и побежала к матушке. Она даже рассердилась на Сережу.

– Да что это за ослиное упрямство такое!

Поднялась к нам, стала его уговаривать. Билась, билась, наконец, не выдержала:

– Я вас поколочу, Сергей Николаевич! Хоть мне это и не пристало.

Я так живо вообразила, как матушка колотит Сережу, что не выдержала – фыркнула. И она засмеялась.

– Ну, будет вам, будет. Там все оговорено, для Наташи эта встреча совершенно безопасна, даю вам честное слово.

Он бросил косой взгляд.

– Собирайся.

Я быстренько оделась и побежала к метро.

Весь октябрь было ясно, а тут надвинулись серые тучи, сея время от времени мелкий дождь.

Над тротуарами плыли зонтики, с каждой минутой становилось все холодней, хотя воробьи веселились по-весеннему и даже купались в проточных канавах вдоль мостовых.

Я легко нашла нужный адрес, свернула во двор. Это был небольшой парижский дворик, совершенно пустой. Я присела, как было условлено, на скамейку, достала из сумки журнал с цветной обложкой.

Минута в минуту назначенного времени отворилась дверь одноэтажного особнячка в глубине двора. Появился полный светловолосый мужчина в темно-синем костюме и направился прямо ко мне. Я поднялась. Он приблизился, посмотрел вопросительно. Я спросила по-русски:

– Простите, это вы – господин Рунге?

Он кивнул.

– Я от мадам Тибо.

Он снова кивнул, показал на скамейку.

– Давайте сядем. Слушаю вас.

Я замаялась, не зная с чего начать. Он улыбнулся, кивнул головой, дай, мол.

Боже, чего я ему только не плела! Про смертельно заболевшую бабушку, про родственников, про появившегося на свет младенца, за которым нужен уход да уход... Он внимательно слушал.

Я выдохлась, губы запеклись, а он все смотрел на меня и ждал продолжения. Потом спросил:

– Скажите, а эти ваши родственники – это ваши или родственники мужа?

– Мужа... ах, нет, мои. Знаете, сестра моей матери, а у нее брат... сын...

Боже, я совершенно запуталась.глянула виновато в его глаза. Глаза были участливые и, я вдруг совершенно отчетливо увидела, иронические и все прекрасно понимающие. Все-то он знал, притворщик, наша мирная беседа происходила исключительно для видимости. Но для кого разыгрывалась эта комедия, я так и не поняла. Может, за нами следили из окон особняка?

– Не надо так волноваться, – сказал он, сунул руку в нагрудный карман и достал узкий конверт.

– С этой бумагой пойдете... – он назвал немецкое учреждение. – Не бойтесь, это не гестапо. Пойдете сами, без мужа. Вы меня хорошо поняли?

Я облизала губы, кивнула.

– В комнате номер четыре отдадите письмо секретарю, вам скажут, что делать дальше. Все. До свидания. Идите.

Я поднялась, как автомат. Он остался сидеть. Я двинулась идти, он тихо и явственно сказал:

– Ничего не бойтесь, все будет хорошо.

Я вышла из подворотни на улицу.

Как и доктор Штубе, Рунге исчез из нашей жизни. Как и доктор Штубе, он прекрасно говорил по-русски. И больше никогда мы не встречали ни его самого, не слышали ни от кого даже упоминания его имени. Что за учреждение пряталось за дверью особняка, откуда он вышел ко мне, не знаю. Всю жизнь потом мы с Сережей пытались разгадать эту тайну. Кто был этот Рунге? Кто была эта загадочная мадам Тибо? Какую роль во всем этом играла Ольга Романовна? И не была ли она сама этой мадам Тибо или Тюбо? Несомненно было одно. Эти люди работали против немцев и помогали всем, кто не хотел работать на них. Несомненно было и то, что положение Рунге было достаточно высоким и солидным.

Сережа встретил меня так, словно я вернулась с того света. Вертел запечатанный конверт, а я захлеб рассказывала про Рунге, как морочила ему голову байками, как он внимательно слушал, как доброжелательно сказал: «Ничего не бойтесь, все будет хорошо».

Легко сказать – не бойтесь! На другой день я отправилась по указанному на конверте адресу.

В комнате номер четыре, большой, пустой, с темными кожаными диванами, подтянутая и строгая немка взяла письмо, указала на стул, велела ждать.

В скучной, вымытой до блеска приемной какого-то важного чина, кроме меня, никого не было. Я даже не знаю, существовала ли я сама, не во сне ли все это происходило, – так было тихо. От страха, наверное, подкатил

к горлу тошный ком, воображение стало разыгрывать безобразные сцены ареста. Чудилось, вот-вот вломятся сюда солдаты, скрутят, уволокут, и Сережа никогда не узнает, что случилось со мной. Умом я понимала всю вздорность такого предположения, терла заледеневшие руки и ждала. Время шло, никто не входил. За окном трепетали под ветром ветки платана с бронзовыми осенними листьями. Потом на пороге появилась та женщина в строгом английском костюме, подошла ко мне, отражаясь вся вверх тормашками на паркете.

– Пойдете во французскую префектуру, отдадите это распоряжение, – протянула она листок. Он упал между нами, – такая я оказалась неловкая. Бросилась поднимать, но она успела первая.

– Здесь указание выдать вашему мужу новый вид на жительство взамен утерянного.

Я поблагодарила, она сухо кивнула, прямая, с неподвижным лицом, с выщипанными в ниточку бровями.

И все? Так просто? Не чуя ног, я бежала домой. Победа! Победа! Раз Сереже возвращают французские документы, значит, мы можем оставаться в Париже. Ай да Ольга Романовна! Ай, как хорошо она все устроила!

В префектуру Сережа ходил сам. Без всяких проволочек ему выдали вид на жительство. Немецкие приказы французскими властями выполнялись беспрекословно. Но и немцы были уже не те, какими пришли в Париж в самом начале оккупации. Тогда они милостиво прикармливали население, улыбались по поводу и без повода. В 1941 году они уже никому не улыбались, ввели в практику заложничество и стали жестоко преследовать евреев.

Они травили их, заставляли носить желтые повязки на рукаве и шестиконечную звезду на груди. В метро евреям разрешалось ездить только в последнем, специальном вагоне. На улице при виде немецких солдат и офицеров им полагалось сходить с тротуара на проезжую часть. И парижане при виде человека, отмеченного звездным клеймом, отводили глаза и делали вид, будто так положено. В этом было что-то постыдное, изуверское. Снова бередила сознание бесчестная мысль: «Не меня, так и ладно!»

Я часто думала: где мои Стерники? Раиса Яковлевна? Часто приходил на память Фима, наполовину забытый Фима. Не было о нем никаких известий. А Миля, я знала, живет в Париже, мы изредка звонили друг другу, но со всеми нашими передрыгами никак не получалось встретиться.

Париж знал: в комиссариатах составляются списки евреев, и сами евреи делают все возможное, чтобы не попасть в эти списки. К тете Ляле пришла однажды давняя знакомая, еврейка, и попросила заступиться за нее, поручиться что ли, чтобы не вносили в список. Ляля отправилась в комиссариат, но там ей настойчиво и многозначительно посоветовали не совать свой длинный русский нос в еврейские дела. Она ушла ни с чем, а приятельнице ее пришлось тайно переходить в свободную зону.

В России шла война, немцы были на пути к Москве. Новости из радиоприемника матери Марии приносили нескончаемое горе.

А вот наша с Сережей обыденная жизнь наладилась. Я даже сетовала, что новый вид на жительство был по-прежнему без права на работу.

– Много хочешь, – хмыкал Сережа. – Скажи спасибо, хоть такое есть.

Конечно, я много хотела. Как не хотеть, если хочется.

Когда он сидел на немецком пособии, я могла не работать. Но отношения с кранкен-кассой благополучно завершились, его поварского заработка стало не хватать.

Пора было мне устраиваться на работу. Я позвонила Марине. На всякий случай. И что же, она снова красила шарфы у Ивана Христофоровича Белоусова, у Беля, как его называли на французский лад.

Марина переговорила с Белем, тот согласился взять меня на раскраску.

Работа была тяжелая. Целый день я стояла над шарфом, растянутым на пальцах, заполняла намеченный контур рисунка анилиновыми вонючими красками. Стоять – ничего, а к запаху я никак не могла привыкнуть, мутило. Из-за постоянного отравления стало укачивать в метро.

Мастерская Беля находилась на другом конце Парижа, возле площади Бастилии, неподалеку от дома с мраморной доской в память Виктора Гюго. Путешествие со мной для Марины стало сплошным мучением. На какой-нибудь промежуточной станции я хватала ее за руку и тащила вон из вагона. Мы отходили в сторону, я хватала воздух ртом, а она испуганно говорила:

– Совсем ты у меня зеленая, Наташка.

Но о том, чтобы бросить работу, даже мысли не было. Я надеялась со временем привыкнуть, я не могла позволить себе роскошь лишиться такого прибыльного заработка. Эти широкие метр на метр шарфы, легкие, завязывающиеся чалмой, прочно вошли в моду во время войны. Дешево и красиво. А шелк Бель доставал через посредников, парашютный, ворованный.

Мучилась так со мной Марина, мучилась, а однажды выскочила следом за мной из вагона, неожиданно засмеялась и схватила меня за руки.

– Какие мы с тобой глупые, Наташка! Да ведь ты ж беременная!

Я в безумной надежде уставилась на нее.

Весь день на работе мы переглядывались и хихикали, а Иван Христович недоумевал:

– И что это вы так развеселились, девочки?

Назавтра я отправилась к врачу, и все подтвердилось. Нам, оказывается, пошел уже третий месяц.

Я сразу стала такая важная! Шла по улице и саму себя несла, как фарфоровую вазу.

– Сережа, – сказала я дома, – а у нас будет ребенок.

Он впился в меня безумным взглядом и закричал страшным шепотом:

– Да ну!?

И расплылся в улыбке, радостной и глуповатой. Я такого выражения лица у него никогда не видела.

Но когда с тем же торжественным сообщением поехала к тете Ляле, на меня вылили ушат холодной воды.

– Какое ты имеешь право, – разгневалась тетка, – помышлять о ребенке? Это что тебе – шуточки? Война кругом! Ты соображение в голове имешь?

– Имею, – сердито ответила я, – и у нас будет ребенок. Мы этому ужасно рады. Вот и все мои соображения.

– Не понимаю! Не понимаю! – вздымала руки тетя Ляля. – Способности к исключительному легкомыслию у тебя просто феноменальные!

И стала уговаривать сделать аборт. И устроит все, и врача хорошего найдет, и все будет в порядке, без осложнений. И были в ее словах все резоны и здравый смысл, но я сказала:

– Нет. Я пять лет ждала, я даже ждать перестала.

– Чем кормить будешь? – вскричала тетя Ляля. – Подумала?

– Подумала. Сиськой, – отрезала я и уехала разобиженная.

Дома заглянула к матушке. Нет, я не сомневалась. Ясно, буду рожать, хоть тысяча войн. Я хотела услышать обыкновенное человеческое слово. Я все ей рассказала. И про Лялино предложение тоже. Матушка и секунды раздумывать не стала.

– Наташа, деточка, какой может быть разговор? Это такая радость – ребенок! И вдруг его уничтожить. Даже не думай об этом. Носи на здоровье, а мы поможем, все сделаем... Война! Война закончится, как заканчиваются все войны.

10

*Ожидание. – Данила Ермолаевич. –
Матушкины хлопоты. – Мещеряк. – Воздушная тревога*

Я попала в особый мир. Мир беременных. В это время женщины тянутся друг к другу. Мы без конца выверяем месяцы, считаем на пальцах дни. Мы еще не матери, но уже и не просто жены.

С особой нежностью нас начинают опекать рожавшие женщины, раз за разом все красочней, с оттенком юмора, вспоминая свое, прошедшее. А ты слушаешь их, пытаешься представить грядущий миг отторжения ребенка – и не можешь. Так же невозможно представить и будущего младенца, и первое прикосновение к нему.

Мне повезло. В то время я была не одинока. В ожидании находилась и Тамара Федоровна. Сколько раз я прибежала к ней и кричала в восторге:

– Тамара Федоровна, стучит! – хватала ее руку и прижимала к животу.

Мы обменивались значительными взглядами и расходились по своим делам, прекрасно осознавая всю их вздорность и незначительность.

В феврале мать Мария и Ольга Романовна притащили целый чемодан приданого для малыша. Матушка рассудила мудро – подобрала не только голубые, но и розовые распашонки. Неизвестно же, кто родится – мальчик или девочка. Хотя Сережа настаивал именно на мальчике, и даже имя ему придумал – Вася, Василий.

Счастливая, разбирала я это богатство, брала в руки чепчики, крохотные, с кружевом, разворачивала байковые пеленки, щупала голубое одеяльце. Матушка и Ольга Романовна смотрели любовно, приговаривали:

– Вот видишь, как все хорошо получилось с приданным, а ты беспокоилась.

Ранней весной матушка раздобыла карточки на получение вязальной шерсти. Раньше этой шерсти в Париже было сколько угодно. Теперь все исчезло, пряжу выдавали строго по карточкам в одном-единственном специальном магазине. Я отправилась покупать шерсть. Издалека увидела длинную очередь. Но не стала тревожиться. Французы всегда с большим почтением относились к беременным: неужто не пропустят? Но когда я подошла ближе, то увидела: уступать, пропускать, входить в положение – некому. Очередь вся целиком состояла из таких же, как я, сума-шедших беременных баб.

Это, наверное, была самая мирная, самая веселая очередь на всем белом свете среди царящего кругом безобразия, среди войны. Никто не толкался. Нам нельзя было толкаться. Никто не теснил стоящих впереди, всем хотелось иметь побольше свежего воздуха. Каждую вновь прибывшую встречали хохотом:

– Смотрите! Еще одна! Девочки, а выходит, нас не так уж мало!

Я быстро со всеми перезнакомилась, включилась в разговор о грядущих родах, внимательно слушала наставления опытных, не раз рожавших.

– Ничего страшного! – тархтела одна. – Главное, девочки мои, ничего не бояться и не слушать про всякие ужасы!

Как она была хороша, эта тархтушка! У нее были живые глаза, осененные длинными ресницами, она, как опахалами, разбивала ими воздух. Из пышной прически выбивались на виски тугие кудряшки, маленькими ручками она хваталась за живот. Видно, изнутри ее сильно толкали, шпыняли, просились наружу. Она поднимала брови «домиком», удивленно приговаривала:

– Тише, тише, еще не время!

Лицо ее было изумительно чистым, ни пятнышка, белым-бело, с ярким румянцем на щеках. Если бы кому пришло в голову провести смотр красавиц среди нашего брата, она была бы королевой.

Рядом стояли еще и еще, красивые и не очень, совсем молоденькие и женщины постарше, снисходительно мудрые, неторопливые. Всю мою жизнь во Франции я говорила о французах «они», «у них». Так повелось, так я привыкла. Я никогда не чувствовала себя как дома. И только однажды, в этой удивительной, озаренной и согретой нечаянным зимним солнцем очереди, посреди оккупированного Парижа я говорила вместе со всеми: «мы», «у нас», «наши дети».

Так мы стояли вдоль тротуара, медленно продвигаясь к двум магазинам, а прохожие обходили нас, спускаясь на мостовую. Даже немецкий патруль, неприступный, с каменными лицами, и тот обошел, не осмелился смять. А мы их даже не заметили, лишь красавица моя мельком глянула вслед солдатне:

– О, потопали! – И снова за свое: – Вот когда я рожала старшего...

И ничего о войне; ни намек, ни слова о будущих трудностях, о жизни впроголодь. Когда я получила несколько мотков белой и розовой шерсти, удивительно мягкой, довоенной, подумалось: «Вот начать бы нам рожать одних девочек, так и войн бы никаких не было». Увы, мысль, лишенная всякой логики.

А жизнь в доме шла своим чередом. Мать Мария с помощниками занимались благотворительными делами, Сережа работал на кухне. Особенно трудно бывало по воскресеньям, когда привозили бесплатные обеды, но и в будни ему доставалось. Матушка давно мечтала кормить жильцов и всех своих сотрудников два раза в день и добилась своего. Ольга Романовна, как могла, находила способы добывать продукты, и еще крепко помогал Данила Ермолаевич.

Ему было уже за пятьдесят. Не очень высокого роста, кряжистый, крепкий, с крупно вылепленным русским лицом, большими натруженными руками, он производил впечатление обыкновенного «казуни», как в эмиграции называли казаков. Но впечатление это было обманчивым. Был он умен и далеко не прост.

Он работал управляющим на ферме каких-то богатых людей, но «управлял» главным образом собой. Сам сеял, сам жал, сам за скотиной ходил, и кабанчика мог забить запросто. По договоренности с уехавшими хозяевами, он на все время войны взял ферму в аренду, и если на Лурмель изредка появлялись свежее мясо и овощи, то это благодаря Даниле Ермолаевичу. Это была его лепта, его вклад в благотворительную деятельность матушки.

В свободное от крестьянского труда время, один на своей ферме, писал Данила Ермолаевич рассказы и повести из жизни дореволюционного казачества. Во время гражданской войны он играл заметную роль в казачьем Кубанском правительстве, но вспоминать об этом не любил, а вот рассказы читать давал. Сережа рассказы хвалил, говорил, что Даниле Ермолаевичу удаются характеры и описание природы. Публиковались ли эти произведения, об этом я не знаю. Не было ли в этом писательстве определенного соревнования с пишущей женой, тоже не знаю, хоть и догадывались мы с Сережей об этом. В отношениях с матушкой Данила Ермолаевич стремился главенствовать, а она ему не уступала. Они оба были сильны духом, оба были лидерами.

Каждую субботу, рано-рано утром, когда весь дом еще мирно спал, прибывший с фермы Данила Ермолаевич тихонько стучался в нашу дверь, просовывал седую голову и шептал:

– Там я картошку привез, сало, вставай, Сережа, пойдем. Посмотришь.

Да, жизнь в доме шла своим чередом. Подрастали Любашины девочки, сама Любаша много работала, уставала, жаловалась на головокружения и слабость. Софья Вениаминовна, Софочка, носилась с какими-то бумагами из канцелярии в церковь. Старушки большей частью сидели дома и радова-

лись теплу. Каким-то хитроумным способом, еще в августе, матушка раздобыла две машины угля, и мы блаженствовали. А во всем остальном Париже царил лютый холод. В чугунных печках, какие бытовали в России во время гражданской войны и назывались «буржуйками», французы сжигали старый хлам.

В январе кто-то из прихожан рассказал матушке про тяжело заболевшего мальчика в доме неподалеку от нас. А у родителей его не осталось ни крошки угля. Матушка велела Анатолию немедленно нагрузить для них тележку. Анатолий отвез, все переживали за этого незнакомого мальчика, но старушки – божьи одуванчики – рассудили иначе.

Целой делегацией они явились к матери Марии и высказали претензию. Как это, мол, так? Уголь предназначен для нас, а вы, не посоветовавшись, изволите разбазаривать! При таком неразумном расточительстве мы через неделю зубами стучать начнем! Особенно усердствовала одна старуха в черной дырчатой шали, с седым шиньоном на голове.

Матушка поднялась из-за стола. Дело происходило в канцелярии.

– Как стыдно! Как мерзко! Это же надо было придумать такое – пожалеть уголь для больного ребенка! Где это видано, чтобы старые женщины были такими эгоистками! Срам какой!

Старухи, никогда не видевшие матушку в праведном гневе, струсили и, напирая друг на друга, выскочили из канцелярии. Потом засели у себя и не смели высунуть носа.

А мать Мария еще несколько раз отсылала уголь тому мальчику, пока не выяснилось, что он поправился.

У матушки было множество забот. Тому уголь, там отправить средства семье погибшего солдата, кому-то раздобыть дополнительные карточки, кого-то устроить на работу. Вечно она была окружена людьми, но каждое дело выполнялось без спешки, без суеты, только голос матушки доносился:

– Смотрите, сделайте это деликатно, постарайтесь, чтобы женщина обязательно приняла помощь. Вы объясните, мы не милостыню подаем...

Сама она на улице выходила не часто, была домоседкой, да ей и по чину особенно не полагалось разгуливать. Хоть в миру, все равно монахиня. И любую свободную минуту она отдавала рукоделию. Иногда звала меня, особенно в последний месяц перед родами, когда я уже не работала.

– Посидите со мной, Наташа, поболтаем.

Я брала вязание и шла к ней, в теплую, уютную комнату под лестницей. Не отрываясь от шитья (а работа у нее всегда была мелкая, кропотливая), матушка рассказывала всякие случаи из жизни или расспрашивала про мое детство, про родных. Она часто бывала на Монпарнасе и, конечно, видела мою маму, хотя они не были знакомы.

– Красивая женщина, – говорила про маму мать Мария, – настоящая артистка. Осанка у нее такая... – и выпрямлялась горделиво.

В одну из таких откровенных минут матушка рассказала про умершую в Москве дочь Гаяну. Говорила без слез и грусти, отрывая глаза от надетой на кончик иглы бусинки, чтобы глянуть на портрет, висевший напротив. Серьезная девушка смотрела из рамы, обещая когда-нибудь, в иной жизни, раскрыть тайну своей смерти. Матушка не верила слухам, будто Гаяну убили большевики.

Спросила я раз о ее первом муже, Кузьмине-Караваяеве.

– Он принял католичество и стал священником, – ответила матушка.

Но чаще мы старались рассказать друг другу какой-нибудь смешной случай. Рассказала я матушке и нашу с Сережей- историю, как мы венчались у отца Стефана в Ванве. Рассказывала и боялась, вдруг ей не понравится наше обращение к священнику московской патриархии, она же в Евлогиевской епархии пребывала. Но матушка только посмеивалась.

– Уж эти мне наши распри. Бога и того без скандала поделить не можем.

Чего в ней не было, так это фарисейства. И в ней самой не было, и в других не жаловала. Я рассказала ей один случай в детском лагере на океане, куда мы ездили с Монпарнаса. Был праздник, мы приготовили для костра небольшое представление, сценку на такие стихи:

*Батюшка с матушкой спор спорили,
Спор спорили о своей дочери.
Матушка хотела в монашки отдать,
Батюшка хотел за млада князя отдать.*

Перебив себя, я стала рассказывать:

– А монахиню играла я. Сделала грим, оделась в черное. Успех был колоссальный, а после спектакля – взбучка! Выговор от Антонины Ивановны. Какое я имела право наряжаться монахиней да еще гримироваться под лик Казанской божьей матери. Безобразие! Кошунство! – рассказывая, я разволновалась, как тогда, в детстве.

Матушка снисходительно улыбалась.

– Да полно вам, Наташа, про Антонину Ивановну. Вы стих дочтите.

Я стала вспоминать:

– Ну, пришла, значит, монахиня:

*Садись-ка, девица, я буду тебя стричь.
Девица умоляет:
– Дайте мне, девице, косу русу расплесть!
– Расплетется, девица, как стану остригать.
– Дайте мне, девице, цветно платье снять!
– Снимется, девица, как черно надевать.
Тут батюшка идет, млада князя ведет.
Князь молодой удивляется:
– Чье это платье цветно висит?
Чья это молоденька монахиня сидит?
– Князь молодой, ступай с Богом домой.
Мне, девице младой, не бывать за тобой.*

Матушка мечтательно улыбалась.

– Прелесть какая! А мамаша, видать, грешила без меры, вот дочкой и заслонила... Так Антонина Ивановна кошунство усмотрела? Все-то наши доморощенные праведники святее папы римского хотят стать.

Ко мне она относилась как к девочке. Да я и годилась ей в дочки. А вот с Сережей у них были другие отношения. Они очень сдружились. Дистанция старшего и младшего и между ними соблюдалась, но они тоньше понимали друг друга, хоть и посмеивался Сережа над матушкиными воздушными замками и верой в доброе начало в каждом человеке. Мы-то уже давно разочаровались в людях и знали, что далеко не все являются воплощением доброты и порядочности.

Одно время мать Мария носилась с идеей выхлопотать для Сережи рабочую карту. Сережа протестовал:

– Нельзя этого делать! Категорически нельзя. У вас будут неприятности с полицией.

Матушка отмахнулась, села за машинку и отпечатала свидетельство о трудоустройстве. На официальном бланке «Православного дела» сообщила она в комиссариат о русском эмигранте Сергее Уланове, работающем у нее по найму. Это было против всяких правил, за это ей могло здорово нагореть, но через день она вручила нам заверенный комиссаром полиции документ. Бумага была без сучка, без задоринки, с такой бумагой можно было начинать хлопоты, но Сережа счел за благо не давать ходу.

– Знаешь, – сказал он мне, – не буди лиха, пока оно спит. Спрячь до лучших времен.

Видно, я хорошо спрятала: этот документ сохранился у нас до сегодня.

В феврале поселился в доме на Лурмель Мещеряков, Мещеряк, как мы его называли. Он благополучно завершил работу по контракту, приехал, привез часть Серезиных вещей. Все, кроме Серезино любимого пуловера. Еще мама покойная вязала. А когда мы спросили Мещеряка, где пуловер-то, он, не задумываясь, ответил:

– А его моль съела.

Так у нас повелось с тех пор, если кто зажилит вещь, говорить: «моль съела».

Мещеряк покрутился в Париже, устроился на работу и вдруг появился на Лурмель в немецкой форме. В первый момент его не узнали и ударились в панику – немец пришел! Потом все же разобрались.

По пути к себе в комнату у Мещеряка хватило наглости подняться к нам. У нас сидел в гостях Вася Шершневу. Мещеряк ввалился, мы вытаращили глаза.

– Вот, – избегая смотреть на нас, развязно сказал Мещеряк, – еду воевать с большевиками. Что тебе, Вася, привезти из России?

– А привези ты мне горсть русской земли, – сказал со значением Вася.

Сереза опомнился и без лишних разговоров выставил Мещеряка за дверь. На другой день тот с Лурмель съехал.

Побывал в нашем доме еще один русский, надевший немецкую форму. Любашин муж. То не было о нем ни слуху ни духу много лет, а тут расчувствовался, явился перед отъездом в Россию прощаться с дочками. Любаша его на порог не пустила. Встала в дверях, бледная, решительная, и стояла, пока тот не ушел. Назад он не вернулся, погиб в России.

А Мещеряк вернулся. И привез Васе Шершневу горсть русской земли в мешочке. Вася взял землю, поблагодарил, потом схватил Мещеряка за шиворот и спустил кубарем с лестницы.

Не жаловала русская эмиграция коллаборационистов. Презирали, при встрече не подавали руки, над Жеребковским заведением издевались. Был такой Владимир Жеребков, провозгласивший себя русским фюрером. Нет, не пошла за немцами эмиграция, хоть те и рассчитывали на это. Ведь по логике вещей нам полагалось сотрудничать с ними, с песней на устах идти мстить большевикам за все. Но то большевики, а то – Россия. Черт с ними, с большевиками, была бы жива Россия. Так думали многие. Большинство. Почти все.

У Беля я проработала до восьми месяцев и выдохлась.

День, когда я благополучно утрясла все вопросы с работой, завершился воздушной тревогой. Взревели сирены, послышались взрывы. Обычно в нашем квартале было тихо, мы никуда не прятались, а тут стало страшно. Уж очень завывало кругом и грохотало. Но в убежище никто не пошел. Весь дом собрался на втором этаже, теснились возле окон. Яркие вспышки виднелись в стороне Бианкура, где жили тетя Ляля, Татка и бабушка, где жил дядя Костя с женой, сыном и Мариной.

Грохот усиливался, дребезжало плохо вставленное окно. Потом все стихло, только виднелось далекое зарево, краснел, наливался мрачным багрянцем ночной небосвод.

Видя, как я волнуюсь, матушка решила позвонить тете Ляле на квартиру. Но все попытки оказались тщетными. Телефонистка сказала, что линии на той стороне не отвечают. Ехать сейчас было невозможно. Мы провели бессонную ночь в оупляющем бездействии.

Наутро поехали. Метро довезло нас только до Порт Сен Клу, дальше в сторону Булонь-Бианкура движения не было.

Выходим наружу, идем пешком. На пропускных пунктах наряды полиции. Подходим к полицейскому, просим пропустить.

– Нельзя! – рявкает он и отворачивается.

Тогда в ответ начинаю орать я. Нервы, что ли, сдали?

– Как это нельзя? Как это нельзя? У меня там мать, бабушка, сестры! А вот я у вас на посту рожу сейчас! Что вы тогда будете делать?

Один из фликов мотаает головой: такая перспектива его не устраивает.

– Ладно, уж. Проходите. Быстро.

Проходим. До нашего дома еще далеко, а на улицах пока все в порядке. Только нет ни автомобилей, ни прохожих. Как во времена Великого Исхода.

Это началось дальше. Опущенные гофрированные жалюзи на витринах вздуты, как огромные животы, тротуары усеяны битым стеклом. Переливаются, сверкают на солнце осколки. Но разрушений нет. Пока нет. Хряп, хряп – хрустит под ногами.

Сворачиваем на нашу улицу. Она бесконечна. А вот и первые разрушения. Снаряд угодил в наш любимый кинотеатр. Остановливаясь, смотрю на развороченные кресла, зияющее вместо крыши небо и целехонький, совершенно неуместный среди битого кирпича и дыма, экран.

Идем дальше. Вдруг Сережа забегает вперед и становится у меня на дороге. Я тянусь поверх его плеча, но ничего не вижу. Вернее, вижу издали верхушки платанов, что растут в пассаже между теткинским и маминым домом. Но одного не могу понять. Раньше их не было видно, а теперь видно. Мамин дом высокий, семиэтажный, платаны никогда из-за него не выглядывали, да еще так, чтобы до половины. Не могли же они так вырасти за неделю. Но сознание уже сработало, уже дошло. Это разрушен мамин дом!

– Мама! – кричу я. – Мама! – и рвусь из Серезиных рук.

У него зрачки – точки. Он ни слова не может вымолвить. Он тащит меня к скамейке на бульваре, усаживает силком, но я сопротивляюсь, рвусь неизвестно куда.

– Наташа! Наташа! – трясет он меня, чтобы я опомнилась. – Что ты? Что ты? Мамы там нет! Мама давно умерла.

И пелена минутного сумасшествия отступает. Да, мама умерла. Полтора года назад мы тихо схоронили ее на кладбище в Бианкуре, и когда шли обратно по главной аллее мимо мраморных ангелов и пышно цветущих хризантем, я подняла голову и посмотрела на окно нашей бывшей квартиры в отеле «Гортензия». Показалось, будто за стеклом кто-то стоит. Там и вправду кто-то стоял. Окно открылось, чья-то рука встряхнула над улицей белую салфетку. Обозначилось светлое пятно лица. Но это была другая женщина.

Серезин голос заставил меня очнуться.

– Ты можешь идти дальше?

Я поднялась. Мы пришли к дому и увидели груды развалин. Одну половину дома будто срезало, и лестница висела сама по себе. Стояли машины с красными крестами, среди руин копошились люди, кого-то несли на носилках. Я хотела спросить – кого? Но Сережа быстро провел меня в пассаж. Там, целехонький, стоял теткин дом. Только стекла из всех окон повывлетали.

Лифт не работал. Мы поднялись и нашли всех живыми и здоровыми. В самом начале тревоги они успели спуститься в убежище и просидели там до утра.

Так англичане разбомбили заводы Рено, полным ходом работавшие на немцев. Так они испортили им какой-то праздник. Но заводы со всех сторон были окружены жилыми домами. Многие из них были разрушены, погибло много людей. А я во второй раз пережила мамину смерть.

11

*Выход найден. – «Кролики». – Иду рожать. –
Прощание с Милей*

Подобрав подол рясы, чтобы не оступиться на лестнице, матушка спускалась вниз. Сердитая, с поджатыми губами. Мы с Сережей поднимались навстречу, на третий этаж. На середине пролета матушка остановилась, обернулась к стоящим наверху с виноватыми лицами отцу Дмитрию, Юре и Софочке.

– Это нехорошо. Это неправильно. Это... нельзя так!

Расстроенный Юра прижимал руки к груди:

– Но, мама, что мы можем сделать?

– Вы умные – думайте. На то голова.

И побежала дальше с ворчанием: «Что мы можем сделать?» На нас она даже не глянула. Мы поднялись, Сережа спросил, что происходит. Юра безнадежно махнул рукой, Софочка заплакала.

– Ах, вы не знаете... Это такой ужас! Этих несчастных людей начали вывозить в Германию. Грузят в товарные вагоны, как скот, и везут. Господи, за что нам, евреям, такая мука!

Софочка была православная еврейка.

Отец Дмитрий молчал, уставившись в пол. Серdito поглядывая на нас, заговорил Юра.

– Мама считает себя всемогущей. Хочет помешать немцам. Но какие у нас возможности? Что мы можем сделать?

– Что можно – делаем, – перебил отец Дмитрий.

Мы с Сережей знали, что матушка и отец Дмитрий помогали переправлять людей в свободную зону.

– Бедные, бедные люди, – понурая, печальная, приговаривала, ни к кому не обращаясь, Софочка, – вот уж поистине – гонимые, – и пошла вниз следом за убежавшей матушкой.

– Софья Вениаминовна, – спросил Сережа, – а вас не тревожат?

– Так я же крещеная.

Юра и отец Дмитрий переглянулись. Строгий и сосредоточенный, отец Дмитрий тоже начал спускаться, а Юра смотрел ему вслед. Он даже забыл откинуть падающую на лоб прядь светло-русых волос. И вдруг сорвался с места, побежал догонять, прыгая через две ступеньки.

– Осторожно, Юра! – страдальчески вскричала Софочка и засеменяла следом.

Мы поднялись и наткнулись на Данилу Ермолаевича. Он стоял у двери в комнату Юры. Смотрел неодобрительно, хмуро. Неодобрение относилось к только что произошедшей сцене.

– Ох, – крутил крупной головой Данила, – и сами впутаются и мальчишку впутают. Евреев спасать... Да кто спорит – надо спасать! Но не с нашими же силенками!

Повернулся и, ссутулившись, ушел в комнату и плотно прикрыл дверь.

Но история эта имела продолжение. С промелькнувшей догадки, не задумываясь о последствиях, отец Дмитрий стал крестить в нашей церкви евреев. Им выдавали свидетельства, датированные прошлыми, довоенными годами. Свидетельства, разумеется, были липовые, но об этом никто не думал. Речь шла о спасении жизни, предаваться размышлениям, правильно это или не правильно, просто не было времени.

По разработанному уже вне дома плану, по проторенным маршрутам крещеные евреи переходили в свободную зону. Скольким людям при этом удалось избежать газовой камеры, неизвестно. Их никто не считал. Но я думаю, многим. За полтора-то года!

По-настоящему крестились далеко не все. Раз под вечер ко мне постучала маленькая сгорбленная старушка-еврейка.

– Скажите, здесь живет русский православный батюшка?

Отец Дмитрий был внизу, в столовой. Я вызвалась ее проводить.

– И как это вас угораздило? – поглядывала на мой живот старушка.

– Что делать, так получилось, – смутилась я.

– Верно, верно, – кивала она, – Бог не спрашивает – война, не война. Бог велит – будешь родить.

Мы отыскали отца Дмитрия, я хотела уйти, но старушка почему-то не отпускала мою руку, вцепилась в локоть, а вырваться было неудобно. Оказывается, она пришла узнать, станут ли ее при выдаче свидетельства крестить по-настоящему, а ей этого явно не хотелось.

– Дети уговаривают, а я сомневаюсь. Стара я уже веру менять.

Часто моргая, смотрела на отца Дмитрия с надеждой, с испугом, с тоской.

– Голубушка вы моя, – взял ее руку отец Дмитрий, – никто вас насильно крестить не станет. Мы выдадим вам бумагу, и вы сможете спрятаться всей семьей где-нибудь в провинции. Вот и все. И пусть завтра ваши дети приходят, мы все сделаем по-божески.

– А мне можно не приходиться? – качала она головой, как маленькая.

– Можете не приходиться. Зачем вам лишний раз беспокоиться?

Вдвоем с отцом Дмитрием мы проводили ее через черный ход, и она побрела, маленькая, седая, понесла куда-то свой страх, свою веру, свое достоинство.

– Нагорит вам когда-нибудь за это, – вырвалось у меня.

– Нагорит. Уж как пить дать нагорит, – невесело отозвался отец Дмитрий. – А вы можете предложить что-нибудь другое?

Что я могла ему предложить?

Иной раз он просил Сережу стать крестным отцом совершенно незнакомых взрослых людей, решивших действительно перейти в православие. Были крестники и у Пьянова, и у Юры, и у Константина Мочульского. Дай Бог, если эта скромная помощь помогла им избежать концентрационного лагеря.

По какому-то случаю искала матушку и нашла ее в канцелярии. Она стояла возле карты и передвигала булавки, отмечая линию фронта. Я встала за ее спиной, не сводя глаз с неторопливо двигающейся руки. Иной раз палец ее замирал, она вела им сверху вниз, заглядывала в бумажку, сверялась, уточняла и втыкала булавку. Дела у наших шли плохо. Я не выдержала тишины.

– Боже мой, сколько они уже прошли, сколько уже забрали!

Матушка обернулась, притянула меня к себе, поставила перед картой.

– Много забрали... Неужели ты думаешь, что у них хватит сил на все это? – она обвела контур огромной страны. – Захлебнутся, увязнут. Разве можно поработить Россию! И ты верь. Их все равно прогонят.

А жизнь в Париже с каждым днем становилась все хуже и хуже. Знакомые при встрече вместо «здрасьте» спрашивали: «Что продаете?» Спекулянты подсовывали негодный товар. На черном рынке Татка купила брусок сливочного масла килограммов на пять, чтобы потом разделить между своими. На пробу масло было как масло, но внутри мы обнаружили пакет с песком.

А я сама! Возвращаясь однажды от доктора, зашла на всякий случай в мясную лавку и наткнулась на кроликов. На толстеньких, свеженьких, только что забитых кроликов. Они в ряд лежали на прилавке, и не было здесь ни толкучки, ни очереди. Я решила купить кроликов для всего дома. Деньги у меня были. Быстренько сторговалась с лавочником, взяла пять штук и с драгоценной ношей помчалась домой.

Дома, на пороге кухни, попалась одна из старушек. Я крикнула ей, туговатой на ухо, потрясая сумкой:

– Кролики! Представляете, на ужин кролики!

Старушка всплеснула руками и засеменила прочь с радостной вестью. Я ворвалась в кухню и взгромоздила на стол добычу. Сережа так и подпрыгнул:

– Елки зеленые! Кролики! Где ты взяла?

И тут же вытолкал меня за дверь, чтобы не путалась под ногами, не мешала священнодействовать. Слышала, как он забежал, загремел кастрюлями. Я ушла с чувством хорошо выполненного долга. Подняться не успела. Снизу крикнули:

– Наташа! Наташа! Сергей Николаевич зовет!

Вернулась обратно. В кухне Сережа сокрушенно разглядывал моих кроликов.

– Что ты принесла?! – спросил он страшным шепотом и перевернул одного.

Мать честная! У толстенького, аппетитного кролика обнаружился длинный кошачий хвост. Мне чуть дурно не стало. А еще, как на грех, в кухню вошла матушка.

– У нас, говорят, сегодня кролики?

– Кролики? – тем же страшным голосом прошипел Сережа. – Полюбуйтесь! Кошки!

Матушка поправила очки и склонилась над моей покупкой.

– С чего вы взяли, Сергей Николаевич, что это кошки?

– А это что? – схватил он предательскую тушку и потряс ею в воздухе. Ободранный хвост заходил, как живой. Матушка опасно следила за движениями этого хвоста.

– Давайте рассуждать здраво, – вздохнула она, – хвост только у этой. У остальных никаких хвостов нет. Значит, подсунули одну кошку, а остальные – кролики.

– Они такие же кролики, как я – китайский мандарин. – Сереже уже не терпелось, чтобы непременно восторжествовала истина. – Смотрите, у настоящего кролика должны остаться не ободранной лапка, а здесь? Пожалуйста, все лапки отрезаны.

– Ну, это ничего не значит, лапки могли отрезать по ошибке.

Сережа с сомнением посмотрел на матушку.

– Вы что же, станете есть этих «кроликов»?

Матушка жалобно посмотрела на него.

– Это кролики, Сергей Николаевич, уверяю вас, кролики. Не разочаруйте нас. Месяц сидим на одной репе. А пока подрастет Данилин поросенок, мы же ноги протянем. Я уверена – это кролики. Эту надо убрать, – она несмело показала на хвост, – а остальное... стряпайте и ни о чем не думайте.

После ужина старушки приходили благодарить Сережу. Все в голос уверяли, что таких вкусных кроликов отродясь не ели. Не знаю, как матушка, а мы в тот вечер легли спать голодными. А я еще и всплакнула от разочарования, от жалости к убиенным кошкам. Бедные, бедные *minoux chéris*.

Да, жизнь в Париже с каждым днем становилась все хуже и хуже. Но люди становились смелее. Зародилось, ширилось Соппротивление. На Лурмель стало приходиться больше народу. Не столько в церковь, сколько потолкаться во дворе, узнать новости из достоверного источника. Я часто заставала Юру или матушку, окруженных молчаливым кольцом внимательных слушателей. Происходящего в нашем доме было вполне достаточно, чтобы вызвать лютой гнев оккупантов. Но пока, как говорится, Бог милывал.

29 апреля 1942 года я почувствовала себя плохо. Началось это в середине дня. Помалкивала, прислушивалась к себе. Вдруг только кажется. Но время пришло, дитя запросилось вон. После комендантского часа опоясало болью, рвануло вниз и почти сразу отпустило. И, как назло, взвыли сирены. Тревога!

– Ах ты, господи,– вконец расстроился Сережа,– приспичило тебе.
 – Так ведь они не спрашивают! – рассердилась я и села в полной растерянности.
 – Что же делать?
 – Может, отпустит...
 Он сел рядом, не сводя с меня глаз. Грустно улыбнулся и продекламировал:

*И изумленные народы
 Не знают, что им предпринять –
 Ложиться спать или встать?*

– Ох, нет, встать!
 У меня все было наготове, мы оделись и вышли на улицу.
 Тревожное лицо его возле моих глаз:
 – Как ты? Что ты?
 – Ничего... Давай постоим немного.
 Я глубоко вздохнула и оперлась на стену. Схватило. Потом отпустило.
 – Пошли.
 Так бы мы и добрались до госпиталя, если бы не попавшийся навстречу ажан.
 – Это что такое? Куда вас черт несет? А вот я вас арестую за хождение по городу в неположенное время! Два человека! Во время бомбежки!
 – Три. Три человека почти,– стиснула я зубы.– И плевать на бомбежку!
 Он пригляделся ко мне, испугался.
 – Бог мой! Что же делать, мадам? Я очень сожалею, но по закону военного времени я обязан вас арестовать.
 – У вас будут неприятности,– предупредила я.– Арестуете двоих, а выпустать придется троих.
 – Мадам, я ценю ваше мужество, но...
 Сережа вступил в переговоры с ажаном.
 – Хорошо,– горячился ажан,– я вас отпущу, вы пойдете, а навстречу немецкий патруль!
 Шагах в десяти прозвенело, будто кто из пригоршни высыпал железяки.
 – Вот видите,– показал он в ту сторону,– еще и это.
 Ажан сердито почесал затылок, сдвинул на глаза глянцевого козырек фуражки. Поправил, сердито посмотрел на меня.
 – Хорошо. Дальше пойдем вместе, я доведу вас до госпиталя, а потом арестую одного вашего мужа за хождение по улицам во время воздушной тревоги.
 – И комендантского часа,– напомнила я.
 – И комендантского часа! – рассвирепел ажан.
 Они подхватили меня с двух сторон, и повели дальше. До госпиталя оставалось еще два квартала. Чем ближе становилась цель, тем громче пели осколки. Казалось, сыпется прямо с неба. Тогда мужчины прижимали меня к стене дома, заслоняли и с тревогой смотрели вверх.
 В госпитале нас приняли с причитаниями: «Ай, ай, как же так, во время тревоги!» – захопотали, повели рожать. А Сережа и ажан бегом добежали до участка и всю ночь потом резались в белот, самую утешительную карточную игру во всяких непредвиденных жизненных ситуациях.

Мой ребенок появился на свет рано утром, когда только-только заголубело небо за окнами. Пожилая акушерка сказала:
 – Родилась девочка.
 Я приподняла голову:
 – Не может быть – мальчик!
 Акушерка возмутилась:

– Как это – не может быть! Что же, я, по-вашему, слепая? Пожалуйста, смотрите сами – девочка.

И поднесла к моему носу что-то красное, жалобно пищущее – мяяя! мяяя!

– Что же вы мне попкой суετε – вы личико покажите!

Акушерка засмеялась и унесла девочку к специальному столику, там стала с нею что-то делать.

Через некоторое время меня отвезли в небольшую трехместную палату, а еще через два часа сестра принесла белый сверток с выпростанными поверх пеленок ручками в бумазейных рукавичках. Сестра доверительно улыбалась:

– На редкость хороший и спокойный ребенок.

Она приложила на редкость спокойного ребенка к моей груди и ушла, а две соседки потянулись смотреть на нас. Девочка деликатно помусолила сосок, повела в никуда неопределенным взглядом и закрыла глаза.

– Она не ест! – испугалась я.

– Не бойтесь, – прошептала рыженькая, вся усыпанная веснушками, соседка, – они ее накормили. Они принесли, чтобы девочка сразу привыкала к груди.

Позже сестра забрала ребенка и уложила в колыбельку в ногах кровати. Это было рядом, в одной комнате, но показалось, будто отняли целое состояние.

Под вечер пришел Сережа, обидно разочарованный бесславным исходом дела. Он с таким нетерпением ждал сына. Смотрел недоверчиво и даже враждебно на крохотное создание.

– Вы странные люди, мужчины, – обиженным голосом выговаривала я, – вам подавай одних мужиков, а нам хоть на свет не рождайся.

Он стал оправдываться, согласился назвать девочку Викторией, в честь сестры, потом его попросили уйти. Я жалобно посмотрела на своих соседок.

– Это бывает, – уверяли они меня, – многие мужчины поначалу боятся новорожденных, но не хотят этого показывать. Вот увидите, ваш будет прекрасным отцом.

В госпитале я хорошо отдохнула и подкормилась. Первые дни, пока врачи не разрешали вставать, вторая соседка, еще не родившая, украдкой от сестер вынимала детей из колыбелек и приносила нам. И мы любовались на своих деток, смотрели подолгу, привыкая.

Приходили навестить нас тетя Ляля и Татка. Тетя Ляля, позабыв обо всех предостережениях, наклонялась над внучатой племянницей, приговаривала:

– Ты моя маленькая, ты моя хорошая, Ника ты моя Самофракийская!

Самофракийская сморщилась и чихнула. С легкой руки тети Ляли мы стали звать Викторию Никой.

Через две недели нас отпустили домой. Перед уходом сестра долго учила пеленать младенца.

– Смелей, смелей, – подбадривала она меня, видя, как я копаюсь.

И вдруг, к великому моему ужасу, взяла мою девочку за ножки, перевернула вниз головой, ловко подхватила за грудку и подняла.

– Вот мы какие!

На короткой шейке качалась неуверенная головка, силилась подняться и удержаться в нормальном положении.

Посреди комнаты мы поставили на двух табуретках большую бельевую корзину из ивовых прутьев. Положили внутрь заранее приготовленный тюфячок, застелили белым – получилось уютное гнездышко. Обитатели дома приходили знакомиться, и я страшно гордилась таким вниманием.

Нежданно-негаданно пришла навестить новорожденную Миля. Я думала, она давно бежала из Парижа, а оказалось – нет. Миля восхищалась Никой, нянчила, носила на руках, но была грустна.

– Какая ты счастливая, Наташа! – говорила она, не отрывая глаз от ребенка, – а я вот пришла прощаться. Боюсь дольше оставаться в Париже. Мы хотим... я и еще одна девушка, тоже еврейка, хотим перейти в свободную зону. Сейчас многие переходят. Говорят, это не так уж сложно.

Мы стали ее отговаривать.

– Попадешься. Одна, без помощи. Уж лучше тогда остаться.

– Нет, – отвергла она наши уговоры, – я решила. Раиса Яковлевна звала с собой, они где-то на севере, но мне было неловко навязываться, я не поехала. А теперь поздно... А Вилин муж погиб, знаете?

Миша не успел уступить дорогу немцу, и тот застрелил его в упор прямо на улице. Это случилось накануне отъезда Стерников.

– Вот так, – уложив Нику, села напротив меня Миля, – вот так. И пока мне не нацепили звезду, я попытаюсь уйти.

Мы предложили обратиться к матери Марии. Пусть бы ей тоже выдали свидетельство о крещении. Миля покачала головой.

– Нет, ребята. В кой вере родилась, в той и умру. Если уж суждено умереть. Да и не в этом дело. Не такая уж я верующая.

– А в чем?

Миля поднялась, походила по комнате, встала у окна. Отогнув занавеску, смотрела на улицу.

– А я не хочу ни от кого скрывать, что я – еврейка. Почему я должна это скрывать? Почему это должно быть позором, что ты – еврей? А я, например, горжусь. Да, я еврейка! И только за это меня могут убить? Пусть. Но пусть убьют еврейку. И пусть потом все, кто сейчас спокойно взирает на это, сочтут и меня в списке убитых!

– Миля, Миля, – хватался за голову Сережа, – о чем вы говорите! Что это за мысли о смерти! Если можно спастись, надо спасаться, а не рассуждать.

– К великому моему сожалению, я и спасаюсь. Я для того и хочу перейти в свободную зону, чтобы спастись. Вы думаете, я их не боюсь? Я их панически боюсь. Мне даже стыдно, как я их боюсь. Но цеплять на себя звезду, молчаливо соглашаться, что я человек второго сорта, не стану. Уж лучше как Миша. Взять и не уступить дорогу.

– Ты думаешь, он сделал это специально?

– Не знаю, – упрямо смотрела она серыми, чуть выпуклыми глазами. – Не знаю. Но мог. Хоть тихоня был. И мне стыдно, что вот он – мог, а я не могу.

– Подождите, подождите! – мучительно тер лоб Сережа. – Что он выиграл? Его убили на месте – и все.

– Да, – задумчиво кивала Миля, – его убили. Но в тот момент он был человеком.

– Ну, тогда я, по-вашему, тоже должен выйти на улицу и начать орать «Гитлер – дурак» или что-нибудь в этом роде?

– Нет, вы не должны этого делать, Сережа, вы не имеете права.

– Почему?

– У вас маленький ребенок.

– Ага, значит, по-вашему, у меня появился заслон, ширма! Только поэтому я не имею права на протест. И что же, именно для этого мы и родили ребенка?

Они кололи друг друга сердитыми взглядами, а я молчала и боялась только одного, как бы сгоряча Сережа не побежал на улицу и не начал кричать «Гитлер – дурак!». С него могло стать. Он продолжал:

– И что же, и что же, по-вашему, Миля, выходит – мать Мария и отец Дмитрий не должны делать того, что они делают?

– Нет, почему же, пусть. Они делают благое дело. Господи, да они хоть что-то делают! Пусть крестят понарошку, раз нет иного выхода. Для себя я этого не приемлю, но если таким образом можно кого-то спасти – пусть. Но это компромисс. Вы согласны с этим? Согласны?

– Согласен, – подтвердил Сережа.

– Но вы согласны, что частным компромиссом нельзя спасти целый народ, если другой народ решил его уничтожить, а остальные народы дают молчаливое согласие на это уничтожение?

– Да нет же, Миля, что вы, не так.

– Бросьте, Сережа, бросьте, именно так. Иначе бы не бегала я, как трусливый заяц. И давайте перестанем, мы все равно ничего не решим.

Она собралась уходить. Достала из сумочки гребенку, расчесала пышные волосы, рассыпанные по плечам. Достала зеркальце, посмотрелась. Наверное, ей доставляло удовольствие смотреть на свое отражение, на чистое лицо, на густые с атласным отливом брови. Потом она сложила все обратно, откинула на кровать сумочку, обхватила скрещенными пальцами коленку и стала покачиваться, мечтательно улыбаясь.

– Вот кончится война... Если все будет хорошо, уеду в Палестину. Там у меня старшая сестра. Там очень трудно, но там своя земля. Я это теперь хорошо понимаю, что значит своя земля. А раньше смеялась, – тряхнула кудрями. – Не бойтесь за меня, все будет хорошо. Я чувствую, все будет хорошо. Мы обязательно встретимся после войны, – и заметив, что Ника лежит с открытыми глазами, наклонилась к ней. – Дай-ка я тебя еще подержу. Иди сюда, моя маленькая, иди сюда, моя хорошая... А мокрая! И молчит. И лежит себе. Ну-ка снимай свои пеленки, ишь, намотано. Вот так, вот так. Так-то лучше. А мать твоя удивляется, откуда это Миля так хорошо знает, как надо пеленать таких хороших маленьких. А у Мили братиков и сестричек было мал-мала пять.

– Где они, Миля? – осторожно спросила я.

– Старшая в Палестине, я говорила, а остальные в Вильне, – нахмурилась, прижалась лицом к ребенку и заходила по комнате.

Мы расстались, пообещав друг другу непременно встретиться после войны.

(Продолжение следует)

ПОЭЗИЯ

Признание

Алексей КИРДЯНОВ

Алексей Кирдянов (родился в 1967 году в Ташкенте) – поэт, прозаик, литературный критик, журналист. Окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище противовоздушной обороны в 1988 г. и служил в Московском военном округе до 1993 г. Затем, вернувшись в Ташкент, работал методистом Учебно-научного центра «Корчалон». В настоящее время работает обозревателем газеты «Вечерний Ташкент».

А.Кирдянов – автор стихотворных сборников «Ночь» (1996 г.), «Классическая роза», «Такая любовь» (2007 г.) и других. Обладатель призов зрительских симпатий (Ленинград, 1988 г. и Ташкент, 1995 г.), член Союза российских писателей.

* * *

Вновь потеряна страница
в книге. И опять
сигаретный дым струится.
Поздно. Поздно спать.

Выбираю я невинно –
сну ли вопреки? –
сигарету, свет камина,
тьнь моей руки.

Ночью лица на портретах
трудно различать.
Потому ль, что понял это,
не желаю спать?

И опять осталось мало,
и надолго знать:

неожиданно мне стало
некого терять.

Ночь. Потеряна страница
в книге. И опять
вспоминаю милых лица,
милых... Поздно спать.

Я ВЕРНУЛСЯ

С безоблачного неба
Как солнце бьет в зрачки!
Давно в Ташкенте не был.
Где ж темные очки?

Апрель, как шаг верблюда,
здесь так нетороплив.
Цветенье – это чудо –
цветенье груш и слив!

Знакомый гул базара
напомнил детство мне.
От солнечного жара
укроюсь в чайхане.

* * *

Простор широких улиц
и людных площадей...
Тоской ко мне вернулись
мечты ташкентских дней.

Мне так хотелось роста!
Шла кругом голова...
Живу я в мире просто.
Живу не год, не два.

Да! время как-то скоро
связалось в цепь годов.
Я в свой вернулся город
из многих городов.

* * *

Холодно мне. По заснеженным улицам
глупо шататься и слушать шаги
невозвращения: зряшно сутулиться,
нервно считая ухода круги...

Я не вернусь к твоей лестничной клеточке,
к ласкам под лампочкой я не вернусь,
и к поцелуям на улице-веточке,
где не меня ты любила, а грусть.

НОЧЬ НА ВОКЗАЛЕ

От себя, неловкого, я бежал –
 занесла нелегкая на вокзал.
 Затерялся в шарканье, как пропал,
 в креселках зашарканных засыпал;
 в зеркалах задымленных я дрожал
 и бродяг без курева обижал.
 Я читал названия городов
 и друзьям названивал в глубь годов;
 отшивал бухарика – если звал,
 и калекке мелочью подавал.
 Горевал со шлюхою о судьбе,
 говорил о страхах да ворожбе.
 Хлеба корку черствую я жевал,
 газировкой чертовой запивал.

До чего ж невежливый перевал,
 где себя я прежнего узнавал!
 Жизнь мою, как зеркало, тот вокзал
 искажал, а все-таки отражал.

* * *

Давали соло на рояле,
 и лепестками роз, азалий
 усыпан струганный помост.

Мне музы праздно рассказали
 (о, трепет нот, о смоль эмали!)
 про зал, что после музык прост.

Технички в черном выметали
 Бетховена (листки азалий)
 и Шуберта (фрагменты роз).
 В пустом, как стон, концертном зале...

ПРИЗНАНИЕ

*И лишь бы жгло
 от приблизительности фальши.
 А.Пурин*

Честно ль заношу в листок
 жаркий шепот-шепоток
 темных-темных ночек?
 Не сыщу, не дам ответ –
 не разборчив почерк.

Да уж! разве разберешь,
 где там правда, где там ложь –
 в дольнике-клетушке?!
 Подозрительный на цвет –
 чай ли это? – в общем, пьешь
 из солдатской кружки...

В КИЕВЕ

Весь в плюще, смазливый, златокудрый,
о Крещатик! Вымыты под утро
мостовой гранитные таблетки...
О, в столовой – белые салфетки!..

Ты не жмись у стойки общепита!
Съешь вареник рваненький, бульоном
подзапей – не шатко, хоть не сыто...
Дверь направо, со стеклянным звоном.

Посиди под желтым капюшоном
Дерева и свежего разлива
Выпей пива. Заменя сметливо
трехрублевку розовым купоном.

Говорок приятный у днепрянок.
Винницу цветную (в девяностом
лучшая, пожалуй, из стоянок
у тебя) вспомнешь добром тостом.

Киевская осень! Три часочка
на обзор осталось. Чужестранец
здесь теперь я... Вот, в кармане глянец
синего плацкартного квиточка.

ПАРИ

На автобусной остановке,
там, где желтые фонари,
обносившийся и неловкий,
я с Фортуной держал пари:

если выкурю сигарету,
и за время, пока курю,
нищей женщине хоть монету
я на хлебушек подарю, –

значит, будущее не страшно –
и еду обрету, и кров;
значит, вышептан мной не зряшный
рой срывающихся стихов;

значит, нынче под грязью снега
расплывается грусть не зря –
в плаче пьяного человека,
в скрипе желтого фонаря...

Закурил. И стою. И вскоре,
неожиданно, со стены –
да, старушка. Нища. Во взоре –
сумасшедшие точки-сны.

Подпоясана чем-то грубо –
в поистершемся зипуне,
в рваной шали. И вот беззубо
улыбнулась... И точно – мне.

И, былую храня осанку,
прошептала вдруг: «Я – судьба!» –
мою душу как наизнанку...
Наваждение! Ворожба!..
Засмеялась потом надсадно,
искривляя в безумье рот.
И у первой исчезла парадной,
провалилась в глухой поворот.

Начинался уж ветер вьюжный...
Там, где желтые фонари,
я стоял еще долго – ненужный,
эфемерный, как то пари.

* * *

Не было муки – были тревоги.
Не было счастья – были дороги.
Не было Бога – были пророки.
Не было славы – были упреки.
Не было жизни? – Было. Немного.

(НЕОКОНЧЕННОЕ)

Вкусно пахнет жареной картошкой
в коридоре, где рядами двери...
Все соседи заняты киношкой,
сорвались со службы-то к премьере!

Щиплет нервы голосок *рабыни*.
Не сокрыть шумов стене-фанере.
Слышно всё: Адам, забыв о сыне,
пристает к жене своей, Венере...

О, общага – толика уюта!
И... замок заклинил мой на двери...
(Как в стихах плохих обернута –
всё некстати, вдруг, и не в размере.).

Насирулло МИРКУРБАНОВ,
Председатель Ташкентского объединения преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ТГПУ имени Низами, профессор.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

*«Трудно говорить о Чехове – он слишком велик,
слишком многогранен, чтобы его можно было измерить»
(О'Кейси Шон, ирландский драматург)*

Известно, что величие писателя, его место и роль в истории литературы определяются не только многотомными собраниями сочинений и местом в школьном курсе литературы. На нашей памяти не раз корректировался список имён и многочисленных литературных произведений, допущенных в школьные и вузовские аудитории. По настоящему величие писателя определяется всё-таки глубиной прочерченного им следа в истории отечественной и мировой словесности, силой и действенностью исходящего от его творчества толчка, способного ускорить и даже в какой-то мере изменить темп и направление литературного движения. Сказанное выше имеет самое прямое отношение к имени и творчеству великого русского писателя Антона Павловича Чехова

Сегодня нет пожалуй ни одной литературы на Западе и Востоке, которая не испытала бы на себе влияние чеховской драматургии, чеховской прозы. Кажущаяся простота и акварельная прозрачность чеховской манеры проникновения во внутренний мир персонажей, напряженность и интенсивность художественной мысли при предельной экономии художественных средств – является эталонной высотой для всех, кто берется за перо.

Считается бесспорным, что Чехов осуществил революцию в театральном искусстве. К примеру, известный французский драматург Александр

Лапу сказал о Чехове: «Большая часть нашей драматургии обязана ему своим эмоциональным своеобразием, неожиданным звучанием, своей особой — сложной и вместе с тем уверенной — манерой проникновения во внутренний мир персонажей».¹

Символика чеховских произведений, не только драматургических, выводит его творения из национальных рамок на общечеловеческий уровень, на уровень мировой культуры.

Японцы, к примеру, отмечают некую условную отстраненность Чехова от своих текстов и усматривают в этом нечто похожее на медитацию. Им близок Чехов, наблюдающий вечность. Центральный символ пьесы «Вишневый сад» оказался органичным и понятным носителям японской культуры. Выдающийся японский философ, поэт и критик Дайсаку Икеда пишет: «Я думаю, это чистое и невинное прошлое, символически запечатленное в белоснежных лепестках вишни, и одновременно это символ смерти»². В откровении Икеды целый мир ощущений и особенностей мировосприятия японцев, ежегодно наблюдающих бурное цветение сакуры и опадание неповторимых по своей красоте её лепестков. Цвет сакуры не продолжает жизнь, а являет миру божественную красоту рождения и торжественное очарование ухода из жизни, вызывая в сердцах японцев элегическую грусть. Повторюсь. Тяга японцев к творчеству Чехова, его писательской личности органична. Она связана с их художественной натурой, их эстетическими представлениями о прекрасном.

Японский поэт Асахи Суэсико в своей книге «Мой Чехов», опубликованной в 1974 году, помещает стихи, написанные им ещё в юности:

*Ноябрьская ночь.
Антон Чехов читаю.
От изумления немею.*

Плененный прелестью чеховского рассказа «Шуточка», известный писатель Ито Сэй находит в нем нечто японское. В эссе «Очарование Чехова» он объясняет, почему эта лирическая миниатюра с грустной развязкой стала одним из его самых любимых произведений: «В предельно естественной и простой, как будто даже и не реалистической манере писатель изображает человеческие радости и печали, причем дает, только их наиболее существенный штрих. В этом очарование Чехова. Такие простота и ясность доступны лишь гению».³

Чехов не искал источников вдохновения в сфере исключительного, напротив, он находит лирику в обыденности. Это очень роднит Антона Павловича с японской классикой с ее особым вниманием к повседневности: в любой мелочи, как в капле росы, может отразиться целый мир. Ведь Япония — родина самого короткого в мире стихотворного жанра — хокку: трехстишие, которое, как они говорят, вмещает в себя Вселенную.

Новеллистическое искусство русского писателя вполне согласовалось с японской художественной традицией. Писатель Дзиндзай Киёси, говоря о характере влияния Чехова на японскую литературу, сравнивает его с «каплей дождя, незаметно впитывающейся в землю». Химический состав этой «капли» был органичен для воспринимающей его почвы.

Независимо от возраста и национальности, каждый найдёт в произведениях Чехова отголоски своего собственного опыта, пережитых или только ожидаемых чувств. Творчество писателя становится своего рода матри-

¹ Цитируется по: Затонский Д. Вклад Чехова // Иностранная литература, 1980, №5. — С.173

² Цитируется по: Рехо К. Наш современник Чехов: обзор работ японских литературоведов // Литературное обозрение. - 1983. - № 10. - С.27

³ Рехо К. Почему японцы любят Чехова? // Япония сегодня. <http://ricolor.org/rz/iaponia/jr/cu/3/>

цей, куда каждый вкладывает свой опыт, свое понимание и мироощущение. Вероятно, этим в какой-то мере можно объяснить его всё возрастающую популярность в мире, а также восприятие Чехова как писателя, которого не обязательно понимать, а достаточно чувствовать.

Западный человек иногда воспринимает творчество Чехова как нигилистическое отрицание всего: повседневности, личности, судьбы. В этом, как ему кажется, и заключается это необъяснимое, неуловимое, но такое притягательное, манящее понятие как русская душа, русский характер, русское бытие, словом – русскость.

Примеров, иллюстрирующих сложную вовлеченность творчества Чехова в контекст смены культурных парадигм на рубеже веков, бесчисленное множество. Но в небольшой статье нет возможности подробно и детально останавливаться на чрезвычайно богатом материале воздействия чеховского гения на мировой литературный процесс. Обозначим кратко лишь некоторые аспекты восприятия его творчества в XX веке на Западе. «Впервые, читая роман Достоевского, или знакомясь с пьесой Чехова, — писал Т.С.Элиот, — мы оказываемся... заинтересованными, прежде всего причудливым складом души русских людей; но потом мы начинаем понимать, что перед нами всего лишь необычный способ выражения тех мыслей и чувств, которые мы все испытываем и знаем».⁴

Известно, что на рубеже XIX-XX веков, в переходный период, малые формы прозы потеснили монументальный роман, но этап начался и кончился, а Чехов остался. Его влияние на литературу в XX веке — после того как роман восстановил свои позиции — не упало; напротив, оно возросло.⁵

Сегодня уже естественными и само собою разумеющимися выглядят в нашем столетии чеховское художественное направление и чеховская манера письма. Взять хотя бы французского писателя Марселя Арлана и его рассказ «Близость». Стареющие муж и жена. В веренице дней, похожих один на другой, муж не заметил, как всё в них изменилось. Взглянув однажды на жену, он обнаружил, что она стала чужой: «...пустой взгляд, усталый рот, ссутулившиеся плечи». Ему не по себе, и он уходит побродить по ночному лесу, а, возвращаясь, видит человека, который стоит и смотрит на их ничем не примечательный дом. И чувство близости к жене, опирающееся на все совместно прожитое и пережитое, внезапно вернулось. Он пытается объяснить ей про человека, глядевшего на свет их окон, но не находит слов, а она никак не может понять его, и тут он беспомощно заканчивает разговор: «Нет, нет! Но ведь... но ведь это же чудесно...» И сюжет, и интонация, и подтекст, и весь повествовательный строй здесь типично чеховские.

Меньше чеховских аксессуаров и больше чеховского духа в рассказе другого французского писателя, Эжена Даби «Человек и собака». Старик-каменщик приютил бездомного пса. Пес понравился маленькой девочке, живущей в вилле по соседству с его работой. И старик отдал пса, потому что пес привязался к девочке и потому что у богатых ему будет лучше. Но каменщик тоскует, чувствует себя еще более одиноким и неустроенным. За скупыми строками незамысловатой, построенной на полутонах истории проглядывают дали. Ведь тут соприкасаются и тотчас расходятся два чуждых, несоединимых мира.

Думается, что многие из чеховских художественных уроков воспринимаются порой как правила самой литературы потому, что они уже усвоены и стали сегодня чем-то чуть ли не повсеместно принятым.

⁴ Цитируется по: Затонский Д. Художественные ориентиры XX века (Вклад Чехова, или Искусство современной прозы); http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/zaton/03.php

⁵ Рубеж XX-XXI веков в русской литературе также отмечен сдачей позиций большой прозой, в частности романом, в пользу малых жанровых форм. Многие критики считали новеллистику эстетически ключевым жанром словесности этого периода. Единственное отличие – конец XX века не подарил миру писателя, равного по таланту Чехову.

Конец XX века с особой силой дал почувствовать огромному числу людей трагическую бессмысленность той жизни, которую им пришлось и приходится вести. Новое поколение молодых людей в конце XX столетия впадали в отчаяние, из-за невозможности отыскать позитивный смысл в окружающем их мире, из-за потери ориентиров в связи с разрушением старых ценностей и традиций, дискредитации новых и отсутствия мировоззренческой рефлексии. И в это время оказалось, что творчество Чехова чрезвычайно созвучно эпохе. Уныние и неопределенность бытия, тревожившие героев писателя, унисонировало настроениям некоторой части молодых людей, стоявших на пороге третьего тысячелетия. Появляется целый пласт литературы, не герои, а персонажи которой, испытывают чувство безысходности и одиночества, непонимания себя и других, ощущение внутренней дисгармонии.

Типологические схождения с чеховским творчеством отмечают многие исследователи в произведениях Сергея Довлатова, Людмилы Петрушевской, Владимира Маканина и многих других. Проза этих авторов поворачивает читателя к реальному, а не мнимому смыслу бытия, к тому же она принципиально антиидеологична. Отвергая стереотипы и мифологемы литературы недавнего прошлого, современные писатели погружают своих героев в сферу быта, со всеми его подробностями и проблемами

Особенно показательна в этом отношении так называемая «литература двадцатилетних». В рассказах и повестях Ирины Денежкиной, Лилии Ким, Марины Кошкиной, Сергея Чередниченко и других очень явно ощущается «чеховское присутствие».

Обнаруживается это «присутствие» и в творчестве Андрея Геласимова, довольно известного современного русского прозаика, объявленного в 2005 году во Франции лучшим писателем года, а в ушедшем 2009 – получившего уже в Москве – премию «Национальный бестселлер» за роман «Степные боги»⁶.

Среди своих литературных учителей он называет Уильяма Фолкнера, Иосифа Бродского и Эрнеста Хемингуэя, как видите, Чехова в этом списке нет, но в романе «Год обмана», вышедшем из печати в 2003 году отсылки к Чехову очевидны. В рамках романа, как на театральной сцене, на определенный отрезок времени соединяются шесть персонажей, из них четыре главных: Михаил, Павел Петрович, его сын Сергей и девушка Марина, в которую влюблены Сергей и Михаил. Как и у Чехова, здесь нет хороших и плохих: все приличные люди, но у каждого в душе драма, каждый одинок, каждый вынужден лгать, чтобы приноровиться к другому, и каждый ищет любви как спасения. Это дало возможность известному критику Жанне Голенко заметить: «Три вопроса, три проблемы, каждая из которых, если четко сформулировать, уже знакома или как книга, или как документальный фильм, или как телесериал: “Легко ли быть молодым?”, “Отцы и дети”, “Богатые тоже плачут” решаются автором на легкой, но упругой волне иронии и игры, в контексте самого что ни на есть сегодняшнего»⁷

Вспомним известную мысль Чехова о том, что человек должен по капле выдавливать из себя раба, того самого маленького человека. Однако в некоторых его произведениях явно проходит и мысль, что пустота, оставшаяся после раба, снова может заполниться рабом.

Писатель старшего поколения Владимир Маканин в своих произведениях, очень убедительно показывает, что с современным человеком так и произошло. Став свободным, казалось бы, человек должен был перестать быть маленьким. Но по Маканину – современный человек, получив свобо-

⁶ Писатель известен широкой публике по многосерийному фильму, снятому по его роману «Дом на Озёрной», и показанному по российскому телевидению.

⁷ Ж.Голенко. Читать модно.// Вопросы литературы. -2004, – №5.– С.97

ду, снова обмельчал: свобода для него – это право иметь всё, но без обязательств и ответственности. В отличие от Чехова, который верил в человека и его будущее, Маканин и современная проза не строят иллюзий и не утешают читателей. Человек никогда не избавится от своего рабского состояния – утверждает современная проза. В этом отражается кризис гуманизма, а его как раз и олицетворял собой Чехов на излёте XIX в начале XX века.

И всё-таки в произведениях Чехова торжествует жизнь. В этом смысле вполне резонно считать Чехова предтечей мирового экзистенциализма. Писатель призывает человека ценить то, что ему даровано, и сожалеет о том, что люди не в состоянии распорядиться богатством, оказавшимся в их руках: своей жизнью, своим существованием на земле.

Герой пьесы «Безотцовщина» Платонов, «раздавленный, приплюснутый, скомканный» размышляет о самоубийстве, но в конце (Кладет револьвер на стол.) Жить хочется. (Садится на диван.) Жить хочется»

И сквозь выстрелы, звучащие в чеховских рассказах, повестях, пьесах («Володя», «Дуэль», «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры»), постоянно прорывается этот мотив – жить хочется. Несмотря ни на что!

Герой повести «Три года» Ярцев признается собеседнику: «Никакая философия не может примирить меня со смертью, и я смотрю на нее просто как на погибель. Жить хочется <...> Жизнь, голубчик, коротка, и надо прожить ее получше».

Исследователи творчества Чехова отмечают, что сказано это было задолго до хрестоматийной фразы из романа Николая Островского «Как закалялась сталь».

В чеховской концепции жизни нет безысходности. Это ярко демонстрируют финалы его произведений, которые открыты не только потому, что в них продолжается прежняя жизнь, но и потому что просто – жизнь продолжается. И именно та самая жизнь, «обустроить» которую призван сам человек.⁸ А для этого надо просто настроиться...

Вспомним как в одной из своих изумительных миниатюр «Жизнь прекрасна!»(1885г.), Чехов замечает: «Жизнь – пренеприятная штука, но сделать её приятной очень нетрудно... Для того, чтобы ощущать в себе счастье без перерыва даже в минуты скорби и печали нужно: а) уметь довольствоваться настоящим и б) радоваться сознанию, что «могло быть и хуже».⁹

И не исключено, что даже известная песенка Боба Марли «Don't Worry, Be Happy», тоже несет в себе определенный, так сказать, «чеховский заряд», звучащий в переводе с английского на современном молодёжном сленге примерно как: « не парься – могло быть и хуже».

⁸ Подробнее об этом смотри: Л.Е. Кройчик. Концепция жизни в произведениях А.П. Чехова, Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2004, №2.

www.jour.vsu.ru/personal-page.php?id=63

⁹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т., М., 1974 – 1983. – Т. 3. – С. 235.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Николай ИЛЬИН,

зав. отделом научно-методического журнала
«Преподавание языка и литературы»,
кандидат педагогических наук

«ТЕНЬ ПОРХАЮЩЕГО ЛИСТА»

(Своеобразии поэтического мира Гузаль Бегим)

Гузаль Бегим – современная узбекская поэтесса, автор нескольких поэтических сборников. Творчество ее еще мало знакомо русскоязычному читателю, хотя имеются уже переводы отдельных ее стихотворений на русский язык, и она неоднократно выступала перед русскоязычной аудиторией, как например, на Ташкентском открытом фестивале поэзии и на поэтических вечерах в музее Сергея Есенина.

Поэтесса родилась в Кушкупирском районе Хорезмской области Узбекистана, выросла в самой глубинке национальной жизни, которая сформировала ее своеобразное понимание человеческого бытия и дала первые представления о мире поэтического слова. Любовь к этому слову и определила выбор жизненного пути Гузаль Бегим, которая стала профессиональным филологом (ныне она работает в детском узбекском журнале «Гунча») и прежде всего – поэтом.

В ее творчестве преобладают пейзажная, философская и любовная лирика.

Поэзия возвышенных чувств, растворенности в природе, обнаружения красоты и значимости осуществления самых обычных бытовых действий на фоне восточного пейзажа очень характерна для творчества Гузаль Бегим. Здесь моделью самого мироздания оказывается традиционный восточный двор, где берег арыка таинственно превращается в берег далекой реки (Белого Иддила), а привычный в быту райхон наделяется сказочным ароматом.

Двор, обнесенный забором или дувалом, оказывается открытым небу, деревья ассоциируются со всем живым в этом мире и садик расширяется до масштабов рощи, арык – до реки и даже моря, дом – до образца разумно устроенной и упорядоченной вселенной.

Та же летняя кухня во дворе, с ее притягательной бытовой силой, становится центром некоего почти языческого действия, где разведение огня для утреннего приготовления пищи напоминает черты обряда огнепоклонников.

*Мать не спеша подкладывала дрова
я же вдохнув аромат райхона
сорвала бесконечную ночь*

Поэзия Гузаль Бегим глубоко лирична и романтична. Такого рода романтической поэзии присущ субъективизм, скрытая или явная личность. Так уже в рассматриваемом стихотворении «В тандыре огонь разводила мать...» наряду с легко постигаемой мифологической символикой (например, птицы Хаккуш как некоего эквивалента значимости переживания и истинности момента) мы находим «всплеск Белого Иддила» – притока Волги, появление которого в тексте объяснимо, прежде всего, тем, что мать поэтессы, которой посвящено стихотворение, родом из этих мест.

В стихотворениях такого плана обильно присутствуют, с одной стороны, традиционные для узбекской и всей восточной литературы мотивы и образы, где небо и луна, цветы и деревья имеют характерную символику, пробуждают или аккомпанируют чувствам и состояниям лирического персонажа:

*Не нарадуюсь я
если рядом трепещут листья*

*и птицы поют
я начинаю менять свой голос*

Многие стилистические особенности поэтических текстов, их метафорический строй и ряд уходят корнями в классическое начало. Здесь очевидна преемственность и глубокое усвоение литературы предшественников от поэзии Алишера Навои и его последователей до авторов XX столетия. В этом аспекте характерно наличие мифологических и сказочных образов (птицы Хаккуш и Какнус), коранических символов и понятий (день Кадар, гурии рая, Кыбла) и традиционный состав поэтизмов и словообразов восточной поэтики (цветок, осень, весна, птица в их характерной интерпретации). Целый ряд метафор, сравнений и параллелизмов имеют своим истоком то же классическое начало. Так, например, в стихотворении «Стихи, прочитанные воздуху» мы встречаем метафору «жароқатлар тутуни осмонга Фрлар» («поднимается дым ран в небеса»), которая характерна для иранских и тюркских образцов классической газели. Или в стихотворении «След рассвета» «фисларим ийманиб // гулнинг ор» асига Фтиб кетади // тонгнинг о»лигини ушлаганимда» («чувство неловкости приходит за цветок, когда я удерживаю белизну рассвета») – с традиционным в восточной лирике мотивом смущенности «просто красивого» перед совершенством.

Вместе с тем стихи Гузаль Бегим знаменуют новое поэтическое время, они во многих отношениях нетрадиционны и новаторские. При этом можно заметить и то, что любовная тематика отнюдь не доминирует в творчестве рассматриваемой поэтессы, ее лирику никак не отнесешь к опусам пресловутой «женской поэзии», где бесконечное воспевание любовных страстей зачастую имеет своим источником как раз их отсутствие в реальной жизни.

Ее стихотворения лишены рифмы, привычной двустрочной или четырехстрочной строфики (преобладает трехстишие), весьма свободны они и в плане ритмическом, даже с учетом присущей узбекской литературе вольности силлабики.

Трехстишья поэтессы это отнюдь не следование известному и ныне довольно модному японскому образцу, хотя сама поэтесса не отрицает своей симпатии к этим стихам. Но если о своеобразной (возможно, весьма невольной) стилистической и стихопостроенческой переключке можно говорить, еще имея в виду такой цикл стихотворений, как «Россыпь», то это уже совершенно невозможно по отношению к стихам с сильно ощутимой национально-поэтической составляющей. Похоже, что трехстишие вообще есть естественная для поэтессы форма строфики и организации ее поэтической речи.

Автор сознательно убирает в тексте знаки препинания, когда ритм и стиховые периоды, как кажется, позволяют обойтись и без них. Игра темпами, смена ритма подчас выражаются графически:

*Сизга ўхшаб яшагим келар
қорачигим ичига тушиб
Гапиргим келади оҳиста-а-а*

*Я хотела бы жить как Вы
рождать свой взгляд в глубине зрачков
говорить так неспешно ме-длен-но...*

Немало своеобразного заключено и в системе тропов. Довольно непривычны индивидуальные метонимии, основанные на сближении или смешении свойств и функций различных органов чувств (слушать цвета, вглядываться в голос): «И шла я в самую долгую ночь // глазами вслушиваясь...»; «Льется в глаза мои голос ... лунный свет...»

В изображении внутренних состояний, мгновений созерцания и слияния внутреннего мира человека с миром природы. Гузаль Бегим мастерски использует многозначность и созвучность ключевых слов, что подчас ставит переводчика в весьма затруднительное положение. Примером такой игры словом и стилистической утонченности может послужить текст стихотворения из поэтического цикла «Россыпь», который оказывается совершенно непереводаемым на русский язык даже в нерифмованном подстрочнике:

*Кўзимда куз йиғлайди
қўлимда кўл
Ажратиб қўй бизни тафовут*

«В глазах моих плачет осень // в моих руках озеро // раздели же нас, различие». Здесь автор использует омонимические пары слов «кФз – куз» (глаз – осень), «кФл – кФл» (рука – озеро). Переводчику приходится искать или иные две пары омонимов или подстраиваться к понятиям, содержащимся в поэтическом тексте, но теряющих омонимичность на русском языке.

Важно отметить, что поэзия Гузаль Бегим не только передает своеобразие и романтику восточной жизни, не только погружает в созерцательные состояния. Осознание неизбежного умирания красоты в неумолимом движении времени, сочувствие тем, кого время и обстоятельства жизни поставили в безвыходное положение поднимают лирику поэтессы до осознания трагичности бытия и проявлений высокого сострадания человеку:

Худоё
осмонимга осгин ўзимни
юрагимни кушларга кийгаз
тановулга келсин арилар
гугурт чақ ҳар битта кунимга
Худоё
руҳимни кафан қил
заминдаги сўнгги шаҳидга
Худоё...

Боже
повесь меня в небе моем
расщипи мое сердце оперением птицам
и пусть слетятся на пир свой осы
Боже
сделай саваном дух мой
последнему убиенному на земле
Боже...

В представленных переводах делается попытка в какой-то мере познакомить читателей со своеобразным миром поэзии Гузаль Бегим, дать почувствовать особенности художественного почерка поэтессы, в чем-то утонченного и трудно уловимого, как сама «тень порхающего листа» – одного из характерных для поэтессы образов, давшего название целому поэтическому сборнику.

Гузаль Бегим родилась в 1974 году в Кушкупирском районе Хорезмской области. Окончила факультет узбекской филологии Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека. В 2001–2003 годах училась на Высших литературных курсах при Литературном институте в Москве.

Является автором сборников «Сукунат жаранги» («Звон тишины», 1998), «Учаётган япро сояси» («Тень порхающего листа», 2002), готовит к печати новую книгу стихов «Шабда ир“о“и» («Берег ветерка»).

Напечатана в коллективных сборниках «Узбекская модернистическая поэзия» (Ташкент, 2003), «Книга молодых поэтов и писателей» (Ташкент, 2008), «Анар – Гранат» (Москва, 2008). Переведена на русский, английский и казахский языки.

Участвовала в работе Молодежного творческого семинара (Заамин, 1999 г.), VI Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2008), III Форуме переводчиков стран СНГ и Балтии (Ереван, 2009). Является литературным сотрудником республиканского детского журнала «Гунча».

Гузаль БЕГИМ

ТЕНЬ ПОРХАЮЩЕГО ЛИСТА

Матери Зулфире Миннигали посвящаю

* * *

В тандыре огонь разводила мать
а я подбежала к арыку
где грустно вздохнула яблоня

Набрав в ладони рассветной воды
образ разрубленного дерева
унесла я в свой сон

И шла я в самую долгую ночь
глазами, вслушиваясь и внемля
обхватив руки матери

Белого Иддила¹ печальный всплеск
пронесся по моему саду
бился в окно голос птицы Хаккуш²

Мать не спеша подкладывала дрова
я же вдохнув аромат райхона
сорвала бесконечную ночь

* * *

Деревья,
цветы
и травы
все счастливы прорастанием
я же счастливей их
хотя я и не расту.

* * *

Долго я сидела, вглядываясь в Луну
крошечный лучик, поймав своим взглядом
ее чуть улыбочивый образ
не стесняюсь прижать к губам

Отзвуки лунных шагов
приблизились ближе – ближе
и вот – растворились в моих глазах

¹ Белый Идиль – тюркское название одного из притоков Волги

² Хаккуш – буквально Птица истины. Так тюркоязычные народы называют квакву по созвучию со словом «Хак» (истина)

В ту ночь протянула я руки к луне
но все ж расплескала капельку счастья
И собрав свои косы узлом

Хотела что-то шепнуть Луне
но складки смущенных губ
потерялись в дорогах неба

Долго сидела я, вглядываясь в Луну
и небо не шелохнулось
и стояло надо мной до рассвета

* * *

Как никто другой
Прошла я под деревом
Не бросив на него взгляда

И как никто другой
присела я возле росинки
пристально глядя на дерево

* * *

На картинке книжной обложки
небесного цвета бабочка
мелькает своими крыльями

На картинке книжной обложки
пьет она влагу неба
в глубины разлившейся речки
уходят на дно цветы

На картинке книжной обложки
непрестанно шевелит ветер
беззубая крыса ночи.

На картинке книжной обложки
зевают из камня статуи
и с неба скользит звезда

На картинке книжной обложки
льется в глаза мои голос
тысячегранный голос
лунный дождь лунный дождь лунный дождь

* * *

Не нарадуюсь я
если рядом трепещут листья
и птицы поют
я начинаю менять свой голос
я надеваю другое платье
и вздыхая, гляжу на небо

* * *

Под деревом проходя
задумалась я на миг о небе

На миг скользнула мечта о Луне
и тотчас порвав оболочку мыслей

Разлетелись листья в Неведомое
улетел шафрановый миг

И когда я прошла под деревом
не осталось на нем листвы

* * *

Я хотела бы жить как Вы
лаская ладонью головки цветов
размягчая касаньем камень

Я хотела бы жить как Вы
рождать свой взгляд в глубине зрачков
говорить так неспешно ме-длен-но...

* * *

Гуляя среди ароматов
я что-то хочу рассмотреть
а что-то потрогать рукой

И я обнимаю деревья
замерзшие падают листья
в зрачках моих трепетность трав

Начнется опять на рассвете
мое необычное дело –
бродить среди стынущих рощ.

* * *

Среди осколков разбитых пиал
сама я будто разбросанная
на все на четыре стороны

И глядя сквозь дверцы Сущности
я вижу одни осколки
и ничего кроме взгляда

РОССЫПЬ

1

Стоит мне повернуть рукой
ключ от счастья
и взлетают бескрылые птицы

2

В одеяниях разноцветных
бродит созревшее горе
вокруг моего калама

3

Каждый вечер пустой вялый ветер
колеблет мою колыбель
теперь такую пустую

4

Глаза мои – слезы осени
ладони – озера слез
Раздели ж нас, несхожее

5

Я отличаюсь от себя самой
и с девушкой во мне живущей
нет больше никакого сходства

6

По линии твою ладонь рассекшей
однажды полоснет кинжал судьбы
и рана обессмертит твою руку

7

Тень порхающего листа
в чей-то двор залетела
щенок укусил весну

8

Не стесни аромата розы
не наступи на луч луны
Будь осторожен щенок

9

Яблоко, заклеванное птицей
растревожило дерево
запахом солнца

10

Уняла рукой щебет птиц
в проборе моих волос
морскую волну придержала

11

Когда затрепетали в зрачках моих
крылья летящей птицы
голосу своему я дала свободу

12

Я шепнула на ушко райхону
что люблю его
только так
сорвала я запах цветка

13

Цвета, погруженные в глубь колодца
и собранные Творцом
всплывают наверх пейзажем

14

Вошедший сумрак отвлек меня
пройди же неслышно
мимо моей тишины

15

Скрестив свой взгляд с лучом луны
я хотела понять лунный свет
но не сумела постигнуть ночь

16

Стоит с улыбкой взглянуть на луну
и с шелестом опадают
желтые лунные листья

Перевод с узбекского Николая Ильина

Гуарик Багдасарова

«МОЯ ПОЭЗИЯ – МОЛЧАНЬЕ»

Из чего слагается вечность? Из мгновений, в которых, как молнией изнутри, вдруг сильно и кратко высвечивается гармония жизни, а значит, и смысл её. В эти редкие минуты или часы мы открываем для себя, как дар свыше, тот самый неуловимый смысл, который мы безостановочно ищем и хотим понять в потоке дней и бесконечных хлопот, встреч и разлук, обретенных и разочарований, взлётов и падений и глубинного неистребимого одиночества наедине со своей судьбой, а значит, наедине с Богом, перед которым мы только и можем обнажить наше сознание, а значит, нашу совесть. Такие мгновения нам может подарить встреча с настоящим искусством – слова, резца, кисти, музыки. А тут всё соединилось в первой книге молодого поэта Баха (Баходыра) Ахмедова под странным, на первый взгляд, названием: **«Молчание шара»**.

И только на творческой встрече с автором книги в Государственном литературном музее Сергея Есенина в Ташкенте собравшиеся поклонники художественного слова узнали, что в этом интригующем словосочетании состоит творческое кредо талантливого поэта. Он расшифровал его в своих стихах:

**«Моя поэзия – молчанье.
Моя свобода – черновик.
Пусть грусть в окно стучит ночами
И застревает в горле крик.
Я ухожу от искушений
Определять словами суть.
Я лишь рисую свет и тени,
И где-то между – Млечный Путь».**

По образованию Бах Ахмедов, пошедший по стопам отца, физик. В прозаическом эссе «Молчание шара», замыкающем стихотворную книгу, известные нам со школьной скамьи геометрические фигуры – цилиндр, куб, конус, шар и пирамида – спорят о степени своего совершенства. Победителем из спора, несмотря на свое молчание, выходит шар. Он молчит, но он знает о «своём совершенстве, которое по иронии геометрии, стало его наказанием и самым большим несовершенством в этой несовершенной Вселенной несовершенных фигур».

Эта философская притча таит в себе отголосок далёкого платоновского идеалистического проекта о государственном устройстве, стабильном общественном строе, основанном на справедливости, возможности точного знания, на поиске единого и всеобщего многообразия явлений.

Книга Баха Ахмедова представляется такой вселенной, или поэтическим пространством, в котором «единственностью лирической стихии» (Б. Пастернак) объединены разные эпохи и темы. «Письмо из Древнего Рима» о нашествии варваров перекликается с актуальными проблемами неузнаваемо меняющихся современных городов и отчуждения людей под прессингом глобальной унификации. «Иероглиф судьбы чёрной тушью на тонкой бумаге» и «монах, улыбаясь, глядит на ночную долину» - эти детали поэт подмечает в картине средневекового китайского мастера, чтобы сделать неожиданный вывод:

***«Иероглиф судьбы, но прозрачна картина, как воздух,
Чтобы свет нам дарить и тропинкой вести на вершину».***

Поэт не просто изучает философов нового времени - Кьеркегора, Хайдеггера, Эйнштейна, писателей и поэтов Ренессанса и прошлых столетий - Данте, Шекспира, Пруста, Пастернака, Рильке и других: он ведёт в этом историко-информационном пространстве на равных с ними диалог, который приобретает формы транскультурного и надгосударственного единства. У них и у основателей мировых конфессий он ищет и находит целостные, а иногда и противоречивые ответы на волнующие его экзистенциально значимые вопросы о мире и о себе.

Ташкентского поэта в лабиринте истории, философии и литературы волнуют как раз те вопросы, которые один из почитаемых им философов 20 века Мартин Хайдеггер объединил бы одним понятием: «Ничто». Согласитесь, насколько это странно, на взгляд современного обывателя, заражённого рационализмом товарно-рыночных отношений, и насколько это актуально, с точки зрения понимания нашей жизни, чья суть постоянно ускользает от нас под мощным напором потока пустой информации и модных учений и поветрий.

На протяжении всей книги - а это 128 исповедальных страниц - автор вопрошает и одновременно пытается найти ответ, какое место занимают в этой космологической иерархии божественное и сам человек с его снами, мечтами и одиночеством, которому «больно жить и больно быть извечным приближением к вере». В этом тесном духовном и одновременно безграничном пространстве, которое можно было бы обозначить как «Территория любви» (по названию диска Рашида Ахмедова на стихи Баха) обитают разные персонажи, чьи судьбы, поведаны в лаконичной пронзительной стихотворной форме.

Герои книги «Молчание шара» навсегда войдут в сознание читателей даже при первом, самом поверхностном знакомстве с ней и уже не отпустят нас никогда, так осязательно, с потрясающей силой и глубиной «истины каждого мгновенья» (М. Цветаева) поведал о них автор: это хромой сосед-инвалид, незаметно и неожиданно для всех умерший в больнице («Он живым был и умер, как всё живое»); любимая женщина, чей образ в сознании автора «неизбежен» и профиль в нём - «навсегда»; респектабельный доктор Макфил, учёный из Англии, завораживающий нас своей странной двойственностью; «кошка под дождём» (здесь идут явные реминисценции с рассказом Хэмингуэя); наконец, некий средневековый поэт, читающий крысам «красивый и грустный бред» под крики: «Браво»; «усталые ангелы на кончике иглы» и многие другие персонажи, перенаселившие книгу, включая дождь и снег, «незримое сияние Вселенной» - словом, всё, что одухотворяет нашу жизнь «опытом познания».

Автор книги проводит нас через все виды сомнений и отчаяния, чтобы найти тот «долгий путь преодоления, что называется судьбой», и попытаться выйти вместе с читателем из этого лабиринта. Важным моментом является

и понимание того, что никакие слова, выстроенные даже в самом гармоничном порядке, не могут сравниться с сиянием божественного *Слова*, которое было и есть в начале всех начал.

Любители литературы познакомились с творчеством Баха Ахмедова в сентябре 2008 года на 6-м Ташкентском фестивале поэзии, где он был представлен как победитель международного поэтического конкурса «Пушкин в Британии» (октябрь, 2007 г.). Стихи и проза Баха публиковались в литературных журналах и альманахах в Узбекистане, России, Великобритании и Израиле, а также в антологии современной поэзии Узбекистана «Анор» (Москва, 2009). В настоящее время известная узбекская поэтесса Гузаль Бегим перевела 20 стихотворений Баха Ахмедова для журнала «Жахон адабиёти» («Всемирная литература»). На презентации книги «Молчание шара» в ее исполнении были прочитаны переводы двух стихотворений Баха на узбекский язык, а затем автор прочитал оригинальные тексты этих стихов.

Ташкентские барды и композиторы Рашид Ахмедов и Геннадий Арефьев написали музыку и исполнили песни на стихи Баха Ахмедова. Рашид Ахмедов выпустил целый диск «Территория любви», куда вошли 16 песен на стихи его однофамильца и брата по духу.

Александр Блок как-то сказал: «Конечные цели искусства никому не известны». В случае с Бахом и Рашидом Ахмедовыми, поэзия и музыка, «две родные сёстры» нашли друг друга и явили собой симбиоз духовного побратимства: это, когда мы на волне объединяющего нас настоящего искусства понимаем больше, чем понимаем, и слышим больше, чем обычно слышим. В конечном итоге, это уже не индивидуальное и субъективное, а коллективное познание жизни, в котором задействованы мы все.

НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД

Кучкар ХАНАЗАРОВ

доктор философских наук, профессор

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВ

Язык, как известно, является обширнейшей сферой научных исследований. Особое положение языка как объекта изучения, не трудно понять, ибо на языке держится род человеческий. Без языка человечество представляет собою не более, чем часть животного мира. Этим объясняется и то внимание, что уделяется его защите от вторжений в него, которые способны нанести языку ущерб той или иной степени серьезности.

Такая опасность для языков возникла со второй половины XX века. Она связана с возникновением и усилением процессов глобализации по всему земному шару. Глобализация является объективным процессом, отнюдь не ставящим перед собой цели наносить ущерб существующим языкам. Однако она своим ускорением и расширением подрывает основу под языками, смыкает почву, на которой держатся тысячи языков и прежде всего языки малых наций, народностей, племен и этнических групп.

Сказанное выше не означает, что глобализация выступает как явление, усложняющее общественное развитие. Она – результат небывалого ускорения развития науки, техники и технологии по всей земле. Говоря об этом, Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов подчеркивает, что «мы живем ныне в мире, который меняется ускоренными темпами, в эпоху, коренным образом отличающуюся от всех прежних эпох, пережитых человечеством».

Глобализация не является чем-то искусственным, привносимым в общество извне. Она является следствием тех глубоких качественных сдвигов, которые имели место в обществе после завершения Второй мировой войны. Чем больше мы отходим от времен войны, тем с большей наглядностью проступает все то положительное, что связано и обусловлено победой в войне 1939–1945 гг. Глубокое и все-стороннее осмысление войны и тех грозных лет убеждают нас в том, что она по существу в корне отличалась от прежних войн. Она не сводилась к военному столкновению двух сторон, а воплощала в себе стремления всех народов на земле к миру, к установлению на земле отношений, исключающих военное решение проблем с его разрушениями и жертвами. Поэтому победа во Второй мировой войне открыла дорогу к продолжению борьбы народов за мир и демократию, как в метрополиях, так и в зависимых и колониальных странах. Таким образом, Великая победа обозначила черту перехода человечества в новое качественное состояние, обобщенным выражением которого явилась глобализация.

Следовательно, глобализация – не игра истории и не отклонение в развитии общества, а неизбежное следствие действия глубинных факторов, сформировавшихся в результате победы во Второй мировой войне. Этих факторов было пять. Это, во-

первых, само чувство победы, ее осознание миллионами и миллиардами людей во всех уголках земли, что вливало в них уверенность и поднимало их на более активную борьбу. Во-вторых, это распад колониальной системы, обрекавшей сотни народов на отсталость и прозябание; в-третьих, постепенное отторжение из политики государств духа милитаризма, на поддержание которого каждое государство тратило не менее половины своего бюджета; в-четвертых, это распад СССР, являвшегося главной опорой политики «холодной войны», державшей весь мир на грани термоядерной катастрофы; и, наконец, в-пятых, осознание всем человечеством от мала до велика той простой и очевидной истины, что отныне следует исключить из жизни планеты мировые и крупные региональные войны с неизбежным применением термоядерного оружия, что создает угрозу самому существованию человечества.

Эти факторы, взятые в совокупности, позволили государствам, странам и народам обрести уверенность в прочности мира и повернуть основное свое внимание на развитие созидательных сил общества, на развитие науки, техники и технологии мирного назначения. Стал рождаться новый мир, мир без войн. Человечество достигло того нового качественного уровня, когда войны исключаются из международной жизни не потому, что якобы не стало сторонников военного решения международных проблем, а потому, что сам достигнутый человечеством уровень вооружения, в случае его применения, может поставить под вопрос само существование человечества. Иначе говоря, оружие и войны в своем совершенствовании достигли того качественного уровня, когда они отрицают сами себя.

Это качественное изменение роли и места вооружения и войн в жизни общества, всего человечества является логически обоснованным завершением определенной эпохи в истории человечества. Человечество является, с одной стороны, продолжением развития животного и хищнического мира и поэтому естественно то, что оно до сих пор продолжало навыки нападения и защиты, выработанные полудикими предками. С другой стороны, человечество ныне переходит в новое качественное состояние. Оно начинает жить человеческой жизнью, постепенно освобождаясь от животных навыков, привычек и измерений. Место стального оружия и железного снаряда начинает в мире занимать язык, как средство общения, обмена мнениями, борьбы точек зрения, теорий, принципов, концепций.

Однако, тяжелый груз прошлого пока продолжает тяготеть над всеми государствами и народами. Люди в течение столетий и тысячелетий привыкли измерять все силой армии, оружия и в зависимости от этого определяли свои задачи. Трудно отрицать и то бесспорное положение, что сила слова все чаще и чаще оказывается сильнее силы оружия. Окончательная победа мысли, идеи, теории, концепции в этом противостоянии неизбежна, о чем свидетельствуют следующие слова Президента И.А.Каримова: «в современном мире полигоны идеологии сильнее, чем ядерные полигоны» Бесспорно, что в современных условиях с каждым годом возрастает роль и место языка в жизни человечества. Язык постепенно превращается в главное средство в жизни человека. Языком определяется уровень грамотности, компетентности, сила логического мышления человека, его возможность убедить окружающих в правильности и предпочтительности своей точки зрения.

Сказанное выше – бесспорная истина. Глобализация это небывалое ускорение научного, технического и технологического прогресса. Теперь земля предстала как одно целое, как обжитое обиталище человека. Она накрепко объединила местные, региональные культуры в одну общечеловеческую культуру. Происходит небывалое обогащение материальной, духовной, технической и технологической жизни людей. В результате ускоряется сближение наций, народностей, их экономической и духовной жизни. Человечество предстает ныне как совокупность создателей и творцов растущей, взаимно обогащающейся мировой материальной и духовно-нравственной культуры.

Можно и дальше перечислять положительные черты, стороны и аспекты влияния глобализации на общество. Однако, при более внимательном взгляде и анализе происходящих изменений, выясняется, что есть одна очень важная сторона в процессах глобализации, которая не может не настораживать. Это – языки.

По данным специалистов, ныне в мире существует 6900 языков. Общечеловеческая материальная и духовная культура сплетена, создана и обогащается усилен-

ями народов земли, говорящих на этих языках. Но очевидно, что языки отличаются друг от друга не только лексикой, правилами грамматики и произношения, но и численностью говорящих на каждом из них, их географическим расположением, своеобразием истории становления и формирования, взаимоотношением с другими народами и т.д. Известно, что становление и формирование языков происходило стихийно, каждое племя само самостоятельно вырабатывало правила и лексический состав своего языка. Племена, особенно в начальный период их истории, жили разрозненно. Родной язык не только сплачивал данное племя, но и, отличаясь от других языков, служил средством защиты от соседних враждебных и недружелюбных племен.

По данным лингвистов, из этих существующих ныне в мире языков, на 2,5 тысячах количество говорящих не превышает 100 человек; на 6000 число говорящих не превышает одного миллиона человек.

Первые же десятилетия процессов глобализации на земле показали, что малые языки в своем большинстве не выдерживают напора мощных волн научных, технических и технологических новинок, не в силах воссоздавать в своем лексическом богатстве современную научную, техническую и технологическую, а также общественно-политическую, гуманитарную и духовно-эмоциональную терминологию. Еще значительней отставание малых языков в воссоздании всей совокупности духовного богатства. И это отнюдь не по вине самих языков или политически – административных препонов. «Виновата» численность общающихся на этих языках, ибо воссоздание в переводе основных произведений по науке, технике, технологии, политике, общественным дисциплинам и т.п., – попросту говоря не под силу малым и малочисленным народам. Это – вопрос, стоящий на повестке дня многих тысяч малых народов и малочисленных национальностей в условиях глобализации.

При решении данной проблемы следует исходить из учета того бесспорного факта, что благодаря ликвидации колониальной системы и полуколониальной зависимости, земля превратилась ныне в совокупность независимых государств. Сами независимые государства рассматривают все языки мира как общее достояние человечества. Одним из новых качественных состояний, которое возникло благодаря глобализации, является превращение всех языков, больших и малых, в общее достояние человечества. Как известно, язык безразличен к политике и идеологии. Он эффективно служит всякому, кто его выучил полней, превратил данный язык в свое действенное оружие в борьбе идеологий, средство познания мира и укрепления своей власти над природой. Глобализация снесла политические, идеологические и прочие препоны между языками. Они предстали перед человечеством во всем своем разнообразии. Каждый человек, независимо от национальности, места проживания, специальности и других различий, волен в выборе языка общения и познания. В подобных условиях стало очевидным, что международно-мировые языки имеют несомненное и бесспорное преимущество перед другими языками, ибо они в более полной степени отражают в себе всю совокупность знаний о мире, об объективной действительности и, прежде всего, об обществе, о природе, о науке, технике и технологии, о нравственности, духовности и философии.

В результате отмеченных выше качественных изменений в обществе, глобализация ввела в жизнь человечества еще одно качественное явление, – конкурентную борьбу и соревновательный дух в среде народов в овладении и более совершенном знании международно-мировых языков, коими являются, как известно, английский, французский, русский, испанский и немецкий. При этом за прошедшие после Второй мировой войны годы стало бесспорным фактом, что сами международно-мировые языки дифференцируются по значимости, полноте словаря и терминологии, распространенности по континентам и тому подобным показателям. Однако постепенно стало выясняться, что лидером по степени удобства становится английский язык. Как известно, без принятия какого-либо общего решения, резолюции, воззвания и тому подобного документа английский язык постепенно стал общепризнанным языком всех без исключения международных и мировых политических, научных, отраслевых и прочих конгрессов, симпозиумов, совещаний, встреч. На этих международных мероприятиях вторым языком объявляется французский и язык государства, где проходит данное международно-мировое мероприятие. Самым очевидным и бесспорным подтверждением данного мнения явилось то, что после распада коло-

ниальной системы и образования на месте колоний десятков независимых государств 26 бывших колоний, ставшие независимыми государствами, объявили у себя в стране английский язык государственным языком. Ученые, научные исследователи, представители технических, технологических, общественных и прочих наук и сфер деятельности, таких стран как Япония, Китай, Сингапур, Корейская Республика сами добиваются, чтобы их исследования, выводы и практические предложения печатались на английском языке для ускорения распространения их идей. В ряде стран, прежде всего в Индии, английский язык фактически признан языком политики, науки, техники и технологии №1.

Этот качественный сдвиг в выборе языка печатания в пользу английского языка предстает ныне как наиболее эффективный путь выхода данного государства, данной страны, данного народа на международную арену. В современных условиях создавшихся в ходе расширения и углубления глобализации, одной из задач принципиального значения каждой нации, каждого государства является выход на международную арену широким фронтом, не заниматься самолюбованием и самовосхвалением, находясь в своей национальной скорлупе, а максимально использовать международно-мировые языки, и прежде всего английский язык для повышения вклада в обогащение и развитие общечеловеческой цивилизации, для пропаганды таким путем материальной и духовной культуры своего народа, для содействия возвышению своего народа, своей страны. Если же мы будем, как прежде, сторониться «чуждого языка», то этим мы объективно будем замедлять процесс выхода своей страны на широкую международную арену.

Эти вопросы особенно остро стоят в Узбекистане, являющимся самой густонаселенной частью Центрально Азиатского региона, с высокой древней культурой, десятками городов, тысячами сел, высокоразвитыми очагами цивилизации. Тоталитарный строй считал неуместным увлекаться изучением древней истории Узбекистана. Многие ее проблемы и аспекты вообще никогда не рассматривались.

Благодаря глобализации наука, техника и технология получили небывалое ускорение в своем развитии. Ныне наука, техника и технология превращаются в определяющие факторы решения общечеловеческих экономических и социальных проблем. Поэтому все усилия общественности, государств и народов должны быть направлены на развитие и углубление глобализации. Анализ данной проблемы показывает, что здесь решение может быть однозначным. Ежели так, то проблема языков превращается в одну из острейших, ибо глобализация своей могучей поступью выравнивает страны, государства и регионы, при этом, как отмечено выше, небывало возрастает роль крупных, развитых языков и прежде всего международно-мировых языков. При этом тысячи языков малых народов (а они составляют не менее 90 процентов от общего числа всех существующих в мире языков) не должны оказываться у края пропасти исчезновения и превращения в мертвые языки, а иметь полную свободу для развития. Задача трудная, но выполнимая.

Глобализация должна рассматриваться как благо, ускоряющее и облегчающее решение человечеством острых социальных и нравственных, экономических проблем. Глобализация это не только ускоренное развитие науки, техники и технологии, но и наступление эпохи всеобщего выравнивания уровня развитости всех народов, как больших, так и малых, превращения человечества в семью развитых, передовых народов. Это означает необходимость уделять особое внимание малым народам и малым языкам. Малые народы, чтобы не оказаться на обочине истории, а шагать в ногу с крупными, передовыми нациями, сохраняя при этом свой язык, должны решить проблему языка путем перехода на трехязычие, которое складывается на основе свободного владения своим национальным языком как бесценным богатством народа, средством общения данного народа. Вторым языком, которым в собственных интересах должен овладевать народ, является местный, региональный язык межнационального общения. Третьим языком, которым целесообразно овладевать в собственных интересах каждой малой нации, народности или этнической группы является английский язык как наиболее распространенный из международно-мировых языков.

Человечество ныне находится у начала процесса глобализации. Нельзя не обратить внимания на то, что даже в начальный период глобализации общение народов, континентов и регионов возрастает во много раз. Нельзя не предвидеть тот факт, что через десятилетия международные поездки станут обычной нормой жиз-

ни. В этих условиях третий, то есть английский язык, будет не менее нужен человеку, чем родной национальный язык. Владая тремя языками, представитель малого народа везде, в любой части света будет чувствовать себя как дома. По мнению лингвистов, профессиональных дипломатов и переводчиков, владение тремя языками, один из которых родной национальный, вполне достижимо для любого «среднестатистического» человека. Решение проблемы общечеловеческого средства общения на основе трех языков является в нынешних конкретных условиях оптимальным. Оно наиболее достижимо, ибо речь идет, собственно говоря, об овладении фактически одним языком, например, английским, так как человек в реальных жизненных условиях владеет, как правило, родным национальным и региональным. Если же человек уже со школы овладел английским языком, то он может уделять больше времени изучению родного национального или регионального, что зависит от конкретных обстоятельств.

Вопрос о выработке и создании единого общечеловеческого языка ставился неоднократно в прошлые века выдающимися учеными и видными общественными и государственными деятелями, от Исаака Ньютона до Максима Горького. Однако ни один проект всеобщего языка не получил признания и распространения. Люди с интересом знакомились с этими проектами, делали попытки их изучения и внедрения в практику путем создания кружков, объединений и групп, но к практическим результатам так и не пришли. Нежизнеспособность этих языков объяснялась тем, что они были искусственными, создавались отдельными личностями или их группами и привносились в общество извне. Они не имели естественных корней в обществе, отвлекали людей от неотложных дел повседневной практики жизни, а иногда попросту мешали им. Поэтому идея зависала в воздухе и постепенно сходилась на нет.

Идея решения проблемы всеобщего средства общения на основе трехязычия в корне отличается от прежних проектов. Она опирается на живые, существующие языки, которыми окружен каждый человек. Это, во-первых, его родной национальный язык; во-вторых, региональный язык межнационального общения; в-третьих, живой, широко по всему миру распространенный английский язык. Как видно, здесь нет ничего искусственного; это мир языков, с которыми человек встречается каждый день, каждый час, решая проблемы жизненной практики. Все три языка равноправны, свободно развиваются и обогащаются каждый в своей среде, не мешая друг другу.

Идея всеобщего трехязычия подсказана самой жизнью, самой практикой совместной жизни народов земного шара. Трехязычие уже не первое десятилетие пробивает себе дорогу в человеческом общежитии, называемом планетой Земля. Теперь эта идея постепенно осмысливается, чтобы стать общечеловеческой идеей. В связи с этим, одной из первоочередных лингвистических задач в Узбекистане является создание необходимых условий для превращения трехязычия в общенациональное явление. Выполнение этой задачи является, на наш взгляд, одной из предпосылок и базовых шагов в широком выходе независимого Узбекистана на широкую международную арену.

Таким образом, трехязычие позволяет одновременно решить две проблемы: гарантировать свободное развитие равноправных национальных языков независимо от того, крупные или малые эти языки. Каждый язык развивает свою лексику, терминологию настолько, насколько это необходимо в конкретной языковой обстановке, в которой живут его носители. Все языки равноправны, они развиваются настолько, насколько это необходимо с учетом запросов практики. Место национального языка в мировом рейтинге языков зависит не только от политических решений и объективных факторов, характеризующих данный национальный язык, но и от организованности, развитости национального самосознания самой нации, то есть от субъективного фактора. Это обстоятельство соответствует духу и сущности общества рыночных отношений, которые все глубже внедряются в нашу действительность. В условиях рыночных отношений каждый член общества может и должен стать языкотворцем, активно участвовать в обогащении и совершенствовании родного национального языка, ибо демократическое государство и гражданское общество создают все необходимые для этого условия. Более того, человек, проявляющий безразличие к языковым проблемам, в том числе, к родному национальному языку, становится объектом осуждения.

Таким образом, постепенно вырисовывается достаточно ясная и убедительная картина разрешения языковых проблем, связанных с возникновением и распространением глобализации. Однако, определенное беспокойство вызывают процессы, происходящие в среде малых и малочисленных наций, народностей и этнических групп, при которых возникла реальная угроза их языкам. Она стала проявляться во второй половине XX в. Дело в том, что бурное развитие науки и техники привело к образованию миллионов новых рабочих мест, к массовой урбанизации, к оттоку сотен миллионов людей в города и во вновь возникающие промышленные центры. Из-за этого тысячи языков малых наций и малочисленных народностей лишаются своей языковой основы.

Подобные процессы в обществе были и раньше. Но то, что пришло вместе с глобализацией как ее порождение, было несравнимо шире, мощней и основательней. Прежде всего поражает воображение размеры и темпы происходящего, результатом чего было уменьшение числа живых языков с 6900 примерно до 3000 за менее чем столетия. Этот процесс происходил бурно и стихийно, не было ни природной и ни социальной силы, которая могла бы остановить его.

Изучение вопроса показывает, что наступление этого процесса было неизбежно и было обусловлено объективными изменениями на земном шаре. Можно выделить четыре основные причины массового и бурного «обезлюдивания языков». Это, во-первых, образование на месте колоний и полукolonий независимых государств, государств бедных и нищих, остро нуждавшихся в инвестициях и субсидиях и готовых открыть ворота любому государству или финансовому объединению, могущему пойти навстречу. Во-вторых, готовность финансовых международных объединений удовлетворить желания новых молодых и бедных государств, ибо это давало небывалую им выгоду из-за низкой заработной платы. В-третьих, готовность коренного автохтонного населения идти на производство при любой зарплате, так как оно впервые в своей истории могло получать конкретную, заранее установленную заработную плату, предусмотренную трудовым договором. И, в-четвертых, эти процессы всемерно одобряла Организация Объединенных Наций, которая видела в этих существенных изменениях в молодых бедных странах выполнение ее резолюций об оказании помощи богатыми, развитыми государствами новым, бедным государствам. Благодаря действию указанных четырех факторов десятки государств и тысячи малых наций, мелких народностей и этнических групп шагнули из первобытного состояния прямо в рыночные условия развитого капитализма. В печати последней четверти XX в. все чаще стали появляться выражения и словосочетания в виде «драконы востока» или «тигры востока», когда речь шла о новых молодых государствах Азии и Африки. Эти существенные изменения не коснулись народов бывшего союза, так как вплоть до 1991 г. проводилась жесткая политика политической и экономической изоляции от «мира капитала и эксплуатации».

Эти серьезные изменения в языковой жизни поставили перед учеными-языковедами и обществоведами сложный теоретический вопрос: как оценить эти изменения, являются ли они прогрессивными, ибо отрывают тысячи малых наций, народностей, этнических групп от многовековой отсталости, оторванности от большого мира цивилизации, и вместе с тем приобщающих их к современным формам жизни; или же эти изменения являются регрессивными, ибо ведут к исчезновению тысяч уникальных и неповторимых языков, малых наций, народностей и этнических групп, образов жизни и национальных культур, когда неизбежны невосполнимые потери. Рассуждая на эту тему, мы должны, прежде всего, учитывать, что эти изменения происходят добровольно, без административного и политического вмешательства и организованного давления со стороны. Эти изменения являются формой тяги малых наций, народностей, племен и этнических групп к новой жизни, к высоким проявлениям цивилизации. В этом соревновании первобытной идиллии и современности берет верх современность, воплощающая в себе все то, что достигнуто передовой частью человечества. Мы являемся свидетелями одного из великих исторических явлений, когда многие тысячи языков из единственного и основного средства общения малой нации, народности, племени и этнической группы становятся побочными, вспомогательными языками по отношению к основным языкам, – английскому, французскому или иному более мощному и шире распространенному языку. Таким образом, малые языки не исчезают, не вытесняются из

жизни своих носителей, а будут продолжать служить общению, соблюдению обычаев, традиций малых народов, созданию шедевров народного творчества. Этому будут содействовать новые технические и технологические изобретения и достижения, позволяющие поддерживать чувство национального единства и верности национальным традициям. Малые языки не умирают, не исчезают, а остаются на устах и в творчестве тех, для кого они были и являются родным языком. Их судьба будет зависеть от активности, организованности, силы их языкового сознания.

Состояние и положение языков зависит от конкретных усилий их существования. Языки на территории Содружества Независимых Государств /СНГ/ развиваются на основе равноправия и взаимного сотрудничества. В СНГ на этой основе все более распространяется трехязычие, о котором говорилось выше. Узбекский язык был провозглашен государственным языком Узбекистана в 1989 году; с каждым годом расширяется сферы его использования как языка науки, техники и технологии, всех сфер человеческой деятельности. Выдвигаются новые задачи по повышению культуры речи, выработке правил научного, публицистического языка, языка официальных мероприятий и т.п. Пора серьезно подумать о том, чтобы создать отдельное издательство иностранных словарей, выработать методику и методологию обучения языкам, в том числе иностранным языкам.

Глобализация выдвигает новые задачи перед языковедами и обществоведами. Необходим тщательный анализ происходящих процессов. Язык – это мир, человек, мышление, познание человеком своей сущности, красоты и мудрости жизни. Все эти сложные явления требуют дальнейших научных обоснований.

Литература:

1. И.А.Каримов. *Высокая духовность – непобедимая сила* // Т., «Узбекистан», 2009.
2. *Foundation on for endangered Languages // Ogmios Newletters 3/03 (#27). London, 18/09/2005*

ИНДЕКС

Для физических лиц – 831
Для юридических лиц – 832

Журнал зарегистрирован
Агентством печати и информации
Республики Узбекистан
Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская, д.16 А. (пятый этаж).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка без соглашения с редакцией не допускаются.
Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Редакция журнала осведомляет авторов о том,
что к рассмотрению принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе.
(набор текста в любом формате с приложением дисков, дискеток и распечаткой)

Подписано в печать 10.04.10
Формат 79x108 1/16. офсетная печать
Усл. П.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 500 экз. Заказ № 171
Цена договорная

Отпечатано в типографии ООО «Sano-standart».
г. Ташкент, улица Ширак, д-100.